

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

Вторая половина 1925—1926

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Подготовка текста и примечания:
В. В КОЖИНОВА и И. Л. РОБИНА — стихи и очерки об Америке;
В. В. ТИМОФЕЕВОЙ — стихотворения 1926 года.

В. МАЯКОВСКИЙ.
Фото. 1925 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(Вторая половина 1925 и 1926)

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

(1925—1926)

ИСПАНИЯ

Ты — я думал —
райский сад.
Ложь
подпивших бардов.
Нет —
живьем я вижу
склад
«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».
Из прилипших к скалам сёл
опустясь с опаской,
чистокровнейший осёл
шпарит по-испански.
Всё плебейство выбив вон,
в шляпы влезла пó нос.
Стал
простецкий
«телефон»
гордым
«телефонос».
Чернь волос
в цветах горит.
Щеки в шаль орамив,
сотня с лишним
сеньорит
машет веерами.
От медуз
воде синё.

Глуби —
версты мера.
Из товарищей
«сеньор»
стал
и «кабальеро».
Кастаньеты гонят сонь.
Визги...
пенье...
страсти!
А на что мне это все?
Как собаке — здрасите!

[1925]

6 МОНАХИНЬ

Воздев
печеные
картошки личек,
черней,
чем негр,
не видавший бань,
шестеро благочестивейших католичек
влезло
на борт
парохода «Эспань».
И сзади
и спереди
ровней, чем веревка.
Шали,
как с гвоздика,
с плеч висят,
а лица
обвила
белейшая гофрировка,
как в пасху
гофрируют
ножки поросят.
Пусть заполнится годами
жизни квота —
стоит
только
вспомнить это диво,
раздирает
рот
зевота
шире Мексиканского залива.

Трезвые,
чистые,
как раствор борной,
вместе,
эскадроном, садятся есть.
Пообедав, сообща
скрываются в уборной.
Одна зевнула —
зевают шесть.
Вместо известных
симметричных мест,
где у женщин выпуклость,—
у этих выем:
в одной выемке —
серебряный крест,
в другой — медали
со Львом
и с Пием.
Продрав глазенки
раньше, чем можно,—
в раю
(у ж о!)
отоспятся лишек,—
оркестром без дирижера
шесть дорожных
вынимают
евангелишек.
Придешь ночью —
сидят и бормочут.
Рассвет в розы —
бормочут, стервозы!
И днем,
и ночью, и в утра, и в полдни
сидят
и бормочут,
дуры господни.
Если ж
день
чуть-чуть
помрачнеет с виду,

сойдут в кабину,
12 галош
наденут вместе
и снова выйдут,
и снова
идет
елейный скулёж.
Мне б
язык испанский!
Я б спросил, взъяренный:
— Ангелицы,
попросту
ответ поэту дайте —
если
люди вы,
то кто ж
тогда
вороны?
А если
вы вороны,
почему вы не летаете?
Агитпропщики!
не лезьте вон из кожи.
Весь земной
обревизуйте шар.
Самый
замечательный безбожник
не придумает
кощунственнее шарж!
Радуйся, распятый Иисусе,
не слезай
с гвоздей своей доски,
а вторично явишься —
с ю д а
не суйся —
всё равно:
повесишься с тоски!

[1925]

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Испанский камень
                        слепящ и бел,
а стены —
              зубьями пил.
Пароход
           до двенадцати
                                уголь ел
и пресную воду пил.
Повел
       пароход
                   окованным носом
и в час,
сопя,
      вобрал якоря
                        и понесся.
Европа
         скрылась, мельчась.
Бегут
      по бортам
                   водяные глыбы,
огромные,
              как года́.
Надо мною птицы,
                        подо мною рыбы,
а кругом —
              вода.
Недели
         грудью своей атлетической —
то работяга,
               то в стельку пьян —

вздыхает
и гремит
Атлантический
океан.
«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться...
Развернись и плюнь —
пароход внизу.
Хочу топлю,
хочу везу.
Выходи сухой —
сварю ухой.
Людей не надо нам —
малы к обеду.
Не трону...
ладно...
пускай едут...»
Волны
будоражить мастерá:
детство выплеснут;
другому —
голос милой.
Ну, а мне б
опять
знамена простирать!
Вон —
пошлò,
затарахтéло,
загромило!
И снова
вода
присмирела сквозная,
и нет
никаких сомнений ни в ком.
И вдруг,
откуда-то —
черт его знает! —
встает
из глубин
воднячий Ревком.

И гвардия капель —
воды партизаны —
взбираются
ввысь
с океанского рва,
до неба метнутся
и падают заново,
порфиру пены в клочки изодрав.
И снова
спаялись во́ды в одно,
волне
повелев
разбурлиться вождем.
И прет волнища
с под тучи
на дно —
приказы
и лозунги
сыплет дождем.
И волны
клянутся
всеводному Цику
оружие бурь
до победы не класть.
И вот победили —
экватору в циркуль
Советов-капель бескрайняя власть.
Последних волн небольшие митинги
шумят
о чем-то
в возвышенном стиле.
И вот
океан
улыбнулся умытенький
и замер
на время
в покое и в штиле.
Смотрю за перила.
Старайтесь, приятели!

Под трапом,
нависшим
ажурным мостком,
при океанском предприятии
потеет
над чем-то
волновий местком.
И под водой
деловито и тихо
дворцом
растет
кораллов плетенка,
чтоб легше жилось
трудовой китихе
с рабочим китом
и дошкольным китенком.
Уже
и луну
положили дорожкой.
Хоть прямо
на пузе,
как пò суху, лазь.
Но враг не сунется —
в небо
сторожко
глядит,
не сморгнув,
Атлантический глаз.
То стынешь
в блеске лунного лака,
то стонешь,
облитый пеною ран.
Смотрю,
смотрю —
и всегда одинаков,
любим,
близок мне океан.
Вовек
твой грохот
удержит ухо.

В глаза
тебя
опрокинуть рад.
По шири,
по делу,
по крови,
по духу —
моей революции
старший брат.

[1925]

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Превращусь
не в Толстого, так в толстого,—
ем,
пишу,
от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.

Вчера
океан был злой,
как черт,
сегодня
смиренней
голубицы на яйцах.
Какая разница!
Все течет...
Все меняется.

Есть
у воды
своя пора:
часы прилива,
часы отлива.

А у Стеклова
вода
не сходила с пера.
Несправедливо.

Дохлая рыбка
плывет одна.
Висят
плавнички,
как подбитые крылышки.
Плывет недели,
и нет ей —
ни дна,
ни покрышки.

Навстречу
медленней, чем тело тюленье,
пароход из Мексики,
а мы —
туда.
Иначе и нельзя.
Разделение
труда.

Это кит — говорят.
Возможно и так.
Вроде рыбьего Бедного —
обхвата в три.
Только у Демьяна усы наружу,
а у кита
внутри.

Годы — чайки.
Вылетят в ряд —
и в воду —
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?

Я родился,
рос,
кормили соскою,—
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

3/VII — Атлантический океан.
[1925]

БЛЕК ЭНД УАЙТ

Если
Гавану
окинуть мигом —
рай-страна,
страна что надо.
Под пальмой
на ножке
стоят фламинго.
Цветет
коларио
по всей Ведадо.
В Гаване
все
разграничено четко:
у белых доллары,
у черных — нет.
Поэтому
Вилли
стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
за жизнь
повымел Вилли —
одних пылинок
целый лес,—
поэтому
волос у Вилли
вылез,
поэтому
живот у Вилли
влез.

Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
вор,
портово́й инспектор,
кинет
негру
цент на бегу.
От этой грязи скроешься разве?
Разве что
стали б
ходить на голове.
И то
намели бы
больше грязи:
волосьев тыщи,
а ног —
две.
Рядом
шла
нарядная Прадо.
То звякнет,
то вспыхнет
трехверстный джаз.
Дурню покажется,
что и взаправду
бывший рай
в Гаване как раз.
В мозгу у Вилли
мало извилин,
мало всходов,
мало посева.
Одно
единственное
вызубрил Вилли
тверже,
чем камень
памятника Масео:
«Белый
ест
ананас спелый,

черный —
гнилью моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу —
черный».
Мало вопросов Вилли сверлили.
Но один был
закорюка из закорюк.
И когда
вопрос этот
влезал в Вилли,
щетка
падала
из Виллиных рук.
И надо же случиться,
чтоб как раз тогда
к королю сигарному
Энри Клей
пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пáрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам —
она для негра
с черными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,
то сахар
извольте
делать сами».

Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится желт.
Вывернулся
король
сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки
и ушел.
Цвели
кругом
чудеса ботаники.
Бананы
сплетали
сплошной кров.
Вытер
негр
о белые подштанники
руку,
с носа утершую кровь.
Негр
посопел подбитым носом,
поднял щетку,
держась за скулу.
Откуда знать ему,
что с таким вопросом
надо обращаться
в Коминтерн,
в Москву?

5/VII — Гавана.
[*1925*]

СИФИЛИС

Пароход подошел,
завыл,
погудел —
и скован,
как каторжник беглый.
На палубе
700 человек людей,
остальные —
негры.
Подплыл
катерок
с одного бочкà.
Вбежав
по лесенке хрòмой,
осматривал
врач в роговых очках:
«Которые с трахомой?»
Припудрив прыщи
и наружность вымыв,
с кокетством себя волоча,
первый класс
дефилировал
мимо
улыбавшегося врача.
Дым
голубой
из двустволки ноздрей

колечком
единым
свив,
первым
шел
в алмазной заре
свиной король —
Свифт.
Трубка
воняет,
в метр длиной.
Попробуй к такому —
полезь!
Под шелком кальсон,
под батистом-линó
поди,
разбери болезнь.
«Остров,
дай
воздержанья зарок!
Остановить велите!»
Но взял
капитан
под козырек,
и спущен Свифт —
сифилитик.
За первым классом
шел второй.
Исследуя
этот класс,
врач
удивлялся,
что ноздри с дырой,—
лез
и в ухо
и в глаз.
Врач смотрел,
губу своротив,
нос
под очками
взмóрща.

Врач
троих
послал в карантин
из
второклассного сборища.
За вторым
надвигался
третий класс,
черный от негритья.
Врач посмотрел:
четвертый час,
время коктейлей
питья.
— Гоните обратно
трюму в щель!
Больные —
видно и так.
Грязный вид...
И вообще —
оспа не привита.—
У негра
вискѝ
ревмя ревут.
Валяется
в трюме
Том.
Назавтра
Тому
оспу привьют —
и Том
возвратится в дом.
На берегу
у Тома
жена.
Волоса
густые, как нефть.
И кожа ее
черна и жирна,
как вакса
«Черный лев».

Пока
по работам
Том болтается,
— у Кубы
губа не дура —
жену его
прогнали с плантаций
за неотработку
натурой.
Луна
в океан
накидала монет,
хоть сбросся,
вбежав на насыпь!
Недели
ни хлеба,
ни мяса нет.
Недели —
одни ананасы.
Опять
пароход
привинтило винтом.
Следующий —
через недели!
Как дождаться
с голодным ртом?
— Забыл,
разлюбил,
забросил Том!
С белой
рогожу
делит!—
Не заработать ей
и не скрасть.
Везде
полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту
последнюю страсть
раздула
эта экзотика.

Потело
тело
под бельецом
от черненького мясца.
Он тыкал
доллары
в руку, в лицо,
в голодные месяца.
Схватились —
желудок,
пустой давно,
и верности тяжеловес.
Она
решила отчетливо:
«No!» [1],—
и глухо сказала:
«Jes!» [2].
Уже
на дверь
плечом напирал
подгнивший мистер Свифт.
Его
и ее
наверх
в номера
взвинтил
услужливый лифт.
Явился
Том
через два денька.
Неделю
спал без просыпа.
И рад был,
что есть
и хлеб,
и деньга
и что не будет оспы.

---

1 «No!» — нет! *(англ.)*
2 «Jes!» — да! *(англ.)*

Но день пришел,
и у кож
в темноте
узор непонятный впеплен.
И дети
у матери в животе
онемевали
и слепли.
Суставы ломая
день ото дня,
года календарные вылистаны,
и кто-то
у тел
половину отнял
и вытянул руки
для милостыни.

Внимание
к негру
стало особое.
Когда
собиралась па̀ства,
морали
наглядное это пособие
показывал
постный пастор:
«Карает бог
и его
и ее
за то, что
водила гостей!»
И слазило
черного мяса гнилье
с гнилых
негритянских костей.

В политику
этим
не думал ввязаться я.

А так —
          срисовал для видика.
Одни говорят —
                    «цивилизация»,
другие —
          «колониальная политика».

[*1926*]

ХРИСТОФОР КОЛОМБ

Христофор Колумб был Христофор Коломб — испанский еврей.

Из журналов.

1

Вижу, как сейчас,
объедки да бутылки...
В портишке,
известном
лишь кабачком,
Коломб Христофор
и другие забулдыги
сидят,
нахлобучив
шляпы бочком.
Христофора злят,
пристают к Христофору:
«Что вы за нация?
Один Сион!
Любой португалишка
даст тебе фору!»
Вконец извели Христофора —
и он
покрыл
дисканточком
щелканье пробок

(задели
в еврее
больную струну):
«Что вы лезете:
Европа да Европа!
Возьму
и открою другую
страну».
Дивятся приятели:
«Что с Коломбом?
Вина не пьет,
не ходит гулять.
Надо смотреть —
не вывихнул ум бы.
Всю ночь сидит,
раздвигает циркуля».

2

Мертвая хватка в молодом еврее;
думает,
не ест,
не досыпает ночей.
Лакеев
оттягивает
за фалды ливреи,
лезет
аж в спальни
королей и богачей.
«Кораллами торгуете?!
Дешевле редиски.
Сам
наловит
каждый мальчуган.
То ли дело
материк индийский:
не барахло —
бирюза,
жемчуга!

Дело верное:
вот вам карта.
Это океан,
а это —
мы.
Пунктиром путь —
и бриллиантов караты
на каждый полтинник,
данный взаймы».
Тесно торгашам.
Томятся непоседы.
Пò суху
и в год
не обернется караван.
И закапали
флорины и пезеты
Христофору
в продырявленный карман.

3

Идут,
посвистывая,
отчаянные из отчаянных.
Сзади тюрьма.
Впереди —
ни рубля.
Арабы,
французы,
испанцы
и датчане
лезли
по трапам
Коломбова корабля.
«Кто здесь Коломб?
До Индии?
В ночку!
(Чего не откроешь,
если в пузе оргáн!)

Выкатывай на палубу
белого бочку,
а там
вези
хоть к черту на рога!»
Прощанье — что надо.
Не отъезд — а помпа:
день
не просыхали
капли на усах.
Время
меряли,
вперяясь в компас.
Спьяна
путали штаны и паруса.
Чуть не сшибли
маяк зажженный.
Палубные
не держатся на полу,
и вот,
быть может, отсюда,
с Жижона
на всех парусах
рванулся Коломб.

4

Единая мысль мне сегодня люба,
что эти вот волны
Коломба лапили,
что в эту же воду
с Коломбова лба
стекали
пота
усталые капли.
Что это небо
землей обмеля́,
на это вот облако,
вставшее с юга,—

— «На мачты, братва!
глядите —
земля!» —
орал
рассудок теряющий юнга.
И вновь
океан
с простора раскосого
вбивал
в небеса
громыхающий клин,
а после
братался
с волной сарагоссовой,
и вместе
пучки травы волокли.
Он
этой же бури слушал лады.
Когда ж
затихает бури задор,
мерещатся
в водах
Коломба следы,
ведущие
на Сан-Сальвадор.

5

Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
Надоело океану,
Атлантический бесится.
Взбешен Христофор,
извелся Коломб.
С тысячной волны трехпарусник
съехал.
На тысячу первую взбираться
надо.

Видели Атлантический?
Тут не до смеха!
Команда ярится —
устала команда.
Шепчутся:
«Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо?
И стол и кровать.
Знаем мы
эти
жидовские штучки —
разные
Америки
закрывать и открывать!»
За капитаном ходят по пятам.
«Вернись! — говорят,
играют мушкой.—
Какой ты ни есть
капитан-раскапитан,
а мы тебе тоже
не фунт с осьмушкой».
Лазит Коломб
на бра́мсель с фо̀ка,
глаза аж навыкате,
исхудал лицом;
пустился во-всю:
придумал фокус
со знаменитым
Колумбовым яйцом.
Что́ яйцо? —
игрушка на̀ день.
И день
не оттянешь
у жизни-воровки.
Галдит команда,
на Коломба глядя:
«Крепка
петля
из генуэзской веревки.

Кончай,
Христофор,
собачий век!..»
И кортики
воздух
во тьме секут.
— «Земля!» —
Горизонт в туманной
кайме.
Как я вот
в растущую Мексику
и в розовый
этот
песок на заре,
вглазелись.
Не смеют надеяться:
с кольцом экватора
в медной ноздре
вставал
материк индейцев.

6

Года прошли.
В старика
шипуна
смельчал Атлантический,
гордый смолоду.
С бортов «Мажести́ков»
любая шпана
плюет
в твою
седоусую морду.
Коломб!
твое пропало наследство!
В вонючих трюмах
твои потомки
с машинным адом
в горящем соседстве

лежат,
под щеку
подложивши котомки.
А сверху,
в цветах первоклассных розеток,
катаясь пузом
от танцев
до пьянки,
в уюте читален,
кино
и клозетов
катаются донны,
сеньоры
и янки.
Ты балда, Коломб,—
скажу по чести.
Что касается меня,
то я бы
лично —
я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл —
вторично.

[*1925*]

ТРОПИКИ

(ДОРОГА ВЕРА-КРУЦ — МЕХИКО-СИТИ)

Смотрю:
вот это —
тропики.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд
прет торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.
Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они — священники,
не то они — художники.
Аж сам
не веришь факту:
из всей бузы и вара
встает
растенье — кактус
трубой от самовара.
А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу —
воробейчики,
а видом —
шантеклеры.
Но прежде чем
осмыслил лес

и бред,
и жар,
и день я —
и день
и лес исчез
без вечера
и без
предупрежденья.
Где горизонта борозда?!
Все линии
потеряны.
Скажи,
которая звезда
и где
глаза пантерины?
Не счел бы
лучший казначей
звезды́
тропических ночей,
настолько
ночи августа
звездой набиты
нагусто.
Смотрю:
ни зги, ни тропки.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд прет
сквозь тропики,
сквозь запахи
банановые.

[1926]

МЕКСИКА

О, как эта жизнь читалась взасос!
Идешь.
Наступаешь на́ ноги.
В руках
превращается
ранец в лассо,
а клячи пролеток —
мустанги.
Взаправду
игрушечный
рос магазин,
ревел
пароходный гудок.
Сейчас же
сбегу
в страну мокассин —
лишь сбондю
рубль и бульдог.
А сегодня —
это не умора.
Сколько миль воды
винтом нарыто,—
и встает
живьем
страна Фениамора
Купера
и Майн-Рида.

Рев сирен,
кончается вода.
Мы прикручены
к земле
о локоть локоть.
И берет
набитый «Лефом»
чемодан
Монтигомо
Ястребиный Коготь.
Глаз торопится слезой налиться.
Как? чему я рад? —
— Ястребиный Коготь!
Я ж
твой «Бледнолицый
Брат».
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами
отравленными
в Кутаисе
били
мы
по кораблям Колумба? —
Цедит
злобно
Коготь Ястребиный,
медленно,
как треснувшая крынка:
— Нету краснокожих — истребили
гачупи́ны с гри́нго.
Ну, а тех из нас,
которых
пульки
пощадили,
просвистевши мимо,
кабаками
кактусовый «пульке»

добивает
по 12-ти сантимов.
Заменила
чемоданов куча
стрелы,
от которых
никуда не деться...—
Огрызнулся
и пошел,
сомбреро нахлобуча
вместо радуги
из перьев
птицы Ке́тцаль.

Года и столетья!
Как ни коси́те
склоненные головы дней,—
корявые камни
Мехико-сити
прошедшее вышепчут мне.
Это
было
так давно,
как будто не было.
Бабушки столетних попугаев
не запомнят.
Здесь
из зыби озера
вставал Пуэбло,
дом-коммуна
в десять тысяч комнат.
И золото
между озерных зыбѐй
лежало,
аж рыть не надо вам.
Чего еще,
живи,
бронзовей,
вторая сестра Элладова!

Но очень надо
за морем
белым,
чего индейцу не надо.
Жадна
у белого
Изабелла,
жена
короля Фердинанда.
Тяжек испанских пушек груз.
Сквозь пальмы,
сквозь кактусы лез
по этой дороге
из Вера-Круц
генерал
Эрнандо Кортéс.
Пришел.
Вода студеная
хочет
вскипеть кипятком
от огня.
Дерутся
72 ночи
и 72 дня.
Хранят
краснокожих
двумордые идолы.
От пушек
не видно вреда.
Как мышь на сало,
прельстясь на титулы,
своих
Моктецума предáл.
Напрасно,
разбитых
в отряды спаяв,
Гватéмок
в озерной воде
мок.

Что
против пушек
стреленка твоя!..
Под пытками
умер Гватéмок.
И вот стоим,
индеец да я,
товарищ
далекого детства.
Он умер,
чтоб в бронзе
веками стоять
наискосок от полпредства.

Внизу
громыхает
столетий орда,
и горько стоять индейцу.
Что̀ братьям его,
рабам,
чехарда
всех этих Хуэрт
и Диэцов?..
Прошла
годов трезначная сумма.
Героика
нынче не тема.
Пивною маркой стал Моктецума,
пивной маркой —
Гватéмок.
Буржуи
всё
под одно стригут.
Вконец обесцветили мир мы.
Теперь
в утешенье земле-старику
лишь две
конкурентки фирмы.
Ни лиц пожелтелых,
ни солнца одёж.

В какую
огромную лупу,
в какой трущобе
теперь
найдешь
сарапе и Гваделупу?
Что Рига, что Мехико —
родственный жанр.
Латвия
тропического леса.
Вся разница:
зонтик в руке у рижан,
а у мексиканцев
«Смит и Ве́ссон».
Две Латвии
с двух земных боков —
различные собой они
лишь тем,
что в Мексике
режут быков
в театре,
а в Риге —
на бойне.
И совсем как в Риге,
около пяти,
проклиная
мамову опеку,
фордом
разжигая
жениховский аппетит,
кружат дочки
по Чапультапеку.
А то,
что тут урожай фуража,
что в пальмы земля разодета,
так это от солнца,—
сиди
и рожай
бананы и президентов.
Наверху министры
в бриллиантовом огне.

Под —
народ.
Голейший зад виднеется.
Без штанов,
во-первых, потому, что нет,
во-вторых,—
не полагается:
индейцы.
Обнищало
моктецумье племя,
и стоит оно
там,
где город
выбег
на окраины прощаться
перед вывеской
муниципальной:
«Без штанов
в Мехико-сити
вход воспрещается».

Пятьсот
по Мексике
нищих племен,
а сытый
с одним языком:
одной рукой выжимает в лимон,
одним запирает замком.
Нельзя
борьбе
в племена рассекаться.
Нищий с нищими
рядом!
Несись
по земле
из страны мексиканцев,
роднящий крик:
«Камарада!»
Голод
мастер людей равнять.

Каждый индеец,
кто гол.
В грядущем огне
родня-головня
ацтек,
метис
и креол.
Мильон не угробят богатых лопаты.
Страна!
Поди,
покори ее!
Встают
взамен одного Запаты
Гальваны,
Морено,
Карйо.
Сметай
с горбов
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис!
Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись!

Мехико-сити
20/VII 1925 г.

БОГОМОЛЬНОЕ

Большевики
надругались над верой православной.
В храмах-клубах —
словесные бои.
Колокола без языков —
немые словно.
По божьим престолам
похабничают воробьи.
Без веры
и нравственность ищем напрасно.
Чтоб нравственным быть —
кадилами вей.
Вот Мексика, например,
потому и нравственна,
что прут
богомолки
к вратам церквей.
Кафедраль —
богомольнейший из монашьих
институтцев.
Брат «Notre Dame'a» [1]
на площади,—
а около,
запружена народом,
«Площадь Конституции»,
в простонародии —
«Площадь Сóкола».

---

[1] «Notre-Dame [de Paris]» — Собор Парижской богоматери.

Блестящий
двенадцатицилиндровый
Пакард
остановил шофер,
простоватый хлопец.
— Стой,— говорит,—
помолюсь пока...—
донна Эсперанца Хуан-де-Лопец.
Нету донны
ни час, ни полтора.
Видно, замолилась.
Веровать так веровать.
И снится шоферу —
донна у алтаря.
Парит
голубочком
душа шоферова.
А в кафедрале
безлюдно и тихо:
не занято
в соборе
ни единого стульца.
С другой стороны
у собора —
выход
сразу
на четыре гудящие улицы.
Донна Эсперанца
выйдет как только,
к донне
дон распаленный кинется.
За угол!
Улица «Изабелла Католика»,
а в этой улице —
гостиница на гостинице.
А дома —
растет до ужина
свирепость мужина.
У дона Лопеца
терпенье лопается.

То крик,
то стон
испускает дон.
Гремит
по квартире
тигровый соло:
— На восемь частей разрежу ее! —
И, выдрав из уса
в два метра волос,
он пробует
сабли своей остриё.
— Скажу ей:
«Ина́че, сеньора, лягте-ка!
Вот этот
кольт
ваш сожитель до гроба!» —
И в пумовой ярости
— все-таки практика! —
сбивает
с бутылок
дюжину пробок.
Гудок в два тона —
приехала донна.
Еще
и рев
не успел уйти
за кактусы
ближнего поля,
а у шоферских
виска и груди
нависли
клинок и пистоля.
— Ответ или смерть!
Не вертеть вола!
Чтоб донна
не могла
запираться,
ответь немедленно,
где была
жена моя
Эсперанца? —

— О дон-Хуан!
В вас дьяволы злóбятся.
Не гневайте
божью милость.
Донна Эсперанца
Хуан-де-Лопец
сегодня
усердно
молилась.

[*1925*]

МЕКСИКА—НЬЮ-ЙОРК

Бежала
Мексика
от буферов
горящим,
сияющим бредом.
И вот
под мостом
река или ров,
делящая
два Ларедо.
Там доблести —
скачут,
коня загоня,
в пятак
попадают
из кольта,
и скачет конь,
и брюхо коня
о колкий кактус исколото.
А здесь
железо —
не расшатать!
Ни воли,
ни жизни,
ни нерва вам!
И сразу
рябит
тюрьма решета

вам
для знакомства
для первого.
По рельсам
поезд сыпет,
под рельсой
шпалы сыпятся.
И гладью
Миссисипи
под нами миссисипится.
По бокам
поезда
не устанут сновать:
или хвост мелькнет,
или нос.
На боках поездных
страновеют слова:
«Сан Луи́с»,
«Мичига́н»,
«Иллино́йс»!
Дальше, поезд
огнями расцвеченный!
Лез,
обгоняет,
храпит.
В Нью-Йорк несется
«Тве́нти се́нчери
экспресс».
Курьерский!
Рапи́д!
Кругом дома,
в этажи затеряв
путей
и проволок множь.
Теряй шапчонку,
глаза задеря,
все равно —
ничего не поймешь!

[1926]

БРОДВЕЙ

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока —
стриты.
А между —
(куда их строитель завез!)—
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.
Янки
подошвами шлепать
ленив:
простой
и курьерский лифт.
В 7 часов
человечий прилив,
в 17 часов —
отлив.
Скрежещет механика,
звон и гам,

а люди
немые в звоне.
И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
«Мек мо́ней?»
Мамаша
грудь
ребенку дала.
Ребенок,
с каплями и́з носу,
сосет
как будто
не грудь, а долла́р —
занят
серьезным
бизнесом.
Работа окончена.
Тело обвей
в сплошной
электрический ветер.
Хочешь под землю —
бери собвей,
на небо —
бери элевейтер.
Вагоны
едут
и дымам под рост,
и в пятках
домовых
трутся,
и вынесут
хвост
на Бру́клинский мост,
и спрячут
в норы
под Гу́дзон.
Тебя ослепило,
ты
осовел.

Черновой автограф стихотворения «Бродвей»
(Записная книжка 1925, № 33).

Но,
как барабанная дробь,
из тьмы
по темени:
«Кофе Максвéл
гуд
ту ди ласт дроп».
А лáмпы
как станут
ночь копать,
ну, я доложу вам —
пламечко!
Налево посмотришь —
мамочка мать!
Направо —
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И зá день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

6 августа — Нью-Йорк.
[1925]

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

Вид индейцев таков:
пернат,
смешон
и нездешен.
Они
приезжают
из первых веков
сквозь лязг
«Пенсильвэниа Сте́йшен».
Им
Ку́лиджи
пару пальцев суют.
Снимают
их
голливудцы.
На крыши ведут
в ресторанный уют.
Под ними,
гульбу разгудевши свою,
ньюйоркские улицы льются.
Кто их радует?
чем их злят?
О чем их дума?
куда их взгляд?
Индейцы думают:
«Ишь —
капитал!

Ну и дома́ застроил.
Всё отберем
ни за пятак
при
социалистическом строе.
Сначала
будут
бои клокотать.

А там
ни вражды,
ни начальства!

Тишь
да гладь
да божья благодать —
сплошное лунача́рство.
Иными
рейсами
вспенятся воды;

пойдут
пароходы зажаривать,

сюда
из Москвы
возить переводы
произведений Жарова.
И радио —
только мгла легла —
правду-матку вызвенит.
Придет
и расскажет
на весь вигвам,

в чем
красота
жизни.

И к правде
пойдет
индейская рать,
вздымаясь
знаменной уймою...»

Впрочем,
зачем
про индейцев врать?
Индейцы
про это
не думают.
Индеец думает:
«Там,
где черно́
воде
у моста в оскале,
плескался
недавно
юркий челнок
деда,
искателя скальпов.
А там,
где взвит
этажей коробо́к
и жгут
миллион киловатт,—
стоял
индейский
военный бог,
брюхат
и головат.
И всё,
что теперь
вокруг течет,
всё,
что отсюда видимо,—
всё это
вытворил белый черт,
заморская
белая ведьма.
Их
всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб
с копьем гонялись...»

Поди
        под такую мысль
                        подведи
классовый анализ.
Мысль человечья
                много сложней,
чем знают
          у нас
                о ней.
Тряхнув
         оперенья нарядную рядь
над пастью
           облошаделой,
сошли
       и — пока!
                пошли вымирать.
А что им
         больше
                делать?
Подумай
        о новом агит-винте.
Винти,
       чтоб задор не гас его.
Ждут.
      Переводи, Коминтерн,
расовый гнев
             на классовый.

[*1926*]

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

Бродвей сдурел.
Бегня и гу́лево.
Дома́
с небес обрываются
и висят.
Но даже меж ними
заметишь Ву́льворт.
Корсетная коробка
этажей под шестьдесят.
Сверху
разведывают
звезд взводы,
в средних
тайпистки
стрекочут бешено.
А в самом нижнем —
«Дрогс со́да,
грет энд фе́ймус ко́мпани-нѐйшенал».
А в окошке мисс
семнадцати лет
сидит для рекламы
и точит ножи.
Ржавые лезвия
фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный
железный зажим
и гладит
и водит
кожей ремня.

Хотя
усов
и не полагается ей,
но водит
по губке,
усы возомня, —
дескать —
готово,
наточил и брей.
Наточит один
до сияния лучика
и новый ржавый
берет для возни.
Наточит,
вынет
и сделает ручкой.
Дескать —
зайди,
купи,
возьми.
Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород
и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар,
а выдадут цент.
У меня ни усов,
ни долларов,
ни шевелюр, —
и в горле
застревают
английского огрызки.
Но я подхожу
и губми шевелю —
как будто
через стекло
разговариваю по-английски.
«Сидишь,
глазами буржуев охлопана.
Чем обнадежена?
Дура из дур».

А девушке слышится:
«О́пен,
о́пен ди дор».
«Что тебе заботиться
о чужих усах?
Вот...
посадили...
как дуру еловую».
А у девушки
фантазия раздувает паруса,
и слышится девушке:
«Ай ло́в ю».
Я злею:
«Выйдь,
окно разломай,—
а бритвы раздай
для жирных горл».
Девушке мнится:
«Май,
май гёрл».
Выходит
фантазия из рамок и мерок —
и я
кажусь
красивый и толстый.
И чудится девушке —
влюбленный клерк
на ней
жениться
приходит с Во́лстрит.
И верит мисс,
от счастья дрожа,
что я —
долларовый воротила,
что ей
уже
в других этажах
готовы бесплатно
и стол
и квартира.

Как врезать ей
                  в голову
                           мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
                       во все этажи
без грез,
        без свадеб,
                       без жданий наследства.

[*1925*]

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ

Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь —
старейшие
норки да каморки —
совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп.
Первый —
ювелиры,
караул бессменный,
замок
зацепился ставням о бровь.
В сером
герои кино,
полисмены,
лягут
собаками
за чужое добро.
Третий —
спят бюро-конторы.

Ест
промокашки
рабий пот.
Чтоб мир
не забыл,
хозяин который,
на вывесках
золотом
«Вильям Шпрот».
Пятый.
Подсчитав
приданные сорочки,
мисс
перезрелая
в мечте о женихах.
Вздымая грудью
ажурные строчки,
почесывает
пышных подмышек меха.
Седьмой.
Над очагом
домашним
высясь,
силы сберегши
спортом смолоду,
сэр
своей законной ми́ссис,
узнав об измене,
кровавит морду.
Десятый.
Медовый.
Пара легла.
Счастливей,
чем Ева с Адамом были.
Читают
в «Таймсе»
отдел реклам:
«Продажа в рассрочку автомобилей».

Тридцатый.
Акционеры
сидят увлечены,
делят миллиарды,
жадны и озабочены.
Прибыль
треста
«изготовленье ветчины
из лучшей
дохлой
чикагской собачины».
Сороковой.
У спальни
опереточной дивы.
В скважину
замочную,
сосредоточив прыть,
чтоб Ку́лидж дал развод,
детективы
мужа
должны
в кровати накрыть.
Свободный художник,
рисующий задочки,
дремлет в девяностом,
думает одно:
как бы ухажнуть
за хозяйской дочкой —
да так,
чтоб хозяину
всучить полотно.
А с крыши стаял
скатертный снег.
Лишь ест
в ресторанной выси
большие крохи
уборщик негр,
а маленькие крошки —
крысы.

Я смотрю,
и злость меня берет
на укрывшихся
за каменный фасад.
Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

[1925]

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненавидеть,—
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.
Чтобы, в мили улиц опутан,
в боли игл
фонарных ежей,
ты прошел бы
со мной
лилипутом
у подножия
их этажей.
Видишь —
вон
выгребают мусор —
на объедках
с детьми проняньчиться,
чтоб в авто,
обгоняя «бусы»,
ко дворцам
неслись бриллиантщицы.
Загляни
в окошки в эти —

здесь
наряд им вышили княжий.
Только
сталью глушит элевейтер
хрип
и кашель
чахотки портняжей.
А хозяин —
липкий студень —
с мордой,
вспухшей на радость чирю́,
у работницы
щупает груди:
«Кто понравится —
удочерю!
Двести дам
(если сотни мало),
грусть
сгоню
навсегда с очей!
Будет
жизнь твоя —
Ку́ни-Айланд,
луна-парк
в миллиард свечей».
Уведет —
а назавтра
зве́рья,
волчья банда
бесполых старух
проститутку —
в смолу и в перья,
и опять
в смолу и в пух.
А хозяин
в отеле Пла́за,
через рюмку
и с богом сблизясь,
закатил
в поднебесье глазки:

«Се́нк'ю
за хороший бизнес!»
Успокойтесь,
вне опасения
ваша трезвость,
нравственность,
дети,
барабаны
«армий спасения»
вашу
в мир
трубят добродетель.
Бог
на вас
не разукоризнится:
с вас
и маме их —
на платок,
и ему
соберет для ризницы
божий ме́наджер,
поп Платон.
Клоб полиций
на вас не свалится.
Чтобы ты
добрел, как кулич,
смотрит сквозь холеные пальцы
на тебя
демократ Кули́дж.
И, елозя
по небьим сводам
стражем ханжества,
центов
и сала,
пялит
руку
ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.

[1925]

ВЫЗОВ

Горы злобы
аж ноги гнут.
Даже
шея вспухает зобом.
Лезет в рот,
в глаза и внутрь.
Оседая,
влезает злоба.
Весь в огне.
Стою на Риверсайде.
Сбоку
фордами
штурмуют мрака форт.
Небоскребы
локти скручивают сзади,
впереди
американский флот.
Я смеюсь
над их атакою тройною.
Ники Картеры
мою
не доглядели визу.
Я
полпред стиха —
и я
с моей страной
вашим штатишкам
бросаю вызов.

Если
кроха протухла,
плéснится,
выбрось
весь
прогнивший кус.
Сплюнул я,
не доев и месяца
вашу доблесть,
законы,
вкус.
Посылаю к чертям свинячим
все доллары
всех держав.
Мне бы
кончить жизнь
в штанах,
в которых начал,
ничего
за век свой
не стяжав.
Нам смешны
дозволенного зоны.
Взвод мужей,
остолбеней,
цинизмом поражен!
Мы целуем
— беззаконно! —
над Гудзоном
ваших
длинноногих жен.
День наш
шумен.
И вечер пышен.
Шлите
сыщиков
в щелки слушать.
Пьем,
плюя
на ваш прогибишен,

ежедневную
«Белую лошадь».
Вот и я
стихом побрататься
прикатил и вбиваю мысли,
не боящиеся депортаций:
ни сослать их нельзя
и не выселить.
Мысль
сменяют слова,
а слова —
дела,
и, глядишь,
с небоскребов города,
раскачав,
в мостовые
вбивают тела —
Вандерлипов,
Рокфеллеров,
Фордов.
Но пока
доллар
всех поэм родовей.
Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал —
его препохабие.

[*1925*]

100 %

Шеры...
облигации...
доллары...
центы...
В винницкой глуши тьмутараканясь,
так я рисовал,
вот так мне представлялся
стопроцентный
американец.
Родила сына одна из жен.
Отвернув
пеленочный край,
акушер демонстрирует:
Джон как Джон.
Ол райт!
Девять фунтов,
глаза —
пятачки.
Ощерив зубовный ряд,
отец
протер
роговые очки:
Ол райт!
Очень прост
воспитанья вопрос,
Ползает,
лапы марает.
Лоб расквасил —
ол райт!
нос—
ол райт!

Отец говорит:
«Бездельник Джон.
Ни цента не заработал,
а гуляет!»
Мальчишка
Джон
выходит вон.
Ол райт!
Техас,
Калифорния,
Массачузэ́т.
Ходит
из края в край.
Есть хлеб —
ол райт!
нет —
ол райт!
Подрос,
поплевывает слюну.
Трубчонка
горит, не сгорает.
«Джон,
на пари,
пойдешь на луну?»
Ол райт!
Одну полюбил,
назвал дорогой.
В азарте
играет в рай.
Она изменила,
ушел к другой.
Ол райт!
Наследство Джону.
Расходов —
рой.
Миллион
растаял от трат.
Подсчитал,
улыбнулся —
найдем второй.
Ол райт!

Работа.
Хозяин —
лапчатый гусь —
обкрадывает
и обирает.
Джон
намотал
на бритый ус.
Ол райт!
Хозяин выгнал.
Ну, что ж!

Джон
рассчитаться рад.
Хозяин за кольт,
а Джон за нож.

Ол райт!
Джон
хозяйской пулей сражен.
Шепчутся:
«Умирает».
Джон услыхал,
усмехнулся Джон.

Ол райт!
Гроб.
Квадрат прокопали черный.
Земля —
как по крыше град.
Врыли.
Могильщик
вздохнул облегченно.

Ол райт!

Этих Джонов
нету в Нью-Йорке.
Мистер Джон,
жена его
и кот

зажирели,
спят
в своей квартирной норке,
просыпаясь
изредка
от собственных икот.
Я разбезалаберный до крайности,
но судьбе
не любящий
учтиво кланяться,
я,
поэт,
и то американистей
самого что ни на есть
американца.

[1925]

АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ

Петров
Капла́ном
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.
«Я вам,
сэр,
назначаю апо̀йнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апа̀ртман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стритка̀ра набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на ко́рнере
у дрогс ликет,

а мне уж
и пинту
принес бутлéгер.
Приходите ровно
в сéвен оклóк, —
поговорим
про новости в городе
и проведем
по-московски вечерок, —
одни свои:
жена да бóрдер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе —
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду
в óфисе».
«Гуд бай!» —
разнеслось окрéст
и кануло
ветру в свист.
Мистер Петров
пошел на Вест,
а мистер Каплан —
на Ист.

Здесь, извольте видеть, «джаб»,
а дома
«цуп» да «цус».
С насыпи
язык
летит на полном пуске.
Скоро
только очень образованный
француз
будет
кое-что
соображать по-русски.

Горланит
по этой Америке самой
стоязыкий
народ-оголтец.
Уж если
Одесса — Одесса-мама,
то Нью-Йорк —
Одесса-отец.

[*1925*]

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Издай, Кули́дж,
радостный клич!
На хорошее
и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего матéрийка,
хоть вы
и разъюнайтед стетс
оф
Америка.
Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост,—
так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиренный, на Брýклинский мост.
Как в город
в сломанный
прет победитель
на пушках — жерлом
жирафу под рост —

так, пьяный славой,
                                        так жить в аппетите,
влезаю,
                гордый,
                                на Бруклинский мост.
Как глупый художник
                                        в мадонну музея
вонзает глаз свой,
                                        влюблен и остр,
так я,
            с поднебесья,
                                        в звезды усеян,
смотрю
            на Нью-Йорк
                                        сквозь Бруклинский мост.
Нью-Йорк
                до вечера тяжек
                                        и душен,
забыл,
            что тяжко ему
                                        и высо́ко,
и только одни
                        домовьи души
встают
            в прозрачном свечении о̀кон.
Здесь
            еле зудит
                                элевейтеров зуд.
И только
                по этому
                                тихому зуду
поймешь —
                поезда̀
                                с дребезжаньем ползут,
как будто
                в буфет убирают посуду.
Когда ж,
                казалось, с под речки на̀чатой
развозит
                с фабрики
                                сахар лавочник,—

то
под мостом проходящие мачты
размером
не больше размеров булавочных.
Я горд
вот этой
стальною милей,
живьем в ней
мои видения встали —
борьба
за конструкции
вместо стилей,
расчет суровый
гаек
и стали.

Если
придет
окончание света —
планету
хаос
разделает влоск,
и только
один останется
этот
над пылью гибели вздыбленный мост,
то,
как из косточек,
тоньше иголок,
тучнеют
в музеях стоя́щие
ящеры,
так
с этим мостом
столетий геолог
сумел
воссоздать бы
дни настоящие.
Он скажет:
— Вот эта
стальная лапа

соединяла
моря и прерии,
отсюда
Европа
рвалась на Запад,
пустив
по ветру
индейские перья.
Напомнит
машину
ребро вот это —
сообразите,
хватит рук ли,
чтоб, став
стальной ногой
на Мангѐтен,
к себе
за губу
притягивать Бру́клин?
По проводам
электрической пряди —
я знаю —
эпоха
после пара —
здесь
люди
уже
орали по радио,
здесь
люди
уже
взлетали по аэро.
Здесь
жизнь
была
одним — беззаботная,
другим —
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные

в Гудзон
кидались
вниз головой.
И дальше
картина моя
без загвоздки
по струнам-канатам,
аж звездам к ногам.
Я вижу —
здесь
стоял Маяковский,
стоял
и стихи слагал по слогам.—
Смотрю,
как в поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
как в ухо впивается клещ.
Бру́клинский мост —
да...
Это вещь!

[*1925*]

КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»

Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу,—
палатка
в Кемпе «Нит гедайге».
Не по мне все это.
Не к чему...
и жаль...
Взвоют
и замрут сирены над Гудзóном,
будто бы решают:
выть или не выть?
Лучше бы не выли.
Пассажирам сонным
надо просыпаться,
думать,
есть,
любить...
Прямо
перед мордой
пролетает вечность —
бесконечночасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в бельé, конечно,

если б время
ткало
не часы,
а холст.
Впречь бы это
время
в приводной бы ре́мень, —
спустят
с холостого —
и чеши и сыпь!
Чтобы
не часы показывали время,
а чтоб время
честно
двигало часы.
Ну, американец...
тоже...
чем гордится.
Втер очки Нью-Йорком.
Видели его.
Сотня этажишек
в небо городится.
Этажи и крыши —
только и всего.
Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
во́ сто лет.
Что ж,
с мостища с этого
глядим с презрением вниз мы?
Кверху нос задрали?
загордились?
Нет.
Мы
ничьей башки
мостами не морочим.
Что такое мост?
Приспособленье для простуд.

Тоже...
без домов
не проживете очень
на одном
таком
возвышенном мосту.
В мире социальном
те же непорядки:
три доллара за̀ день,
на̀ —
и отвяжись.
А у Форда сколько?
Что играться в прятки!
Ну, скажите, Ку́лидж,—
разве это жизнь?

Много ль
человеку
(даже Форду)
надо?

Форд —
в мильонах фордов,
сам же Форд —
в аршин.

Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада

разве мало
двух
просторнейших машин?
Лишек —
в М.К.Х.
Повесим ваш портретик.

Монумент
и то бы
вылепили с вас.
Кланялись бы детки,
вас
случайно встретив.

Мистер Форд —
отдайте!
Даст он...
Черта с два!

За палаткой
мир
лежит угрюм и темен.
Вдруг
ракетой сон
звенит в унынье в это:
«Мы смело в бой пойдем
за власть советов...»
Ну, и сон приснит вам
полночь-негодяйка!
Только сон ли это?
Слишком громок сон.
Это
комсомольцы
Кемпа «Нит гедайге»
песней
заставляют
плыть в Москву Гудзон.

20/IX — Нью-Йорк.
[1925]

ДОМОЙ!

Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен —
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают —
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,
несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»
А зачем
любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет.

А Маркиту
(толечко моргните!)
за̀ сто франков
препроводят в кабинет.
Небольшие деньги —
поживи для шику —
нет,
интеллигент,
взбивая грязь вихров,
будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка́ стихов.
Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
низом шахт,
серпов
и вил, —
я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Все равно —
сослался сам я
или послан к маме —
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.
Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?
Вот лежу,
уехавший за во́ды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.

Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тя́гот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на́ год.
Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверхставками спе́ца
получало
любовищу сердце.
Я хочу
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:

в Союзе
Республик
понималье стихов
выше
довоенной нормы...»

[*1925*]

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1926)

КРАСНОДАР

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
                    про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл все февраль
                              и вымел —
не февраль,
                    а прачка,
и гуляет
               мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.
Кроме лапок,
                    вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит
               вразвалку
                         такса
длинненькое тельце.
Бегут,
               трусят дворняжечки —
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
               лает,
                    взвивши нос,

на прохожих Ванечек;
пес такой
уже не пес,
это —
одуванчик.
Легаши,
сетерá,
мопсики, этцетерá.
Даже
если
пара луж,
в лужах
сотня солнц юли́тся.
Это ж
не собачья глушь,
а собачкина столица.

[1926]

СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Погода такая,
что маю впору.
Май —
ерунда.
Настоящее лето.
Радуешься всему:
носильщику,
контролеру
билетов.
Руку
само
подымает перо,
и сердце
вскипает
песенным даром.
В рай
готов
расписать перрон
Краснодара.
Тут бы
запеть
соловью-трелёру.
Настроение —
китайская чайница!
И вдруг
на стене:
— Задавать вопросы
контролеру

строго воспрещается! —
И сразу
сердце за удила́.
Соловьев
камнями с ветки.
А хочется спросить:
— Ну, как дела?
Как здоровьице?
Как детки? —
Прошел я,
глаза
к земле низя́,
только подхихикнул,
ища покровительства.
И хочется задать вопрос,
а нельзя —
еще обидятся:
правительство!

[1926]

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
как говорится,
в мир в иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
взрезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.
— Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!

Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.
Почему?
Зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
— Этому вина
то...
да сё...
а главное,
что смычки мало,
в результате
много пива и вина. —
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс — он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из напостòв —
стали б
содержанием
премного одарённей.
Вы бы
в день
писали
строк по стó,
утомительно
и длинно,
как Доронин.

А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.
Почему же
увеличивать
число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,

умер
звонкий
забулдыга подмастерье.
И несут
стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колом —
разве так
поэта
надо бы почтить?
Вам
и памятник еще не с́лит,—
где он,
бронзы звон
или гранита грань? —
а к решеткам памяти
уже
понанесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.
Ваше имя
в платочки рассоплено,
ваше слово
слюнявит Собинов
и выводит
под березкой дохлой —
«Ни слова,
о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-оха».
Эх,
поговорить бы и́наче
с этим самым
с Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь
гремящим скандалистом:

— Не позволю
мямлить стих
и мять! —
Оглушить бы
их
трехпалым свистом
в бабушку
и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась
бездарнейшая по́гань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Коган,
встреченных
увеча
пиками усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.

Дела много —
только поспевать.
Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легше?

Сергею Есенину

Вы ушли
как говорится
— в мир в иной —
Пустота.
Летите
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса
ни пивной —
Трезвость.
Нет Есенин —
это не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
взрезанной рукой помешкав
собственных
костей
качаете мешок.
Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж —
такое
загибать умели
что другой
на свете
не умел.
Почему?
Зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
Этому
вина
то...
да се...
а главное
что смычки мало...

Беловой автограф стихотворения «Сергею Есенину», 1926.

Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только
путаницу волос.
Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

[*1926*]

МАРКСИЗМ—ОРУЖИЕ,
ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ
МЕТОД ЭТОТ!

Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
А некоторые
употребляют штык,
чтоб им
в зубах ковырять.
Все хорошо:
поэт поет,
критик
занимается критикой.
У стихотворца —
корытце свое,
у критика —
свое корытико.
Но есть
не имеющие ничего,
окромя
красивого почерка.
А лезут
в книгу,
хваля
и громя

из пушки
критического очерка.
А чтоб
имелось
научное лицо
у этого
вздора злопыха́нного —
всегда
на столе
покрытый пыльцой
неразрезанный том
Плеханова.
Зазубрит фразу
(ишь, ребятье!)
и ходит за ней,
как за няней.
Бытье —
а у этого — еда и питье
определяет сознание.
Перелистывая
авторов
на букву «эл»,
фамилию
Лермонтова
встретя,
критик выясняет,
что̀ он ел
на первое
и что́ — на третье.
— Шампанское пил?
Выпивал, допустим.
Налет буржуазный густ.
А его
любовь
к маринованной капусте
доказывает
помещичий вкус.
В Лермонтове, например,
чтоб далеко не идти,

смысла
не больше,
чем огурцов в акации.
Целые
хоры
небесных светил,
и ни слова
об электрификации.
Но,
очищая ядро
от фразерских корок,
бобы —
от шелухи лиризма,
признаю,
что Лермонтов
близок и дорог
как первый
обличитель либерализма.
Массам ясно,
как ни хитри,
что, милюковски юля,
светила
у Лермонтова
ходят без ветрил,
а некоторые —
и без руля.
Но так ли
разрабатывать
важнейшую из тем?
Индивидуализмом пичкать?
Демоны в ад,
а духи —
в эдем?
А где, я вас спрашиваю, смычка?
Довольно
этих
божественных легенд!
Любою строчкой вырванной
Лермонтов
доказывает,
что он — интеллигент,

к тому же
деклассированный!
То ли дело
наш Степа
— забыл,
к сожалению,
фамилию и отчество,—
у него
в стихах
Коминтерна топот...
Вот это —
настоящее творчество!
Степа —
кирпич
какого-то здания,
не ему
разговаривать вкось и вкривь.
Степа
творит,
не затемняя сознания,
без волокиты аллитераций
и рифм.
У Степы
незнание
точек и запятых
заменяет
инстинктивный
массовый разум,
потому что
батрачка —
мамаша их,
а папаша —
рабочий и крестьянин сразу.—
В результате
вещь
ясней помидора
обволакивается
туманом сизым,
и эти
горы
нехитрого вздора

некоторые
называют марксизмом.
Не говорят
о веревке
в журнале повешенного,
не изменить
шаблона прилежного.
Лежнев зарадуется —
«он про Вешнева».
Вешнев
— «он про Лежнева».

19/IV—26 г.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Товарищ солнце,— не щерься и не я́щерься! — Вели облакам своротить с пути! — Сегодняшний праздник — праздник тру́дящихся,— и нечего саботажничать: взойди и свети!

Тысячи лозунгов, знаменами изо́ранных,— зовут к борьбе за счастье людей,— а кругом пока — толпа беспризорных.— Что несправедливей, злей и лютей?!

Смотри: над нами красные шелка — словами бессеребряными затканы,— а у скольких еще бока кошелька — оттопыриваются взятками?

Подняв надзнаменных звезд рогулины,— сегодня по праву стойте и ходи́те! — А мало ли буден у нас прогулено? — Мало простоено? Сколько хотите!

Наводненье видели? В стены домьи — бьется льдина, мокра и остра.— Вот точно так режим экономии — распирает у нас половодье растрат.

Товарищ солнце, скажем просто: — дыр и прорех у нас до черта.— Рядом с делами огромного роста — целая коллекция прорв и недочетов.

Солнце, и в будни лезь из-за леса,— жги и не пяться на попятный! — Выжжем, выжжем каленым железом — эти язвы и грязные пятна!

А что же о мае, поэтами опетом? — Разве п-е-р-в-о-г-о такими поздравлениями бодря́т? — А по-моему: в о п е р в ы х, подумаем об этом,— если есть свободные три дня подряд.

[1926]

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

В центре мира
стоит Гиз —
оправдывает штаты служебный раж.
Чтоб книгу
народ
зубами грыз,
наворачивается
миллионный тираж.
Лицо
тысячеглазого треста
блестит
электричеством ровным.
Вшивают
в Маркса
Аверченковы листы,
выписывают гонорары Цицеронам.
Готово.
А зав
упрется назавтра
в заглавие,
как в забор дышлом.
Воедино
сброшировано
12 авторов!
— Как же это, родимые, вышло?? —
Темь
подвалов
тиражом беля,

залегает знание —
и лишь
бегает
по книжным штабеля́м
жирная провинциалка —
мышь.
А читатели
сидят
в своей уездной яме,
иностранным упиваются,
мозги щадя.
В Африки
вослед за Бенуя́ми
улетают
на своих жилплощадях.
Званье
— «пролетарские» —
нося как эполеты,
без ошибок
с Пушкина
списав про вёсны,
выступают
пролетарские поэты,
развернув
рулоны строф повёрстных.
Чем вы — пролетарий,
уважаемый поэт?
Вы
с богемой слились
9 лет назад.
Ну, скажите,
уважаемый пролет,—
вы давно
динаму
видели в глаза?
— Извините
нас,
сермяжных,
за стишонок неудачненький.
Не хотите
под гармошку поплясать ли?—

Это,
в лапти нарядившись,
выступают дачники
под заглавием
— крестьянские писатели.
О, сколько нуди такой городимо,
от которой
мухи падают замертво!
Чего только стоит
один Радимов
с греко-рязанским своим гекзаметром!
Разлунивши
лысины лачки,
убежденно
взявши
ручку в ручки,
бороденок
теребя пучки,
честно
пишут про Октябрь
попутчики.
Раньше
маленьким казался и Лесков —
рядышком с Толстым
почти не виден.
Ну, скажите мне,
в какой же телескоп
в те недели
был бы виден Лидин?!
— На Руси
одно веселье —
пити...—
А к питью
подай краюху
и кусочек сыру.
И орут писатели
до хрипоты
о быте,
увлекаясь
бытом
госиздатовских кассиров.

Варят чепуху
под клубы
трубочного дыма —
всякую уху
сожрет
читатель-Фока.
А неписанная жизнь
проходит
мимо
улицею фыркающих о́кон.
А вокруг
скачут критики
в мыле и пене:
— Здорово пишут писатели, братцы!
— Гений-Казин,
Санников-гений...
Все замечательно!
Рады стараться! —
С молотка
литература пущена.
Где вы,
сеятели правды
или звезд сиятели?
Лишь в четыре этажа халтурщина:
Гиза,
критика,
читаки
и писателя.
Нынче
стала
зелень веток в редкость,
гол
литературы ствол.
Чтобы стать
поэту крепкой веткой —
выкрепите мастерство!

[1926]

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

Вокзал оцепенел,
                    онемевает док.
Посты полиции,
                    заводчикам в угоду.
От каждой буквы
                    замиранья холодок,
как в первый день
                    семнадцатого года.
Радио
        стальные шеи своротили.
Слушают.
            Слушают,
                    чтó из-за Ламанша.
Сломят?
          Сдадут?
                  Предадут?
                            Или
красным флагом нам замашут?
Слышу.
        Слышу
                грузовозов храп...
Лязг оружия...
                Цоканье шпор...
Это в док
            идут штрейкбрехера.
Море,
        им в морду
                    выплесни шторм!

Слышу,
шлепает дворцовая челядь.
К Болдуину,
не вяжущему лык,
сэр Макдональд
пошел церетелить.
Молния,
прибей соглашательский язык!
Слышу —
плач промелькнул мелько́м.
Нечего есть.
И нечего хлебать.
Туман,
к забастовщикам
теки молоком!
Камни,
обратитесь в румяные хлеба!
Радио стало.
Забастовала высь.
Пусто,—
ни слова,—
тишь да гладь.
Земля,
не гони!
Земля,— остановись!
Дай удержаться,
дай устоять.
Чтоб выйти
вам
из соглашательской опеки,
чтоб вам
гореть,
а не мерцать —
вам наш привет
и наши копейки,
наши руки
и наши сердца.
Нам
чужды
политиков шарады,—

большевикам
не надо аллегорий.
Ваша радость —
наша радость,
боль —
это наша боль
и горе.
Мне бы
сейчас
да птичью должность.
Я бы в Лондон.
Целые пять,
пять миллионов
— простите за восторженность! —
взял бы,
обнял
и стал целовать.

[*1926*]

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство.
Спасибо...
не тревожтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и угодья
и я обложен
и должен караться.
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните —
сколько я потерял,

какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам,
конечно, известно
явление «рифмы».
Скажем,
строчка
окончилась словом
«отца»,
и тогда
через строчку,
слога повторив, мы
ставим
какое-нибудь:
ламцадрица-цá.
Говоря по-вашему,
рифма —
вексель.
Учесть через строчку! —
вот распоряжение.
И ищешь
мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
склонений
и спряжений.
Начнешь это
слово
в строчку всовывать,
а оно не лезет —
нажал и сломал.
Гражданин фининспектор,
честное слово,
поэту
в копеечку влетают слова.
Говоря по-нашему,
рифма —
бочка.

Бочка с динамитом.
Строчка —
фитиль.
Строка додымит,
взрывается строчка,—
и город
на воздух
строфой летит.
Где найдешь,
на какой тариф,
рифмы,
чтоб враз убивали, нацелясь?
Может,
пяток
небывалых рифм
только и остался
что в Венецуэле.
И тянет
меня
в холода и в зной.
Бросаюсь,
опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
учтите билет проездной!
— Поэзия
— вся! —
езда в незнаемое.
Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова-сырца.

Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.
Конечно,
различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
легкость руки!
Тянет,
как фокусник,
строчку изо рта
и у себя
и у других.
Что говорить
о лирических кастратах?!
Строчку
чужую
вставит — и рад.
Это
обычное
воровство и растрата
среди охвативших страну растрат.
Эти
сегодня
стихи и оды,
в аплодисментах
ревомые ревмя,
войдут
в историю
как накладные расходы
на сделанное
нами —
двумя или тремя.
Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово

из артезианских
людских глубин.
И сразу
ниже
налога рост.
Скиньте
с обложенья
нуля колесо!
Рубль девяносто
сотня папирос,
рубль шестьдесят
столовая соль.
В вашей анкете
вопросов масса:
— Были выезды?
Или выездов нет? —
А что,
если я
десяток пегасов
загнал
за последние
15 лет?!
У вас —
в мое положение войдите —
про слуг
и имущество
с этого угла.
А что,
если я
народа водитель
и одновре́менно —
народный слуга?
Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы,
пролетарии,
двигатели пера.
Машину
души
с годами изнашиваешь.

Говорят:
— в архив,
исписался,
пора! —
Все меньше любится,
все меньше дерзается,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души.
И когда
это солнце
разжиревшим боровом
взойдет
над грядущим
без нищих и калек,—
я
уже
сгнию,
умерший под забором,
рядом
с десятком
моих коллег.
Подведите
мой
посмертный баланс!
Я утверждаю
и — знаю — не налгу:
на фоне
сегодняшних
дельцов и пролаз
я буду
— один! —
в непролазном долгу.
Долг наш —
реветь
медногорлой сиреной

в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на гòре
проценты
и пени.
Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.
А зачем
вообще
эта шапка Сене?
Чтобы — целься рифмой
и ритмом ярись?
Слово поэта —
ваше воскресение,
ваше бессмертие,
гражданин канцелярист.
Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот
с фининспекторами,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель,
выправьте
в энкапеэс
на бессмертье билет

и, высчитав
действие стихов,
разложите
заработок мой
на триста лет!
Но сила поэта
не только в этом,
что, вас
вспоминая,
в грядущем икнут.
Нет!
И сегодня
рифма поэта —
ласка
и лозунг,
и штык,
и кнут.
Гражданин фининспектор,
я выплачу пять,
все
нули
у цифры скрестя!
Я
по праву
требую пядь
в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.
А если
вам кажется,
что всего делóв —
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищи,
мое стилó,
и можете
писать
сами!

[1926]

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ

Чжан Цзо-лин
да У Пей-фу
да Суй да Фуй —
разбирайся,
от усилий в мыле!
Натощак
попробуй
расшифруй
путаницу
раскитаенных фамилий!

Эта жизнь
отплыла сновиденьем,
здесь же —
только звезды
поутру утрут —
дым
уже
встает над заведением:
«Китайский труд».
Китаец не рыбка,
не воробей на воротах,
надо
«шибака»
ему работать.
Что несет их
к синькам
и крахмалам,

за 6 тысяч верст
сюда
кидает?
Там
земля плохая?
Рису, что ли, мало?
Или
грязи мало
для мытья
в Китае?
Длинен всегда
день труда.
Утюг сюда,
утюг туда.
Тихо здесь,
коты
лежат и жмурятся.
И любой
рабочий
защищен.
А на родине
мукденцы
да маньчжурцы...
Снимут голову —
не отрастишь еще.
Тяжело везде,
да не надо домой,
лучше весь день
гладь
да мой!
У людей
единственная
фраза на губах,
все одно и то же,
явь ли,
или сон:
— В пятницу
к двенадцати
пять рубах! —

— В среду
к обеду
семь кальсон! —
Не лучший труд —
бумажные розы.
Мальчишки орут:
— У-у-у!
Китаёзы! —
Повернется,
взглядом подарив,
от которого
зажглось
лицо осеннее...
Я
хотя
совсем не мандарин,
а шарахаюсь
от их косения.
Знаю,
что — когда
в Китай
придут
октябрьские повторы
и сшибется
класс о класс —
он покажет им,
народ,
который
косоглаз.

[1926]

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

Довольно
сонной,
расслабленной праздности!
Довольно
козырянья
в тысячи рук!
Республика искусства
в смертельной опасности —
в опасности краска,
слово,
звук.
Громы
зажаты
у слова в кулаке,—
а слово
зовется
только с тем,
чтоб кланялось
событью
слово-лакей,
чтоб слово плелось
у статей в хвосте.
Брось дрожать
за шкуры скряжьи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!
Зовите рукой
с грядущих кряжей:

«Пролетарий,
сюда!»
Полезли
одиночки
из миллионной давки —
такого, мол,
другого
не увидишь в жисть.
Каждый
рад
подставить бородавки
под увековечливую
ахровскую кисть.
Вновь
своя рубаха
ближе к телу?
А в нашей работе
то и ново,
что в громаде,
класс которую сделал,
не важно
сделанное
Петровым и Ивановым.
Разнообразны
души наши.
Для боя — гром,
для кровати —
шепот.
А у нас
для любви и для боя —
марши.
Извольте
под марш
к любимой шлепать!
Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняемся
ариями
Альфреда и Травиаты?

И любви
придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.
В годы голода,
стужи-злюки
разве
филармонии играли окрест?
Нет,
свои,
баррикадные звуки
нашел
гудков
медногорлый оркестр.
Старью
революцией
поставлена точка.
Живите под охраной
музейных оград.
Но мы
не предадим
кустарям-одиночкам
ни лозунг,
ни сирену,
ни киноаппарат.
Наша
в коммуну
не иссякнет вера.
Во имя коммуны
жмись и мнись.
Каждое
сегодняшнее дело
меряй,
как шаг
в электрический,
в машинный коммунизм.
Довольно домашней,
кустарной праздности!

Довольно
изделий ловких рук!
Федерация муз
в смертельной опасности —
в опасности слово,
краска
и звук.

[*1926*]

ВЗЯТОЧНИКИ

Дверь. На двери —
«Нельзя без доклада».
Под Марксом,
в кресло вкресленный,
с высоким окладом,
высок и гладок,
сидит
облеченный ответственный.
На нем
контрабандный подарок — жилет,
в кармане —
ручка на страже,
в другом
уголочком торчит билет
с длиннющим
подчищенным стажем.
Весь день —
сплошная работа уму.
На лбу —
непролазная дума:
кому
ему
устроить куму,
кому приспособить ку́ма?
Он всюду
пристроил
мелкую сошку,

везде
у него
по лазутчику.
Он знает,
кому подставить ножку
и где
иметь заручку.
Каждый на месте:
невеста —
в тресте,
кум —
в Гум,
брат —
в наркомат.
Все шире периферия родных,
и
в ведомостичках узких
не вместишь
всех сортов наградных —
спецставки,
тантьемы,
нагрузки!
Он специалист,
но особого рода:
он
в слове
мистику стер.
Он понял буквально
«братство народов»
как счастье братьев,
тёть
и сестер.
Он думает:
как сократить ему штаты?
У Кэт
не глаза, а угли...
А, может быть,
место
оставить для Наты?
У Наты формы округлей.

А там
в приемной —
сдержанный гул,
и воздух от дыма спирается.
Ответственный жмет плечьми:
— Не могу!
Нормально...
Дела разбираются!
Зайдите еще
через день-другой...—
Но дней не дождаться жданных.
Напрасно
проситель
согнулся дугой.
— Нельзя...
Не имеется данных! —
Пока поймет!
Обшаркав паркет,
порывшись в своих чемоданах,
проситель
кладет на суконце пакет
с листами
новейших данных.
Простился.
Ладонью пакет заслоня
— взрумянились щеки-пончики,—
со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец
считает червончики.
А давший
по учрежденью орет,
от правильной гневности красен:
— Подать резолюцию! —
И в разворот
— во весь! —
на бумаге:
«Согласен»!
Ответственный
мчит
в какой-то подъезд.

Машину оставил
по праву.
Ответственный
ужин с любовницей ест,
ответственный
хлещет «Абрау».
Любовницу щиплет,
весел и хитр.
— Вот это
подарочки Сонечке:
Вот это, Сонечка,
вам на духи.
Вот это
вам на кальсончики...—
Такому
в краже рабочих тыщ
для ширмы октябрьское зарево.
Он к нам пришел,
чтоб советскую нищь
на кабаки разбазаривать.
Я
белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.
Я лишь усмехнусь:
— А здорово вам
наши
намылили шею! —
Укравшему хлеб
не потребуешь кар.
Возможно
простить и убийце.
Быть может, больной,
сумасшедший угар
в душе
у него
клубится.
Но если
скравший
этот вот рубль

ладонью
ладонь мою тронет,
я, руку помыв,
кирпичом ототру
поганую кожу с ладони.
Мы белым
едва обломали рога;
хромает
пока что
одна нога,—
для нас,
полусытых и латочных,
страшней
и гаже
любого врага
взяточник.
Железный лозунг
партией дан.
Он нам
недешево дался!
Долой присосавшихся
к нашим
рядам
и тех,
кто к грошам
присосался!
Нам строиться надо
в гигантский рост,
но эти
обсели кассы.
Каленым железом
выжжет нарост
партия
и рабочие массы.

[1926]

В ПОВЕСТКУ ДНЯ

Ставка на вас,
комсомольцы товарищи,—
на вас,
грядущее творящих!
Петь
заставьте
быт тарабарящий!
Расчистьте
квартирный ящик!
За десять лет —
устанешь бороться,—
расшатаны
— многие! —
тряской.
Заплыло
тиной
быта болотце,
покрылось
будничной ряской.
Мы так же
сердца наши
ревностью жжем —
и суд наш
по-старому скорый:
мы
часто
наганом
и финским ножом

решаем —
любовные споры.
Нет, взвидя,
что есть
любовная ржа,
что каши вдвоем
не сваришь,—
ты зубы стиснь
и, руку пожав,
скажи:
— Прощевай, товарищ! —
У скольких
мечта:
«Квартирку б в наем!
Свои сундуки
да клети!
И угол мой
и хозяйство мое —
и мой
на стене
портретик».
Не наше счастье —
счастье вдвоем!
С классом
спаяйся четко!
Коммуна:
все, что мое,—
твое,
кроме —
зубных щеток.
И мы
попрежнему,
если радостно,
попрежнему,
если горе нам —
мы
топим горе в сорокаградусной
и празднуем
радость
трехгорным.

Питье
        на песни б выменять нам.
Такую
        сделай, хоть тресни!
Чтоб пенистей пива,
                чтоб крепче вина
хватали
        за душу
                песни.

———

Гуляя,
        работая,
                к любимой льня,—
думай о коммуне,
                быть или не быть ей?!
В порядок
        этого
                майского дня
поставьте
        вопрос о быте.

[*1926*]

ПРОТЕКЦИЯ

ОБЫВАТЕЛИАДА В 3-х ЧАСТЯХ

1

Обыватель Михин —
друг дворничихин.
Дворник Службин
с Фелицией в дружбе.
У тети Фелиции
лицо в милиции.
Квартхоз милиции
                Федор Овечко
имеет
        в совете
                нужного человечка.
Чин лица
            не упомнишь никак:
главшвейцар
            или помистопника.
А этому чину
            домами знакома
мамаша
        машинистки секретаря райкома.
У дочки ее
            большущие связи:
друг во ВЦИКе
            (шофер в автобазе!),
а Петров, говорят,
                развозит мужчину,

о котором
            все говорят шепоточком,—
маленького роста,
                    огромного чина.
Словом —
            он...
                    Не решаюсь...
                                Точка.

2

Тихий Михин
пойдет к дворничихе.
«Прошу покорненько,
попросите дворника».
Дворник стукнется
к тетке заступнице.
Тетка Фелиция
шушукнет в милиции.
Квартхоз Овечко
замолвит словечко.
А главшвейцар —
да-Винчи с лица,
весь в бороде,
                    как картина в раме,—
прямо
        пойдет
                к машинисткиной маме.
Просьбу
            дочь
                    предает огласке:
глазки да ласки,
                    ласки да глазки...
Кого не ловили на такую аферу?
Куда ж удержаться простаку-шоферу!
Петров подождет,
                    покамест,
                                как солнце,
персонье лицо расперсонится:
— Простите, товарищ,
                        извинений тысячка...—

И просит
и молит, ласковей лани.
И чин снисходит:
— Вот вам записочка.—
А в записке —
исполнение всех желаний.

3

А попробуй —
полазий
без родственных связей!
Покроют дворники
словом черненьким.
Обложит белолицая
тетя Фелиция.
Подвернется нога,
перервутся нервы
у взвидевших наган
и усы милиционеровы.
В швейцарской судачат:
— И не лезь к совету:
все на даче,
никого нету.—
И мама сама
и дитя-машинистка,
невинность блюдя,
не допустят близко.
А разных главных
неуловимо
шоферы
возят и возят мимо.
Не ухватишь —
скользкие,—
не люди, а налимы.
«Без доклада воспрещается».
Куда ни глянь,
«И пойдут они, солнцем палимы,
И застонут...»
Дело дрянь!

Кто бы ни были
сему виновниками
— сошка маленькая
или крупный кит,—
разорвем
сплетенную чиновниками
паутину кумовства,
протекций,
волокит.

[*1926*]

ЛЮБОВЬ

Мир
    опять
        цветами оброс,
у мира
    весенний вид.
И вновь
    встает
        нерешенный вопрос —
о женщинах
    и о любви.
Мы любим парад,
    нарядную песню.
Говорим красиво,
    выходя на митинг.
Но часто
    под этим,
        покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собранье:
    «Вперед, товарищи...»
А дома,
    забыв об арии сольной,
орет на жену,
    что щи не в наваре
и что
    огурцы
        плоховато просолены.
Живет с другой —
    киоск в ширину,

бельем —
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
— Компрометируешь
пред коллективом.—
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.
Одно ему
в мире
кажется злом —
это
алиментщица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной
тиранит
ревностью
всякий пустяк

и мерит
любовь
на калибр револьверный,
неверной
в затылок
пулю пустя.
Четвертый —
герой десятка сражений,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
— ребенок этакий —
уловленье
любимой
в романические сети
с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке...
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак —
бегает за клёшем
каждого бульварника.
Что ж,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.
Ишь! —
Жених!
— Для кого ж я, милые, женился?

Для себя —
или для них? —
У родителей
и дети этакого сорта:
— Что родители?
И мы
не хуже, мол! —
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успев
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,
быт без движеньица —
живут, как и раньше,
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!

Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвиливай —
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товарищи».

[*1926*]

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Товарищи,
позвольте
без позы,
без маски —
как старший товарищ,
неглупый и чуткий,
поразговариваю с вами,
товарищ Безыменский,
товарищ Светлов,
товарищ Уткин.
Мы спорим,
аж глотки просят лужения,
мы
задыхаемся
от эстрадных побед,
а у меня к вам, товарищи,
деловое предложение:
давайте,
устроим
веселый обед!
Расстелим внизу
комплименты ковровые,
если зуб на кого —
отпилим зуб;
розданные
Луначарским
венки лавровые —

сложим
в общий
товарищеский суп.
Решим,
что все
по-своему правы.
Каждый поет
по своему
голоску!
Разрежем
общую курицу славы
и каждому
выдадим
по равному куску.
Бросим
друг другу
шпильки подсовывать,
разведем
изысканный
словесный ажур.
А когда мне
товарищи
предоставят слово —
я это слово возьму
и скажу:
— Я кажусь вам
академиком
с большим задом,
один, мол, я
жрец
поэзий непролазных.
А мне
в действительности
единственное надо —
чтоб больше поэтов
хороших
и разных.
Многие
пользуются
напостовской тряскою,

с тем
чтоб себя
обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
мы пролетарские...—
А я, по-вашему, что —
валютчик?
Я
по существу
мастеровой, братцы,
не люблю я
этой
философии ну́довой.
Засучу рукавчики:
работать?
драться?
Сделай одолжение,
а ну́, давай!
Есть
перед нами
огромная работа —
каждому человеку
нужное стихачество.
Давайте работать
до седьмого пота
над поднятием количества,
над улучшением качества.
Я меряю
по коммуне
стихов сорта,
в коммуну
душа
потому влюблена,
что коммуна,
по-моему,
огромная высота,
что коммуна,
по-моему,
глубочайшая глубина.

А в поэзии
    нет
        ни друзей,
            ни родных,
по протекции
        не свяжешь
            рифм лычки́.
Оставим
    распределение
            орденов и наградных,
бросим, товарищи,
        наклеивать ярлычки.
Не хочу
    похвастать
        мыслью новенькой,
но по-моему —
        утверждаю без авторской спеси —
коммуна —
    это место,
        где исчезнут чиновники
и где будет
    много
        стихов и песен.
Стоит
    изумиться
        рифмочек парой нам —
мы
  почитаем поэтика гением.
Одного
    называют
        красным Байроном,
другого —
    самым красным Гейнем.
Одного боюсь —
        за вас и сам,—
чтоб не обмелели
        наши души,
чтоб мы
    не возвели
        в коммунистический сан

плоскость раешников
и ерунду частушек.
Мы духом одно,
понимаете сами:
по линии сердца
нет раздела.
Если
вы не за нас,
а мы
не с вами,
то черта ль
нам
остается делать?
А если я
вас
когда-нибудь крою
и на вас
замахивается
перо-рука,
то я, как говорится,
добыл это кровью,
я
больше вашего
рифмы строгал.
Товарищи,
бросим
замашки торгашьи
— моя, мол, поэзия —
мой лабаз! —
всё, что я сделал,
все это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!
Что может быть
капризней славы
и пепельней?
В гроб, что ли,
брать,
когда умру?

Наплевать мне, товарищи,
                    в высшей степени
на деньги,
          на славу
                    и на прочую муру!
Чем нам
          делить
                    поэтическую власть,
сгрудим
          нежность слов
                    и слова-бичи,
и давайте
          без завистей
                    и без фамилий
                              класть
в коммунову стройку
                    слова-кирпичи.
Давайте,
          товарищи,
                    шагать в ногу.
Нам не надо
          брюзжащего
                    лысого парика!
А ругаться захочется —
                    врагов много
по другую сторону
                    красных баррикад.

[*1926*]

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

Его прислали
для проведенья режима.
Средних способностей.
Средних лет.
В мыслях — планы.
В сердце — решимость.
В кармане — перо
и партбилет.
Ходит,
распоряжается энергичным жестом.
Видно —
занимается новая эра!
Сам совался в каждое место,
всех переглядел —
от зава до курьера.
Внимательный
к самым мельчайшим крохам,
вздувает
сердечный пыл...
Но бьются
слова,
как об стену горохом,
об —
канцелярские лбы.
А что канцелярии?
Внимает мошенница!
Горите
хоть солнца ярче,—

она
уложит
весь пыл в отношеньица,
в анкетку
и в циркулярчик.
Бумажку
встречать
с отвращением нужно.
А лишь
увлечешься ею,—
то через день
голова заталмужена
в бумажную ахинею.
Перепишут всё
и, канителью исходящей нитясь,
на доклады
с папками идут:
— Подпишитесь тут!
Да тут вот подмахнитесь!..
И вот тут, пожалуйста!..
И тут!..
И тут!.. —
Пыл
в чернила уплыл
без следа.
Пред
в бумагу
всосался, как клещ...
Среда —
это
паршивая вещь!!
Глядел,
лицом
белее мела,
сквозь канцелярский мрак.
Катился пот,
перо скрипело,
рука свелась
и вновь корпела,—
но без конца
громадой белой

росла
гора бумаг.
Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
кого?
Собственную
тетушку
назначит римской папою.
Сам себе
подпишет
смертный приговòр.
Совести
партийной
слабенькие писки
заглушает
с днями
исходящий груз.
Раскусил чиновник
пафос переписки,
облизнулся,
въелся
и — вошел во вкус.
Где решимость?
планы?
и молодчество?
Собирает канцелярию,
загривок мыля ей.
— Разузнать
немедля
имя-отчество!
Как
такому
посылать конверт
с одной фамилией??! —
И опять
несется
мелким лайцем:
— Это так-то службу мы несем?!

Написали просто
«прилагается»
и забыли написать
«при сем»! —
В течение дня
страну наводня
потопом
ненужной бумажности,
в машину
живот
уложит —
и вот
на дачу
стремится в важности.
Пользы от него,
что молока от черта,
что от пшенной каши —
золотой руды.
Лишь растут
подвалами
отчеты,
вознося
чернильные пуды.
Рой чиновников
с недели на́ день
аннулирует
октябрьский гром и лом,
и у многих
даже
проступают сзади
пуговицы
дофевральские
с орлом.
Поэт
всегда
и добр и галантен,
делиться выводом рад.
Во-первых:
из каждого
при известном таланте

может получиться
бюрократ.
Вывод второй
(из фельетонной водицы
вытекал не раз
и не сто):
коммунист не птица,
и незачем обзаводиться
ему
бумажным хвостом.
Третий:
поднять бы его за загривок
от бумажек,
разостланных низом,
чтоб бумажки,
подписанные
прямо и криво,
не заслоняли
ему
коммунизм.

[*1926*]

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ

ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю́ его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте,—
в бытность человеком
ты пи́вал чаи
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.

Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтеся —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой лунища.
Ну и здо̀рово!
Залегла,
просторы на̀-двое порвав.
Будто на̀век
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.
В коммунизм из книжки
верят средне.
«Мало ли,
что можно
в книжке намолоть!»
А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой.

За нее —
на крест,
и пулею чешите:
это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

15 июля, Ялта
[*1926*]

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

Куда бы
            ты
                ни направил разбег,
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи,—
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
                        переулок или тупик.
Где я?
        В Ялте или в Туле?
Я в Москве
                или в Казани?
Разберешься?
                — Черта в стуле!
Не езда, а — наказанье.
Каждый дюйм
                бытия земного
профамилиен
                и разыменован.
В голове
            от имен
                    такая каша!
Как общий котел пехотного полка.
Даже пса дворняжку
                        вместо
                                «Полкаша»
зовут:
        «Собака имени Полкан».

«Крем Коллонтай.
Молодит и холит».
«Гребенки Мейерхольд».
«Мочала
а-ля Качалов».
«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».
После этого
гуди во все моторы,
наизобретай идей мешок,
все равно —
про Мейерхольда будут спрашивать:
— «Который?
Это тот, который гребешок?»
Я
к великим
не суюсь в почетнейшие лики.
Я солдат
в шеренге миллиардной.
Но и я
взываю к вам
от всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно! —
[*1926*]

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я
два месяца
шатался по природе,
чтоб смотреть цветы
и звезд огнишки.
Таковых не видел.
Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде —
у скал,
на массивном грузе
Кавказа
и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
на небе,
на пузе
лошади Петра Великого,
от пыли дорожной
до гор,
где грòзы
гремят,
грома потрясав,—
везде
отрывки стихов и прозы,
фамилии
и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».

«Коля и Зина
соединили души».
Стрела
и сердце
в виде груши.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».
На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
а б в г д е ж з к.
А у этого
от лазанья
талант иссяк.
Превыше орлиных зон
просто и мило:
«Исак
Лебензон».
Особенно
людей
винить не будем.
Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли люди.
Они
и на скалу
глядят, как на мандат.
Такому,
глядящему
за чаем
с балконца,
как солнце
садится в ча̀ще,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —
входящее
и исходящее.

Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволах и ска́лах
узнать
подписавшихся малых.
Каждому
в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
и Колям
и Зинам
собственные имена
стирать бензином.
А чтоб энергия
не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
почистить скипидаром.
А кто
до того
к подписям привык,
что снова
к скале полез,—
у этого
навсегда
закрывается лик-
без».

Под декретом подпись
и росчерк броский —
Владимир Маяковский.

Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка.
[*1926*]

БЕСПРИЗОРЩИНА

Эта тема
еще не избранная.
Смотрите
котлам асфальтовым в зев!
Еще
копошится
грязь беспризорная —
хулиганья́ бесконечный резерв.
Сгинули мать
и отец
и брат его
в дни,
что волжский голод прорвал.
Бросили их
волгари с-под Саратова,
бросила их
с-под Уфы татарва.
Детей возить
стараемся в мягком.
Усадим их
на плюшевом пуфе.
А этим, усевшимся,
пользуясь мраком,
грудные клетки
ломает буфер.
Мы смотрим
своих детишек
в оба:

ласкаем,
моем,
чистим,
стрижем.
А сбоку
растут болезни и злоба,
и лезвие финки
от крови рыжó.
Школа —
кино америколицее;
дав
контролерше
промежду глаз,
учится
убегать от милиции,
как от полиции
скачет Дуглáс.
Таких
потом
не удержишь Мууром —
стоит,
как в море риф.
Сегодня
расти
деловитó и хмуро
столбцы
помогающих цифр!
Привыкшие
к щебету ангела-ротика,
слов
беспризорных
продумайте жуть:
«Отдайте сумку, гражданка-тетенька,
а то укушу,
а то заражу».
Меж дум,
приходящих,
страну наводня,

на лоб страны,
невзгодами взморщенный,
в порядок года,
месяца,
дня
поставьте лозунг:
— *Борьба с беспризорщиной.*

[*1926*]

«МЮД»

Додвадцатилетний люд,
выше знамена вздень:
сегодня
          праздник МЮД,
мира
      юношей
               день.
Нам
     дорога
            указана Лениным,
все другие —
              кривы́ и грязны́.
Будем
       только годами зе́лены,
а делами и жизнью
                  красны́.
Не сломят
           сердца и умы
тюремщики
           в стенах плоских.
Мы знаем
          застенки румын
и пули
       жандармов польских.
Смотрите,
          какая Москва,
французы,
          немцы,
                голландцы.

И нас чтоб
пускали к вам,—
но чтоб не просить
и не кланяться.
Жалуются —
Октябрь отгудел.
Нэповский день —
тих.
А нам
еще много дел —
и маленьких,
и средних,
и больших.
А с кем
такое сталось,
что в семнадцать
сидит пригорюнивши,
у такого —
собачья старость.
Он не будет
и не был юношей.
Старый мир
из жизни вырос,
развевайте мертвое в дым!
Коммунизм —
это молодость мира,
и его
возводить
молодым.
Плохо,
если
одна рука!
С заводскими парнями
в паре
выступай
сегодня
и сын батрака,
деревенский
вихрастый парень!

Додвадцатилетний люд,
красные знамена вздень!
Раструбим
по земле
МЮД,
малышей
и юношей день.

[*1926*]

ДВЕ МОСКВЫ

Когда автобус,
пыль развеяв,
прет
меж часовен восковых,
я вижу ясно:
две их,
их две в Москве —
Москвы.

1

Одна —
это храп ломовий и скрип.
Китайской стены покосившийся гриб.
Вот так совсем
и в седые века
здесь
ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум,
что это
бумагу везут в Главбум.
А я убежден,
что, удар изловча,
добро везут,
разбив половчан.
Из подмосковных степей и лон
везут половчанок, взятых в полон.

А там,
где слово «Моссельпром»
под молотом
и под серпом,

стоит
и окна глазом ест
вотяк,
приехавший на съезд,
не слышавший,
как печенег,
о монпансье и ветчине.
А вбок
гармошка с пляскою,
пивные двери лязгают.
Хулиганьё
по кабакам,
как встарь,
друг другу мнут бока.
А ночью тишь,
и в тишине

нет ни гудка,
ни шины нет...
Храпит Москва деревнею,
и в небе
цвета крем
глухой старухой древнею
суровый
старый Кремль.

2

Не надо быть пророком-провидцем,
всевидящим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
как новое в людях роится,
вторая Москва
вскипает и строится.
Великая стройка
уже начата.

И в небо
лесами идут
там
почтамт,
здесь
Ленинский институт.
Дыры
метровые
по́том поли́ты,
чтоб ветра быстрей
под землей полетел,
из-под покоев митрополитов
сюда чтоб
вылез
метрополитен.
Восторженно видеть
рядом и вместе
пыхтенье машин
и пыли пласты.
Как плотники
с небоскреба «Известий»
плюются
вниз
на Страстной монастырь.
А там,
вместо храпа коней от обузы
гремят грузовозы,
пыхтят автобу́сы.
И кажется:
центр-ядро прорвало̀
Садовых кольцо
и Коровьих вало́в.
Отсюда
слышится и мне
шипенье приводных ремней.
Как стих,
крепящий бо́лтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».

Растет представленье
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.
Качнется,
встанет,
подтянется сонница,
придется и ей
тракторeть и фордзониться.
Краснеет на шпиле флага тряпи́ца,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.

[*1926*]

ХУЛИГАН

Республика наша в опасности.
В дверь
лезет
немыслимый зверь.
Морда матовым рыком гулка́,
лапы —
в кулаках.
Безмозглый,
и две ноги для ляганий,
вот — портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
словно леса́.
Из этих лесов
глядят телеса.
Чтоб замаскировать рыло мандрилье,
шерсть
аккуратно
сбрил на рыле.
Хлопья пудры
(«Лебяжьего пуха»!),
бабочка-галстук
от уха до уха.
Души не имеется.
(Выдумка бар!)
В груди —
пивной
и водочный пар.
Обутые лодочкой
качает ноги водочкой.

Что ни шаг —
враг.
— Вдрызг фонарь,
враги — фонари.
Мне темно,
так никто не гори.
Враг — дверь,
враг — дом,
враг —
всяк,
живущий трудом.
Враг — читальня.
Враг — клуб.
Глупейте все,
если я глуп! —
Ремень в ручище,
и на нем
повисла гиря кистенем.
Взмахнет,
и гиря вертится,—
а ну —
попробуй встретиться!
По переулочкам — луна.
Идет одна.
Она юна.
— Хорошенькая!
(За́ косу.)
Обкрутимся без загсу! —
Никто не услышит,
напрасно орет
вонючей ладонью зажатый рот.
— Не нас контрапупят —
не наше дело!
Бежим, ребята,
чтоб нам не влетело! —
Луна
в испуге
за тучу пятится
от рваной груды
мяса и платьица.

А в ближней пивной
веселье неистовое.
Парень
пиво глушит
и посвистывает.
Поймали парня.
Парня — в суд.
У защиты
словесный зуд:
— Конечно,
от парня
уйма вреда,
но кто виноват?
— Среда.
В нем
силу сдерживать
нет моготы.
Он — русский.
Он —
богатырь!
— Добрыня Никитич!
Будьте добры,
не трогайте этих Добрынь! —
Бантиком
губки
сложил подсудимый.
Прислушивается
к речи зудимой.
Сидит
смирней и краше,
чем сахарный барашек.
И припаяет судья
(сердобольно)
«4 месяца».
Довольно!
Разве
зверю,
который взбесится,
дают
на поправку
4 месяца?

Деревню — на сход!
Собери
и при ней
словами прожги парней!
Гуди,
и чтоб каждый завод гудел
об этой
последней беде.
А кто
словам не умилится,
тому
агитатор —
шашка милиции.
Решимость
и дисциплина,
пружинь
тело рабочих дружин!
Чтоб, если
возьмешь за воротник,
хулиган раскис и сник.
Когда
у больного
рука гниет —
не надо жалеть ее.
Пора
топором закона
отсечь
гнилые
дела и речь!

[*1926*]

ХУЛИГАН

Ливень докладов.
Преете?
Прей!
А под клубом,
гармошкой изо́ранные,
в клубах табачных
шипит «Левенбрей»,
в белой пене
прибоем
трехгорное...
Еле в стул вмещается парень.
Один кулак —
четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос взъерошенный.
Нос лилов.
Мало парню такому доклада.
Парню —
слово душевное нужно.
Парню
силу выхлестнуть надо.
Парню надо...
— новую дюжину!
Парень выходит.
Как в бурю на катере.
Тесен фарватер.
Тело намокло.

Парнем разосланы
к чертовой матери
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
Смотрит —
кому бы заехать в ухо?
Что башка не придумает дурья?!
Бомба
из безобразий и ухарств,
дурости,
пива
и бескультурья.
Так, сквозь песни о будущем рае,
только солнце спрячется, канув,
тянутся
к центру огней
от окраин
драка,
муть
и ругня хулиганов.
Надо
в упор им —
рабочьи дружины,
надо,
чтоб их
судом обломало,
в спорт
перелить
мускулья пружины,—
надо и надо,
но этого мало...
Суд не скрутит —
набрать имен
и раструбить
в молве многогласой,
чтоб на лбу горело клеймо:
«Выродок рабочего класса».

А главное — помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скушано;
надо —
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.

[*1926*]

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Пишу про хулиганов,
как будто на́нятый, —
целую ночь и целый день.
Напишешь,
а люди
снова хулиганят,
все —
кому не лень.

Хулиган
обычный,
что домашний зверик,
ваша не померкнет слава ли
рядом с тем,
что учинил Зеве́ринг
над рабочей демонстрацией
в Бреславле?
Весть газетная,
труби погромче!
Ярче,
цифры
из расстрелянного списка!
Жмите руки,
полицейский президент
и хулиган-погромщик,
нападающий
на комсомол
в Новосибирске!

В Чемберлене
тоже
не заметно лени
(будем вежливы
при их
высоком сане),
но не встанет
разве
облик Чемберлений
над погромом,
раздраконенным в Вансяне?
Пушки загремели,
с канонерок грянув.
Пристань
трупами полна.
Рядом с этим
40
ленинградских хулиганов —
уголовная
бездарная шпана.

А на Маньчжурии,
за линией
идущей
сквозь Китай
дороги,
Сидит Чжан Цзо-лин
со своей Чжан Цзо-линией,
на стол положивши ноги.
Маршал!
А у маршалов
масштабы крупные,
и какой
ему, скажите,
риск...
Маршал
расшибает
двери клубные,

окна школьные
разносит вдрызг.
Здешняя
окраинная
рвань и вонь,
на поклон к учителю идите,
пожимай же
чжанцзолинову ладонь,
мелкий
клубный
хулиган-вредитель!

———

Конечно,
должны войти и паны́
в опись этой шпаны.
Десяток банд коренится
в лесах
на польской границе.

———

Не время ль
кончать
с буржуями спор?
Не время ль
их причесать?
Поставьте
такие дела
на разбор
в 24 часа!
Пора
на очередь
поставить вопрос
о делах
мандаринства и панства.
Рабочие мира,
прекратите рост
международного хулиганства!

[*1926*]

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ: «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

Перья-облака̀,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!
Пара
пароходов
говорит на рейде:
то один моргнет,
а то
другой моргнет.
Что сигналят?
Напрягаю я
морщины лба.
Красный раз...
угаснет,
и зеленый...
Может быть,
любовная мольба.
Может быть,
ревнует разозленный.
Может, просит:
— «Красная Абхазия»!
Говорит
«Советский Дагестан».
Я устал,
один по морю лазая,

подойди сюда
и рядом стань.—
Но в ответ
коварная
она:
— Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер.—
— Все вы,
бабы,
трясогузки и канальи...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:
— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня...—
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.

[*1926*]

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
И ВАНЯ ДЫЛДИН

Подмастерье
Ваня Дылдин
был
собою
очень виден.
Рост
(длинней моих стишков!) —
сажень
без пяти вершков.
Си́лища!
За ножку взяв,
поднял
раз
железный шкаф.
Только
зря у парня сила:
глупый парень
да бузила.
Выйдет,
выпив всю пивную,—
переулок
врассыпную!
Псы
и кошки
скачут прытки,
скачут люди за калитки.

ЗА 7 ДНЕЙ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН.

Стихотворение и рисунки Вл. Маяковского.

Рисунки Маяковского к стихотворению «Лев Толстой и Ваня Дылдин», в журнале «За 7 дней», 1926, № 11.

Ходит
веселӏ и вихраст,
что ни слово —
«в морду хряст».
Не сказать о нем двояко.
Общий толк один:
— Вояка!

———

Шла дорога милого
через Драгомилово.
На стене —
бумажный лист.
Огорчился скандалист.
Клок бумаги,
а на ней
велено:
— Призвать парней! —
«Меж штыков острых
Наш Союз —
остров.
Чтоб сломить
врагов окружие,
надобно
владеть оружием.
Каждому,
как клюква, ясно:
нечего баклуши бить,
надо в нашей,
надо в Красной,
надо в армии служить».
С огорченья —
парень скис.
Ноги врозь,
и морда вниз.

———

Парень думал:
— Как пойду, мол? —

Пил,
сопел
и снова думал,
подложив под щеку руку.
Наконец
удумал штуку.
С постной миной
резвой рысью
мчится
Дылдин
на комиссию.
Говорит,
учтиво стоя:
Убежденьями —
Толстой я.
Мне война —
что нож козлу.
Я —
непротивленец злу.
По слабости
по свойской
я
кровь
не в силах вынести.
Прошу
меня
от воинской
освободить повинности.

Этаким
непротивленцам
я б
под спину дал коленцем.

Жива,
как и раньше,
тревожная весть:
— Нет фронтов,
но опасность есть!

Там,
за китайской линией,
грозится Чжанцзолиния,
и пан Пилсудский в шпорах
просушивает порох.
А Лондон —
чемберленится,
кулак
вздымать
не ленится.
Лозунг наш
ряду годов:
— Рабочий,
крестьянин,
будь готов!
Будь горд,
будь рад
стать
красноармейцам в ряд.

[1926]

МЕЧТА ПОЭТА

Поэзия
любит
в мистику облекаться,
говорить
о вещах
едва касаемо.
Я ж
открыто
агитирую
за покупку облигаций
государственного
выигрышного займа.
Обсудим трезво,
выгодно ль это?
Предположим,
выиграл я:
во всех журналах —
мои портреты.
Я
и моя семья.
Это ж не шутки —
стать
знаменитостью
в какие-то сутки.
Широкая известность
на много лет.
За что?
Всего —
за четвертной билет.

Всей облигации
              цена сторублевка,
но до чего ж
            Наркомфин
                        придумал ловко!
Нету ста —
          не скули
                  и не ной,
четверть облигации бери
                        за четвертной.
Четвертной не сбережете —
                          карманы жжет.
Кто
   без облигации
                 четвертной сбережет?
Приходится считать
                   восторженно и пылко,
что облигация
             каждому —
                       лучшая копилка.
И так
     в копилку
              хитро положено,
что проиграть нельзя,
                     а выиграть —
                                  можно.
Разве
     сравнишь
             с игрою с этакой
продувную железку
                 с бандитской рулеткой!
А не выиграю —
              тоже не впаду в раж.
через 3 месяца —
                новый тираж.
А выигрышей!
            Не вычерпаешь —
                           хоть ведрами лей.
Больше
      30 000 000 рублей!

Сто тысяч выиграю
(верю счастью!) —
и марш
в банк
за своею частью.
И мне
отслюнявливают
с правого кончика
две с половиной тысячи
червончиков.
Сейчас же,
почти не отходя от кассы,
вещей приобретаю
груды и массы!
Тут же покупается
(нужно или не нужно)
шуба
и меховых воротничков
дюжина.
Сапог понакуплю —
невиданный сон!
На любой размер
и любой фасон!
За покупками
по Москве по всей
разъезжусь,
весь день
не вылазя из таксей.
Оборудую
мастерскую
высокого качества
для производства
самого лучшего стихачества.
Жилплощадь куплю
и заживу на ней
один!
на все на двадцать саженей!
И вдруг
звонок:
приходит некто.

— Пожалте бриться,
                    я — фининспектор! —
А я
   ему:
      — Простите, гражданинчик,
прошу
     со мной
           выражаться иначе.
Уйдите,
      свои портфели забрав,
выигрыш
       облагать
              не имеете прав! —
И выиграй
         я
          хотя с миллион,
от меня
      фининспектор
                 уйдет посрамлен.
Выигрыш —
         другим делам
                    не чета.
Вот это
      поэты
          и называют:
                   мечта!

Словом,
      в мистику
              нечего облекаться.
Это —
     каждого
           вплотную касаемо.
Пойдем
     и просто
            купим облигации
государственного
              выигрышного займа.

[1926]

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Раньше
праздновался
разный Кирилл
да Мефодий.
Питье,
фонарное освещение рыл
и прочее в этом роде.
И сейчас еще
село
самогоном весело.
На Союзе
великане
тень фигуры хулиганьей.
Но мы
по дням и по ночам
работаем,
тьме угрожая.
Одно
из наших больших начал —
«Праздник урожая».
Праздников много,—
но отродясь
ни в России,
ни около
не было,
чтоб люди
трубили, гордясь,
что рожь уродилась
и свекла.

Республика
                    многим бельмо в глазу,
и многим
                охота сломать ее.
Нас
    штык
            от врагов
                        защищает в грозу,
а в мирный день —
                        дипломатия.
Но нет у нас
                довода
                        более веского,
чем амбар,
                ломящийся от хлебных груд.
Нету
    дела
            почетней деревенского,
почетнее,
            чем крестьянский труд.
Каждый корабль пшеничных зерен —
это
    слеза. у буржуев во взоре.
Каждый лишний вагон репы —
это
    смычке новые скрепы.
Взрастишь кукурузу в засушливой зоне —
и можешь
                мечтать о новом фордзоне.
Чем больше будет хлебов ржаных,
тем больше ситцев у моей жены.
Еще завелась племенная свинья,
и в школу
                рубль покатился, звеня.
На литр увеличь молоко коров,
и новый ребенок в Союзе здоров.
Чем наливней
                    и полнее колос,
тем громче
                будет
                        советский голос.

Крепись этот праздник
из года в год,
выставляй
— похвалиться рад —
лучшую рожь,
лучший скот
и радужнейший виноград.
Лейся
по селам
из области в область
слов
горящая лава:
урожай — сила,
урожай — доблесть,
урожай увеличившим
слава!

[1926]

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ

Этими —
и добрыми,
и кобры лютѐй —
Союз
до краев загружён.
Кто делает
этих
искусственных людей?
Какой нагружённый Гужóн?
Чтоб долго
не размусоливать этой темы
(ни зол,
ни рад),
объективно
опишу человека —
системы
«бюрократ».
Сверху — лысина,
пятки — низом, —
организм, как организм.
Но внутри
вместо голоса —
аппарат для рожений
некоторых выражений.
Разлад в предприятии —
грохочет адом,
буза и крик.
А этот, как сова,

два словца изрыгает:
— *Надо
согласовать!* —
Учрежденья объяты ленью.
Заменили дело канителью длинною.
А этот
отвечает
любому заявлению:
— *Ничего,
выравниваем линию.* —
Надо геройство,
надо умение,
чтоб выплыть
из канцелярщины вязкой,
а этот
жмет плечьми в недоумении:
— *Неувязка!* —
Из зава трестом
прямо в во́ры
лезет
пройдоха и выжига,
а этот
изрекает
со спокойствием рыб:
— *Продвижка!* —
Разлазится все,
аппарат — вразброд,
а этот,
куря и позевывая,
с достоинством
мямлит
во весь свой рот:
— *Использо́вываем.* —
Тут надо
видеть
вражьи войска,
надо
руководить прицелом, —
а этот
про все
твердит свысока:

— *В общем и целом.* —

Тут не приходится в кулак свистеть, —
как пишется
в стенгазетных листах:
«Уничтожим это, —
если не везде,
то во всех местах».

[*1926*]

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО ПИСАТЕЛЮ АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ

Алексей Максимович,
как помню,
между нами
что-то вышло
вроде драки
или ссоры.
Я ушел,
блестя
потертыми штанами;
взяли Вас
международные рессоры.
Нынче —
иначе.
Сед височный блеск,
и взоры озарённей.
Я не лезу
ни с моралью,
ни в спасатели,
без иронии,
как писатель
говорю с писателем.

Очень жалко мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.
Думаете —
с Капри,
с горки
Вам видней?
Вы
и Луначарский —
похвалы повальные,
добряки,
а пишущий
бесстыж —
тычет
целый день
свои
похвальные
листы.
Что годится,
чем гордиться?
Продают «Цемент»
со всех лотков.
Вы
такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков
написал
благодарственный молебен о цементе.
Затыкаешь ноздри,
нос наморщишь
и идешь
верстой болотца длинненького.
Кстати,
говорят,
что Вы открыли мощи
этого...
Калинникова.
Мало знать
чистописаниев ремёсла,

расписать закат
или цветенье редьки.
Вот
когда
к ребру душа примерзла,
ты
ее попробуй отогреть-ка!
Жизнь стиха —
тоже тиха.
Что горенья?
Даже
нет и тленья

в их стихе
холодном
и лядащем.

Все
входящие
срифмуют впечатления
и печатают
в журнале
в исходящем.

А рядом
молотобойцев
ана́пестам

учит
профессор Шенге́ли.
Тут
не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
в шинке ли?
Алексей Максимович,
у вас
в Италии

Вы
когда-нибудь
подобное
видали?

Приспособленность
и ласковость дворовой,

деятельность
блюдо-рубле- и тому подобных «лиз»
называют многие
— «здоровый
реализм».—
И мы реалисты,
но не на подножном
корму,
не с мордой, упершейся вниз,—
мы в новом,
грядущем быту,
помноженном
на электричество
и коммунизм.
Одни мы,
как ни хвали́те халтуры,
но, годы на спины грузя,
тащим
историю литературы —
лишь мы
и наши друзья.
Мы не ласкаем
ни глаза,
ни слуха.
Мы —
это Леф,
без истерики —
мы
по чертежам
деловито
и сухо
строим
завтрашний мир.
Друзья —
поэты рабочего класса.
Их знание
невелико́,
но врезал
инстинкт
в оркестр разногласый

буквы
грядущих веков.
Горько
думать им
о Горьком-эмигранте.
Оправдайтесь,
гряньте!
Я знаю —
Вас ценит
и власть
и партия,
Вам дали б всё —
от любви
до квартир.
Прозаики
сели
пред Вами
на парте б:
— Учи!
Верти! —
Или жить вам,
как живет Шаляпин,
раздушенными аплодисментами оляпан?
Вернись
теперь
такой артист
назад
на русские рублики —
я первый крикну:
— Обратно катись,
народный артист Республики! —
Алексей Максимыч,
из-за ваших стекол
виден
Вам
еще
парящий сокол?
Или
с Вами
начали дружить

по саду
ползущие ужи?
Говорили
(объясненья ходкие!),
будто
Вы
не едете из-за чахотки.
И Вы
в Европе,
где каждый из граждан
смердит покоем,
жратвой,
валютцей!
Не чище ль
наш воздух,
разреженный дважды
грозою
двух революций!
Бросить Республику
с думами,
с бунтами,
лысинку
южной зарей озарив,—
разве не лучше,
как Феликс Эдмундович,
сердце
отдать
временам на разрыв.
Здесь
дела по горло,
рукав по локти,
знамена неба
алы́,
и соколы —
сталь в моторном клёкоте —
глядят,
чтоб не лезли орлы.
Делами,
кровью,
строкою вот этою,

нигде
не бывшею в найме, —
я славлю
взвитое красной ракетою
Октябрьское,
руганное
и пропетое,
пробитое пулями знамя!

[*1926*]

КАЖДЫЙ, ДУМАЮЩИЙ О СЧАСТЬЕ СВОЕМ, ПОКУПАЙ НЕМЕДЛЕННО ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ!

Смешно и нелепо
заботиться
поэту
о счастье нэпов.
Однако
приходится
дать совет:
граждане,
подымайтесь чуть свет!
Беги в банки,
пока не толпятся
и не наступают нá ноги.
И, изогнувшись
в изящной грации,
говоришь кассиру:
— Подать облигации! —
Получишь
от кассира,
уваженьем объятого,
говоришь ему
голосом,
тверже, чем жесть:
— Так как
куплено
до 25-го,

гони
сторублевки
по 96.
А так как
я
человек ловкий,
мозг рассчетлив,
и глаз мой
зорок,
купив до 20-го,
из каждой сторублевки
вношу
наличными
только сорок.
Пользуясь отсрочкой,
не кряхтя
и не ноя,
к 15-му ноября
внесу остальное. —
Купили
и — домой,
богатством нагружены́, —
на радость родителей,
детей
и жены.
И сразу
в семье
порядок, что надо:
нет ни грязи,
ни ссор,
ни разлада.
Раньше
каждый
щетинился, как ёж,
а теперь —
дружба,
водой не разольешь.
Ни шума,
ни плача ребячьими ариями,
в семействе чу́дно:
тихо, как в аквариуме.

Все семейство,
от счастья дрожа,
ждет
с нетерпением
первого тиража.
Дождались,
сидят, уткнувши лица
в цифровые столбики
выигрышной таблицы.
И вдруг —
возглас,
как гром в доме:
— Папочка,
выиграл наш номер! —
Достали облигацию,
машут ею,
от радости
друг другу
бросаются на шею.
Надели шляпы,
ноги обули
и в банк —
быстрей
революционной пули.
Получили
и домой
бегут в припляске,
везя
червонцы
в детской коляске.
Жарь,
веселись,
зови гостей
под общее одобрение
всех властей.
А не выиграл —
опять-таки
спокойствие храни.
Спрячь облигации,
чтоб крепли они.

Облигации этой
удержу нет,
лежит
и дорожает
5 лет.
И перед последним тиражом
нигде не купишь,
хоть приставай с ножом.
Еще бы,
чуть не каждая
годна.
Из 19-ти облигаций
выигрывает одна.
Запомните
твердо,
как точное знание:
облигации надо
покупать заранее.
Каждый,
заботящийся
о счастье своем,
покупай
немедленно
выигрышный заем.

[*1926*]

МОИ ПРОГУЛКИ СКВОЗЬ УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ

На Четвертых Лихоборах
непорядков —
целый ворох.
Что рабочий?!
Даже люди
очень крупного ума
меж домами,
в общей груде,
не найдут
свои дома.
Нету места странней:
тут и нечет
и чет
по одной стороне
в беспорядке течет.
Замечательный случай,
единственный в мире:
№ 15,
а рядом —
4!
Почтальон,
хотя и смéтлив,
верст по десять мечет петли.
Не встретишь бо̀льших комиков,
хоть год скитайся по̀ миру.
Стоят
три разных домика,

и все —
под пятым номером...
Пришел почтальон,
принес перевод...
Каждый —
червонцы
лапкою рвет:

— Это я, мол,
пятый номер,

здесь
таких
и нету кроме.—

Но зато
должника
не разыщешь
никак.
Разносящему повестки
перемолвить слово не с кем,
лишь мычат,
тоской объяты:

— Это
следующий — пятый!
Обойдите этажи —
нет
таких
под этот номер.

Если
здесь
такой и жил,
то теперь
помер.—
Почтальоны
сутки битые
летят.
Пот течет водой.
На работу
выйдут бритые,
а вернутся —
с бородой.

После этих
запутанных мест
прошу побывать
под вывеской
КРАСНЫЙ КРЕСТ
(Софийка, 5).
Из 30 сотрудников —
15 ответственные;
таким
не очень трудненько,
дела
не очень бедственные.
Без шума
и давки
получают
спецставки.
Что за ставочка!
В ей —
чуть не двадцать червей!
Однажды,
в связи
с режимом экономии,
у них
вытягиваются физиономии.
Недолго завы морщатся,
зовут
к себе
уборщицу.
Зампомова рука
тычет ей
вместо сорока
20 рублей.
Другая рука,
по-хозяйски резвая,
уже
курьеру
ставку урезывает.
Клуб ответственных
не глуп —
устроился
не плохо,

сэкономил
с лишним рупь
на рабочих крохах.
По-моему,
результаты
несколько сла̀бы.
С этими
с экономиями самыми —
я бы
к некоей бабушке послал бы
подобных помов с замами.
Подсказывает
практический ум:
с этого
больше
сэкономишь сумм.

[*1926*]

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОГУЛОК ИЗ УЛИЦЫ В ПЕРЕУЛОК

Стой, товарищ!
Ко всем к вам
доходит
«Рабочая Москва».
Знает
каждый,
читающий газету:
нет чугуна,
железа нету!
Суются тресты,
суются главки
в каждое место,
во все лавки.
А на Генеральной,
у Проводниковского дома —
тысяча пудов
разного лома.
Надорветесь враз-то —
пуды повзвесьте!
Тысяч полтораста,
а то
и двести.
Зѐмли
слухами полны́:

Гамбург —
фабрика луны.
Из нашего количества
железа и чугуна
в Гамбурге
вышла б
вторая луна.
Были б
тысячи в кармане,
лом
не шлепал по ногам бы.
Да, это
не Германия!
Москва,
а не Гамбург!
Лом
у нас
лежит, как бросят,—
благо,
хлеба
лом не просит.
Если б
я
начальством был,
думаю,
что поделом
я бы
кой-какие лбы
бросил бы
в чугунный лом.

Теперь
перейду
к научной теме я.
Эта тема —
Сельхозакадемия,
не просто,
а имени
Тимирязева.

Ясно —
сверху
снег да ливни,
ясно —
снизу грязь вам...
А в грязи
на аршин —
масса
разных машин.
Общий плач:
полежим,
РКИ подождем.
Разве ж
в этом режим,
чтоб ржаветь под дождем?
Для машины
дай навес —
мы
не яблоки моченые...
Что
у вас
в голове-с,
господа ученые?
Что дурню позволено —
от этого
срам
ученым малым
и профессорам.
Ну и публика!
Пожалела рублика...
Что навес?
Дешевле лука.
Сократили б техноруков,
посократили б должности —
и стройся
без задолженности!
Возвели б сарай —
не сарай,
а рай.

Ясно —
каждый
скажет так:
— Ну, и ну!
Дурак-то!
Сэкономивши пятак,
проэкономил трактор.

[*1926*]

ТИП

По улицам,
посредине садов,
меж сияющих клубных тетерей
хулиганов
различных сортов
больше,
чем сортов бактерий.

По окончании
рабочего дня,
стакан кипяченой зажав в кулачике,
под каждой крышей Союза бубня,
докладывают докладчики.
Каждая тема —
восторг и диво —
вмиг выясняет вопросы бытья.
Новость —
польза от кооператива,
последняя новость —
вред от питья.
Пустые места
называются — дыры;
фиги
растут
на Лиге наций;
дважды два
по книгам — четыре;
четырежды четыре —
кругом шестнадцать.

Устав,
отходят ко сну культпросветчики
и видят
сквозь музыку храпа мерненького:
Россия,
затеплив
огарок свечки,
читает
взасос
политграмоту Бердникова.
Сидит,
читает,
делает выписки
до блеска
зари
на лысине шара.
А сбоку
пишет с него Либединский,
стихи
с него
сочиняет Жаров.
Иди и гляди —
не жизнь,
а лилия.
Идиллия.

———

А пока
докладчики преют,
народ почему-то
прет к Левенбрею.
Еле в стул вмещается парень,
один кулак —
четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос штопором.
Нос лилов.
Мозг его
чист от мыслей сора.

Жить бы
ему
не в Москве,
а на Темзе.
Парень,
возможно,
стал бы боксером,
нос бы расшиб
Карпантье и Демпси.
Что
для него
докладчиков сонм?
Тоже
сласть
в наркомпросной доле!
Что он
Маркс
или Эдисон?
Ему
телефоны выдумывать,
что ли?
Мат,
а не лекции
соки корней его.
Он
не обучен
драться планово.
Спорт —
по башке бутылкой Корнеева,
доклад —
этажом обложить у Горшанова.
Парень выходит,
как в бурю на катере.
Тесен фарватер.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чертовой матери
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
В полтротуара болтаются клёши,

рубашка-апаш
и кепка домиком.
Кулак
волосатей, чем лучшая лошадь,
и морда —
на зависть циркачьим комикам.
Лозунг дня —
вселенной в ухо! —
Все, что знает башка его дурья!
Бомба
из матершины и ухарств,
пива,
глупости
и бескультурья.
Надо помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скушано,—
надо
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.

[*1926*]

ДОЛГ УКРАИНЕ

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится черно́,
и герб
звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днипро́
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада
и Гоголю надо!

Мы знаем,
курит ли,
пьет ли Чаплин;
мы знаем
Италии безрукие руины;
мы знаем,
как Ду́гласа
галстух краплен...
А что мы знаем
о лице Украины?
Знаний груз
у русского
тощ —
тем, кто рядом,
почета мало.
Знают вот
украинский борщ,
знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов —
Бульбы
и известного Шевченка,—
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.
А если прижмут —
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов —
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.

Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых,—
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»
Разве может быть
затрепанней
да тише
слова
поистасканного
«Слышишь»?!
Я
немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь,—
чтобы стали
всех
моих
стихов слова
полновесными,
как слово «чуешь».

Трудно
людей
в одно истолочь,
собой
кичись не очень.
Знаем ли мы украинскую ночь?
Нет,
мы не знаем украинской ночи.

[*1926*]

ОКТЯБРЬ

1917—1926

Если
стих
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражь
комсомольцев
и комсомолок.
Дней шоферы
и кучера
гонят
пулей
время свое,
а как будто
лишь вчера
были
бури
этих боев.
В шинелях,
в поддевках идут...
Весть:
«Победа!»
За Смольный порог.
Там Ильич и речь,
а тут
пулеметный говорок.
Мир
другими людьми оброс;

пионеры
лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
глубоких седин.
Вырастает
времени мол,
день — волна,
не в силах противиться;
в смоль-усы
оброс комсомол,
из юнцов
перерос в партийцев.
И партийцы
в годах борьбы
против всех
буржуазных лис
натрудили
себе
горбы,
многий
стал
и взросл
и лыс.
А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,
от ран.
Лишь колышет
камни
поклон
ото ста
подневольных стран.
На стене
пропылен
и нем
календарь, как календарь,
но в сегодняшнем
красном дне

воскресает
годов легендарь.
Будет знамя,
а не хоругвь,
будут
пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
в хору
будет бой
и марш,
а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
не можем
не молодеть,
выходя
на праздник — Октябрь.
Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не смолк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок.

[*1926*]

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют,—
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?
Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо̀...»
Нет,
в такую ерунду
не расказёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знамена̀.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей — это пепел,
песок и дым;
юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей —
ремонт в пути,
постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,

поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
приказ Ильича.
Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеянней!
Будет:
под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем,
топки глуша,
Англия бастующих шахт.

Пусть
китайский язык
мудрен и велик.—
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш
рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже
киты батарей
и полки́.
Воры
с дураками
засели в блиндàжи
растрат
и волокит.
И каждая вывеска:
— рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах —
рассчитывай,
режь и крои́.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!
Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.

Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!

[*1926*]

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ

Жандармы вселенной,
                    вылоснив лица,
стоят над рабочим:
                    — Эй,
                        не бастуй! —
А здесь
        трудящихся щит —
                        милиция
стоит
    на своем
            бессменном посту.
Пока
    за нашим
            октябрьским гулом
и в странах
        в других
                не грянет такой,—
стой,
    береги своим караулом
копейку рабочую,
            дом и покой.
Пока
    Волховстроев яркая речь
не победит
        темноту нищеты,
нутро республики
            вам беречь —
рабочих
        домов и людей
                щиты.

Храня республику,
от людей до иголок,
без устали стой
и без лени,
пока не исчезнут
богатство и голод —
поставщики преступлений.
Враг — хитёр!
Смотрите в оба!
Его не сломишь,
если сам лоботряс.
Помни, товарищ,—
нужна учёба
всем,
защищающим рабочий класс!
Голой рукой
не взять врага нам,
на каждом участке
преследуй их.
Знай, товарищ,
и стрельбу из нагана,
и книгу Ленина,
и наш стих.
Слаба дисциплина — петлю накинут.
Бандит и белый
живут в ладах.
Товарищ,
тверже крепи дисциплину
в милиционерских рядах!
Иной
хулигану
так
даже рад,—
выйдет
этакий
драчун и голосило:
— Ничего, мол,
выпимши —
свой брат —
богатырская
русская сила.—

А ты качнешься
(от пива частого),
у целой улицы нос заалел:
— Ежели,
мол,
безобразит начальство,
то нам,
разумеется,
и бог велел! —
Сорвут работу
глупым ляганьем
пивного чада
бузящие чàды.
Лозунг твой:
— Хулиганам
нет пощады! —
Иной рассуждает,
морща лоб:
— Что цапать
маленьких воришек?
Ловить вора,
да такого,
чтоб
об нем
говорили в Париже! —
Если выудят
миллион
из кассы скряжьей,
новый
с рабочих
сдерет задарма.
На мелочь глаз!
На мелкие кражи,
потрошащие
тощий
рабочий карман!
В нашей республике
свет не равен:
чем дальше от центра —
тем глубже ночи.

Милиционер,
в темноту окраин
глаз вонзай
острей и зорче!
Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах других
не пройдет такой —
стой,
береги своим караулом
копейки,
людей,
дома
и покой.

[*1926*]

ЕВРЕЙ

(ТОВАРИЩАМ ИЗ ОЗЕТА)

Бывало,
начни о вопросе еврейском —
тебе
собеседник
ответит резко:
— Еврей?
На Ильинке!
Все в одной ли́нийке!
Еврей — караты,
еврей — валюта...
Люто богаты
и жадны люто.
А тут
им
дают Крым!
А Крым известен:
не карта, а козырь;
на лучшем месте —
дворцы и розы.—
Так врут
рабочим врагов голоса,
но ты, рабочий,
но ты —
ты должен честно взглянуть в глаза
еврейской нищеты.
И до сегодня
над Западным краем

слышатся отзвуки
                    стонов и рёва.
Это, «жидов»
                за бунты карая,
тешилась
          пуля и плеть царёва.
Как будто бы
                у крови стока
стоишь
        у столбцов статистических выкладок.
И липнет
          пух
              из перин Белостока
к лежащим глазам,
                      которые выколоты.
Уставив зрачок
                  и желт и огромен,
глядело солнце,
                  едва не заплакав.
Как там —
            война
                  проходила в погроме:
и немец,
          и русский,
                     и шайки поляков.
Потом демократы
                     во весь свой мах
громили денно и нощно.
То шел Петлюра
                    в батарейных громàх,
то плетью свистела махновщина.
Еще и подвал
                от слезы не высох,—
они выползали,
                  оставив нору́.
И было
        в ихних Мюр-Мерилизах
гнилых сельдей
                  на неполный рубль.
И снова
        смрад местечковых ям

да крови несмытой красная медь.
И голод
          в ухо орал:
                    — Земля!
Земля и труд
          или смерть! —
Ни моря нет,
          ни куста,
                    ни селеньица,
худшее из худших мест на Руси —
место,
     куда пришли поселенцы,
палаткой взвив
          паруса парусин.
Эту пустыню
          в усердии рьяном
какая жрала саранча?!
Солончаки сменялись бурьяном,
и снова
     шел солончак.
Кто смерит
          каторгу их труда?!
Геройство — каждый дым,
и каждый кирпич,
          и любая труба,
и всякая капля воды.
А нынче
     течет ручьева́я лазурь;
и пота рабочего
          крупный град
сегодня
     уже
          перелился в лозу́,
и сочной гроздью
          повис виноград.
Люди работы
          выглядят ровно:
взгляни
     на еврея,
          землей полированного.

Здесь
делом растут
коммуны слова:
узнай —
хоть раз из семи,
который
из этих двух —
из славян,
который из них —
семит.
Не нам
со зверьими сплетнями знаться.
И сердце
и тощий бумажник свой
откроем
во имя
жизни без наций —
грядущей жизни
без нищих
и войн!

[*1926*]

О ТОМ,
КАК НЕКОТОРЫЕ
ВТИРАЮТ ОЧКИ
ТОВАРИЩАМ,
ИМЕЮЩИМ ЦИКОВСКИЕ
ЗНАЧКИ

1

Двое.
В петлицах краснеют флажки.
К дверям учрежденья направляют
шажки...
Душой — херувим,
ангел с лица,
дверь
перед ними
открыл швейцар.
Не сняв улыбки с прелестного ротика,
ботики снял
и пылинки с ботиков.
Дескать:
— Любой идет пускай:
ни имя не спросим,
ни пропуска! —
И рот не успели открыть,
а справа
принес секретарь
полдюжины справок.
И рта закрыть не успели,
а слева

несет резолюцию
какая-то дева...
Очередь?
Где?
Какая очередь?
Очередь —
воробьиного носа короче.
Ни чином своим не гордясь,
ни окладом —
принял
обоих
зав
без доклада...
Идут обратно —
весь аппарат,
как брат
любимому брату, рад...
И даже
котенок,
сидящий на папке,
с приветом
поднял
передние лапки.
Идут, улыбаясь,
хвалить не ленятся:
— Рай земной,
а не учрежденьице! —
Ушли.
У зава
восторг на физии:
— Ура!
Пронесло.
Не будет ревизии!..—

2

Назавтра,
дома оставив флажки,
двое
опять направляют шажки.

Швейцар
сквозь щель
гордeливо лается:
— Ишь, шпана.
А тоже — шляется!..—
С черного хода
дверь узка.
Орет какой-то:
— Предъявь пропуска! —
А очередь!
Мерь километром.
Куда!
Раз шесть
окружила дом,
как удав.
Секретарь,
величественней Сухаревой башни,
вдали
телефонит знакомой барышне...
Вчерашняя дева
в ответ на вопрос
сидит
и пудрит
веснушчатый нос...
У завовской двери
драконом-гадом
некто шипит:
— Нельзя без доклада! —
Двое сидят,
ковыряют в носу...
И только
уже в четвертом часу
закрыли дверь
и орут из-за дверок:
— Приходите
после дождика в четверг! —
У кошки —
и то тигрячий вид:
когти
вцарапать в глаза норовит...

В раздумье
оба
обратно катятся:
— За день всего —
и так обюрократиться?! —
А в щель
гардероб
вдогонку брошен:
на двух человек
полторы галоши.

Нету места сомнениям шатким.

Чтоб не пасся
бюрократ
коровой на лужку,
надо
или бюрократам
дать по шапке,
или
каждому гражданину
дать по флажку!

[*1926*]

НАШ ПАРОВОЗ, СТРЕЛОЙ ЛЕТИ...

С белым букетом
из дымных роз
бежит паровоз,
летит паровоз...
За паровозом —
толпой вагончик.
Начни считать —
и брось, не кончив!
Вагоны красные,
как раки сваренные,
и все гружённые,
и все товарные...
Приветно машет
вослед рука:
— Должно, пшеница,
должно, мука! —
Не сходит радость
со встречных рож:
— Должно, пшеница,
должно быть, рожь! —
К вокзалу главному
за пудом пуд
в сохранной целости
привез маршрут...
Два человечика,
топыря пузо,
с одной квитанцией
пришли за грузом:

— Подать три тысячи четыре места:
«Отчет
Урало-металло-треста!» —
С усердьем тратя
избыток си́лищи,
за носильщиком
потел носильщик...
Несут гроссбух,
приличный том,
весом
почти
в двухэтажный дом.
Потом притащили,
как — неведомо,
в два километра! —
степь, а не ведомость!
Кипы
обиты в железные планки:
это расписки,
анкеты, бланки...
Четверо
гнулись
от ящика следующего,
таща
фотографии
с их заведующего.
В дальнейшем
было
не менее тру́дненько:
Профили,
фасы
ответсотрудников.
И тут же
в трехтонки
сыпались прямо
за диаграммою диаграмма.
Глядя на это,
один ротозей
высказал мысль
не особенно личную:

— Должно,
с Ленинграда
картинный музей
везут
заодно
с библиотекой Публичною. —
Пыхтит вокзал,
как самовар на кухне:
— Эй, отчетность, гроссбухнем!
Волокитушка сама пойдет!
Попишем,
подпишем,
гроссбухнем! —

———

Свезли,
сложили.
Готово.
Есть!
Блиндаж
надежней любого щита.
Такое
никогда
никому не прочесть,
никому
никогда не просчитать.
Предлагаю:
— не вижу выхода иного —
сменить паровоз
на мощный и новый
и писаное и пишущих
по тундре и по́ лесу
послать поближе
к Северному полюсу...
Пускай на досуге,
без спешки и лени,
арифметике
по отчетам
учат тюленей!

[1926]

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И ПОДАРКИ

Лучше
мысль о елках
навсегда оставь.
Елки пусть растут
за линией застав.
Купишь елку,
так и то
не ту, которая красива,
а оставшуюся
после вычески лесных массивов.
Что за радость?
Гадость!
Почему я с елками пристал?
Мой ответ
недолог:
нечего
из-за сомнительного рождества Христа
миллионы истреблять
рожденных елок.
Формулирую, все вопросы разбив
(отцепись, сомненья клещ!):
Христос — миф,
а елка —
вещь.
А чтоб зря
рождество не пропадало —
для каждого
подумал про подарок.

1. АНГЛИИ

Хочу,
чтоб в одну
коммунистическую руку
сложили
рабочих
разрозненные руки.
Рабочим —
миллионы стойких Куков,
буржуям —
один хороший кукиш.

2. КИТАЮ

От сердца от всего,
от самого до́нца,
хочу,
чтоб взвился
флаг-малина.
Чтоб получить
свободными
14 кантонцев
и, кстати,
одного
арестованного Чжан Цзо-лина.

3. ДВУМ МИНИСТРАМ

Куски закусок,
ви́на и пена.
Ешь весело!
Закусывай рьяно! —
Пока
Бриан
не сожрет Чемберлена,
а Чемберлен
сожрет Бриана.

4. СССР

Каждой республике —
три Волховстроя,

втрое дешевые,
мощные втрое.
Чтоб каждой реки
любая вода
миллионы вольт
несла в провода.
Чтоб новую волю
время вложило
в жилы железа
и наши жилы.
Пусть
хоть лампой будет пробита
толща
нашего
грязного быта.

5. БУРЖУЮ

(Разумеется) — ствол.
Из ствола — кол.
Попробуй, мол,
кто крепче и дольше проживет —
кол
или живот.

6

И, наконец,
БЮРОКРАТАМ —
елочную хвою.
Пусть их
сидят на иголках
и воют.
Меньше
будут
на заседаниях тратиться,
и много труднее —
обюрократиться.

[1926]

НАШЕ НОВОГОДИЕ

«Новый год!»
Для других это просто:
о стакан
стаканом бряк!
А для нас
новогодие —
подступ
к празднованию
Октября.
Мы
лета́
исчисляем снова —
не христовый считаем род.
Мы
не знаем «двадцать седьмого»,
мы
десятый приветствуем год.
Наших дней
значенью
и смыслу
подвести итоги пора.
Серых дней
обыдённые числа,
на десятый
стройтесь
парад!
Скоро
всем
нам
счет предъявят:

дни свои
ерундой не мельча,
кто
и как
в обыдённой яви
воплотил
слова Ильича?
Что в селе?
Навоз
и скрипучий воз?
Свод небесный
коркою вычерствел?
Есть ли там
уже
миллионы звезд,
расцветающие в электричестве?
Не купая
в прошедшем взора,
не питаясь
зрелищем древним,
кто и нынче
послал ревизоров
по советским
Марьям Андревнам?
Нам
коммуна
не словом крепка́ и люба́
(сдашь без хлеба,
как ни крепися!).
У крестьян
уже
готовы хлеба́
всем,
кто переписью переписан?
Дайте крепкий стих
годочков этак на́ сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать

перед временем,
перед республикой,
перед любимой.
Пусть гремят
барабаны поступи
от земли
к голубому своду.
Занимайте дни эти —
подступы
к нашему десятому году!
Парад
из края в край растянем.
Все,
в любой работе
и чине,
рабочие и драмщики,
стихачи и крестьяне,
готовьтесь
к десятой годовщине!
Всё, что красит
и радует,
всё —
и слова,
и восторг,
и погоду —
всё
к десятому припасем,
к наступающему году.

[1926]

РЕКЛАМА

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Если хочешь,
                    забыв
                              и скуку и лень,
узнать сам,
что делается на земле
и что грохочет по небесам;
если хочешь знать,
                              как борются и боролись —
про борьбу людей
                              и работу машин,
про езду в Китай
                              и на Северный полюс,
почему
          на метр
                         переменили аршин,—
чтоб твоя голова
                              не стала дурна́,
чтоб мозг
               ерундой не заносило —
подписывайся
                    и читай журнал
«Знание — сила».

[*1926*]

ОЧЕРКИ

(Вторая половина 1925 и 1926)

МОЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

МЕКСИКА

Два слова. Моя последняя дорога —Москва, Кенигсберг (воздух). Берлин, Париж, Сен-Назер, Жижон, Сантандер, Мыс-ла-Коронь (Испания), Гавана (остров Куба), Вера Круц, Мехико-сити, Ларедо (Мексика), Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Питсбург, Кливленд (Северо-Американские Соединенные Штаты), Гавр, Париж, Берлин, Рига, Москва.

Мне необходимо ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг.

Езда хватает сегодняшнего читателя. Вместо выдуманных интересностей о скучных вещах, образов и метафор — вещи, интересные сами по себе.

Я жил чересчур мало, чтобы выписать правильно и подробно частности.

Я жил достаточно мало, чтобы верно дать общее.

18 дней океана. Океан —дело воображения. И на море не видно берегов, и на море волны больше, чем нужны в домашнем обиходе, и на море не знаешь, что под тобой.

Но только воображение, что справа нет земли до полюса и что слева нет земли до полюса, впереди совсем новый, второй свет, а под тобой, быть может, Атлантида,—только это воображение есть Атлантический океан. Спокойный океан скучен. 18 дней мы ползем, как муха по зеркалу. Хорошо поставленное зрелище было только один раз; уже на обратном пути из Нью-Йорка в Гавр.

Сплошной ливень вспенил белый океан, белым заштриховал небо, сшил белыми нитками небо и воду. Потом была радуга. Радуга отразилась, замкнулась в океане,— и мы, как циркачи, бросались в радужный обруч. Потом — опять пловучие губки, летучие рыбки, летучие рыбки и опять пловучие губки Сарагоссова моря, а в редкие торжественные случаи — фонтаны китов. И все время надоедающая (даже до тошноты) вода и вода.

Океан надоедает, а без него скушно.

Потом уже долго-долго надо, чтобы гремела вода, чтоб успокаивающе шумела машина, чтоб в такт позванивали медяшки люков.

Пароход «Эспань» 14 000 тонн. Пароход маленький, вроде нашего «ГУМ'а». Три класса, две трубы, одно кино, кафе-столовая, библиотека, концертный зал и газета.

Газета «Атлантик». Впрочем, паршивая. На первой странице великие люди: Балиев да Шаляпин, в тексте описание отелей (материал, очевидно, заготовленный на берегу) да жиденький столбец новостей — сегодняшнее меню и последнее радио, вроде: «В Марокко все спокойно».

Палуба разукрашена разноцветными фонариками, и всю ночь танцует первый класс с капитанами. Всю ночь наяривает джаз:

Маркита,
Маркита,
Маркита моя!
Зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...

Классы — самые настоящие. В первом — купцы, фабриканты шляп и воротничков, тузы искусства и монашенки. Люди странные: турки по национальности, говорят только по-английски, живут всегда в Мексике,— представители французских фирм с парагвайскими и аргентинскими паспортами. Это — сегодняшние колонизаторы, мексиканские штучки. Как раньше за грошовые побрякушки спутники и потомки Колумба обирали

индейцев, так сейчас за красный галстук, приобщающий негра к европейской цивилизации, на гаванских плантациях сгибают в три погибели краснокожих. Держатся обособленно. В третий и во второй идут только если за хорошенькими девочками. Второй класс — мелкие коммивояжеры, начинающие искусство и стукающая по ремингтонам интеллигенция. Всегда незаметно от боцманов, бочком втираются в палубы первого класса. Станут и стоят, — дескать, чем же я от вас отличаюсь: воротнички на мне те же, манжеты тоже. Но их отличают и почти вежливо просят уйти к себе. Третий — начинка трюмов. Ищущие работы из Одесс всего света — боксеры, сыщики, негры.

Сами наверх не суются. У заходящих с других классов спрашивают с угрюмой завистью: «Вы с преферанса?» Отсюда подымаются спертый запашище пота и сапожищ, кислая вонь просушиваемых пеленок, скрип гамаков и походных кроватей, облепивших всю палубу, зарезанный рев детей и шепот почти по-русски урезонивающих матерей: «Уймись, ты, кисанка моя, заплаканная».

Первый класс играет в покер и маджонг, второй — в шашки и на гитаре, третий — заворачивает руку за спину, закрывает глаза, сзади хлопают изо всех сил по ладони, — надо угадать, кто хлопнул из всей гурьбы, и узнанный заменяет избиваемого. Советую вузовцам испробовать эту испанскую игру.

Первый класс тошнит куда хочет, второй — на третий, а третий — сам на себя.

Событий никаких.

Ходит телеграфист, орет о встречных пароходах. Можете отправить радио в Европу.

А заведующий библиотекой, ввиду малого спроса на книги, занят и другими делами: разносит бумажку с десятью цифрами. Внеси 10 франков и запиши фамилию; если цифра пройденных миль окончится на твою — получай 100 франков из этого морского тотализатора.

Мое незнание языка и молчание было истолковано как молчание дипломатическое, иодин из купцов, встречая меня, всегда для поддержки знакомства с высоким пассажиром почему-то орал: «Хорош Плевна» — два

слова, заученные им от еврейской девочки с третьей палубы.

Накануне приезда в Гавану пароход оживился. Была дана «Томбола» — морской благотворительный праздник в пользу детей погибших моряков.

Первый класс устроил лотерею, пил шампанское, склонял имя купца Макстона, пожертвовавшего 2000 франков, — имя это было вывешено на доске объявлений, а грудь Макстона под общие аплодисменты украшена трехцветной лентой с его, Макстоновой фамилией, тисненной золотом.

Третий тоже устроил праздник. Но медяки, кидаемые первым и вторым в шляпы, третий собирал в свою пользу.

Главный номер — бокс. Очевидно, для любящих этот спорт англичан и американцев. Боксировать никто не умел. Противно — бьют морду в жару. В первой паре пароходный кок — голый, щуплый, волосатый француз в черных дырявых носках на голую ногу.

Кока били долго. Минут пять он держался от умения и еще минут двадцать из самолюбия, а потом взмолился, опустил руки и ушел, выплевывая кровь и зубы.

Во второй паре дрался дурак-болгарин, хвастливо открывавший грудь, — с американцем-сыщиком. Сыщика, профессионального боксера, разбирал смех, — он размахнулся, но от смеха и удивления не попал, а сломал собственную руку, плохо сросшуюся после войны.

Вечером ходил арбитр и собирал деньги на поломанного сыщика. Всем объявлялось по секрету, что сыщик со специальным тайным поручением в Мексике, а слечь надо в Гаване, а безрукому никто не поможет, — зачем он американской полиции?

Это я понял хорошо, потому что и американец-арбитр в соломенном шлеме оказался одесским сапожником-евреем.

А одесскому еврею все надо, — даже вступаться за незнакомого сыщика под тропиком Козерога.

Жара страшная.

Пили воду — и зря: она сейчас же выпаривалась пóтом.

Сотни вентиляторов вращались на оси и мерно покачивали и крутили головой — обмахивая первый класс.

Третий класс теперь ненавидел первый еще и за то, что ему прохладнее на градус.

Утром, жареные, печеные и вареные, мы подошли к белой — и стройками и скалами — Гаване. Подлип таможенный катерок, а потом десятки лодок и лодчонок с гаванской картошкой — ананасами. Третий класс кидал деньгу, а потом выуживал ананас веревочкой.

На двух конкурирующих лодках два гаванца ругались на чисто русском языке: «Куда ты прешь со своей ананасиной, мать твою...»

Гавана. Стояли сутки. Брали уголь. В Вера-Круц угля нет, а его надо на шесть дней езды, туда и обратно по Мексиканскому заливу. Первому классу пропуска на берег дали немедленно и всем, с заносом в каюту. Купцы в белой чесуче сбегали возбужденно с дюжинами чемоданчиков — образцов подтяжек, воротничков, граммофонов, фиксатуаров и красных негритянских галстуков. Купцы возвращались ночью пьяные, хвастаясь дареными двухдолларовыми сигарами.

Второй класс сходил с выбором. Пускали на берег нравящихся капитану. Чаще — женщин.

Третий класс не пускали совсем — и он торчал на палубе, в скрежете и грохоте углесосов, в черной пыли, прилипшей к липкому поту, подтягивая на веревочке ананасы.

К моменту спуска полил дождь, никогда не виданный мной тропический дождина.

Что такое дождь?

Это — воздух с прослойкой воды.

Дождь тропический — это сплошная вода с прослойкой воздуха.

Я первоклассник. Я на берегу. Я спасаюсь от дождя в огромнейшем двухэтажном пакгаузе. Пакгауз от пола до потолка начинен «виски». Таинственные подписи: «Кинг Жорж», «Блэк энд уайт», «Уайт хорс» — чернели на ящиках спирта, контрабанды, вливаемой отсюда в недалекие трезвые Соединенные Штаты.

За пакгаузом — портовая грязь кабаков, публичных домов и гниющих фруктов.

За портовой полосой — чистый богатейший город мира.

Одна сторона — разэкзотическая. На фоне зеленого моря черный негр в белых штанах продает пунцовую рыбу, подымая ее за хвост над собственной головой. Другая сторона — мировые табачные и сахарные лимитеды с десятками тысяч негров, испанцев и русских рабочих.

А в центре богатств — американский клуб, десятиэтажный Форд, Клей и Бок — первые ощутимые признаки владычества Соединенных Штатов над всеми тремя — над Северной, Южной и Центральной Америкой.

Им принадлежит почти весь гаванский Кузнецкий мост: длинная, ровная, в кафе, рекламах и фонарях Прадо; по всей Ведадо, перед их особняками, увитыми розовым коларио, стоят на ножке фламинго цвета рассвета. Американцев берегут на своих низеньких табуретах под зонтиками стоящие полицейские.

Все, что относится к древней экзотике, красочно поэтично и малодоходно. Например, красивейшее кладбище бесчисленных Гомецов и Лопецов с черными даже днем аллеями каких-то сплетшихся тропических бородатых деревьев.

Все, что относится к американцам, прилажено прилежно и организованно. Ночью я с час простоял перед окнами гаванского телеграфа. Люди разомлели в гаванской жаре, пишут почти не двигаясь. Под потолком на бесконечной ленте носятся зажатые в железных лапках квитанции, бланки и телеграммы. Умная машина вежливо берет от барышни телеграмму, передает телеграфисту и возвращается от него с последними курсами мировых валют. И в полном контакте с нею, от тех же двигателей вертятся и покачивают головами вентиляторы.

Обратно я еле нашел дорогу. Я запомнил улицу по эмалированной дощечке с надписью «трафико». Как будто ясно — название улицы. Только через месяц я узнал, что «трафико» на тысячах улиц просто указывает направление автомобилей. Перед уходом парохода я сбежал за журналами. На площади меня поймал обо-

рванец. Я не сразу мог понять, что он просит о помощи. Оборванец удивился:

— Ду ю спик инглиш? Парлата эспаньола? Парлё ву франсе?

Я молчал и только под конец сказал ломано, чтоб отвязаться: «Ай эм ре́ша!»

Это был самый необдуманный поступок. Оборванец ухватил обеими руками мою руку и заорал:

— Гип большевик! Ай эм большевик! Гип, гип!

Я скрылся под недоуменные и опасливые взгляды прохожих.

Мы отплывали уже под гимн мексиканцев.

Как украшает гимн людей,— даже купцы стали серьезны, вдохновенно повскакивали с мест и орали что-то вроде:

Будь готов, мексиканец,
вскочить на коня...

К ужину давали незнакомые мне еды — зеленый кокосовый орех с намазывающейся маслом сердцевиной и фрукт манго — шарж на банан, с большой волосатой косточкой.

Ночью я с завистью смотрел пунктир фонарей далеко по правой руке,—это горели железнодорожные огни Флориды.

На железных столбах в третьем классе, к которым прикручивают канаты, сидели вдвоем я и эмигрирующая одесская машинистка. Машинистка говорила со слезой:

— Нас сократили, я голодала, сестра голодала, двоюродный дядька позвал из Америки. Мы сорвались и уже год плаваем и ездим от земли к земле, от города к городу. У сестры — ангина и нарыв. Я звала вашего доктора. Он не пришел, а вызвал к себе. Пришли, говорит — раздевайтесь. Сидит с кем-то и смеется. В Гаване хотели слезть зайцами — оттолкнули. Прямо в грудь. Больно. Так в Константинополе, так в Александрии. Мы — третьи... Этого и в Одессе не бывало. Два года ждать нам, пока пустят из Мексики в Соединенные Штаты... Счастливый! Вы через полгода опять увидите Россию.

Мексика. Вера-Круц. Жиденький бережок с маленькими низкими домишками. Круглая беседка для встречающих рожками музыкантов.

Взвод солдат учится и марширует на берегу. Нас прикрутили канатами. Сотни маленьких людей в тричетвертиаршинных шляпах кричали, вытягивали до второй палубы руки с носильщическими номерами, дрались друг с другом из-за чемоданов и уходили, подламываясь под огромной кладжей. Возвращались, вытирали лицо и орали и клянчили снова.

— Где же индейцы? — спросил я соседа.

— Это ичдейцы, — сказал сосед.

Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду. И вот стою, оторопев, как будто перед моими глазами павлинов переделывают в куриц.

Я был хорошо вознагражден за первое разочарование. Сейчас же за таможней пошла непонятная, своя, изумляющая жизнь.

Первое — красное знамя с серпом и молотом в окне двухэтажного дома.

Ни к каким советским консульствам это знамя никак не относится. Это «организация Проаля». Мексиканец въезжает в квартиру и выкидывает флаг.

Это значит:

«Въехал с удовольствием, а за квартиру платить не буду». Вот и все.

Попробуй — вышиби.

В крохотной тени от стен и заборов ходят коричневые люди. Можно идти и по солнцу, но тогда тихо, тихо — иначе солнечный удар.

Я узнал об этом поздно и две недели ходил, раздувая ноздри и рот — чтобы наверстать нехватку разреженного воздуха.

Вся жизнь — и дела, и встречи, и еда — всё под холщевыми полосатыми навесами на улицах.

Главные люди — чистильщики сапог и продавцы лотерейных билетов. Чем живут чистильщики сапог — не знаю. Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающееся ни чистке, ни описанию. А на каждого имеющего сапог — минимум 5 чистильщиков.

Обложка первого издания очерков
«Мое открытие Америки», 1926

Но лотерейщиков еще больше. Они тысячами ходят с отпечатанными на папиросной бумаге миллионами выигрышных билетов, в самых мелких купюрах. А наутро уже выигрыши с массой грошовых выдач. Это уже не лотерея, а какая-то своеобразная, полукарточная, азартная игра. Билеты раскупают, как в Москве подсолнухи. В Вера-Круц не задерживаются долго: покупают мешок, меняют доллары, берут мешок с серебром за плечи и идут на вокзал покупать билет в столицу Мексики — Мехико-сити.

В Мексике все носят деньги в мешках. Частая смена правительств (за отрезок времени 28 лет — 30 президентов) подорвала доверие к каким бы то ни было бумажкам. Вот и мешки.

В Мексике бандитизм. Признаюсь, я понимаю бандитов. А вы, если перед вашими носами звенят золотым мешком, разве не покуситесь?

На вокзале увидел вблизи первых военных. Большая шляпа с пером, желтое лицо, шестивершковые усы, палаш до полу, зеленые мундиры и лакированные желтые краги.

Армия Мексики интересна. Никто, и военный министр тоже, не знает, сколько в Мексике солдат. Солдаты под генералами. Если генерал за президента, он, имея тысячу солдат, хвастается десятью тысячами. А получив на десять, продает еду и амуницию девяти.

Если генерал против президента, он щеголяет статистикой в тысячу, а в нужный момент выходит драться с десятью.

Поэтому военный министр на вопрос о количестве войска отвечает:

— Кин сав, кин сав. Кто знает, кто знает. Может, 30 тысяч, но возможно — и сто.

Войско живет по-древнему — в палатках со скарбом, с женами и с детьми.

Скарб, жены и дети этакой махновщиной выступают во время междоусобных войн. Если у одной армии нет патронов, но есть маис, а другие без маиса, но с патронами — армии прерывают сражение, семьи ведут меновую торговлю, одни наедятся маисом, другие наполнят патронами сумки — и снова раздувают бой.

По дороге к вокзалу автомобиль спугнул стаю птиц. Есть чего испугаться.

Гусиных размеров, вороньей черноты, с голыми шеями и большими клювами, они подымались над нами.

Это «зопилоты», мирные вороны Мексики; ихнее дело — всякий отброс.

Отъехали в девять вечера.

Дорога от Вера-Круц до Мехико-сити, говорят, самая красивая в мире. На высоту 3000 метров вздымается она по обрывам, промежду скал и сквозь тропические леса. Не знаю. Не видал. Но и проходящая мимо вагона тропическая ночь необыкновенна.

В совершенно синей, ультрамариновой ночи черные тела пальм—совсем длинноволосые богемцы-художники.

Небо и земля сливаются. И вверху и внизу звезды. Два комплекта. Вверху неподвижные и общедоступные небесные светила, внизу ползущие и летающие звезды светляков.

Когда озаряются станции, видишь глубочайшую грязь, ослов и длинношляпых мексиканцев в «сарапе» — пестрых коврах, прорезанных посередине, чтоб просунуть голову и спустить концы на живот и за спину.

Стоят, смотрят — а двигаться не их дело.

Над всем этим сложный, тошноту вызывающий запах,— странная помесь вони газолина и духа гнили банана и ананаса.

Я встал рано. Вышел на площадку.

Было все наоборот.

Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают.

На фоне красного восхода, сами окрапленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы. Огромными ушами в бородавках вслушивался нопаль, любимый деликатес ослов. Длинными кухонными ножами, начинающимися из одного места, вырастал могей. Его перегоняют в полупиво-полуводку — «пульке», спаивая голодных индейцев. А за нопалем и могеем, в пять человеческих ростов, еще какой-то сросшийся трубами, как орган консерватории, только темнозеленый, в иголках и шишках.

По такой дороге я въехал в Мехико-сити.

Диего де-Ривера встретил меня на вокзале. По-

этому живопись — первое, с чем я познакомился в Мехико-сити.

Я раньше только слышал, будто Диего — один из основателей компартии Мексики, что Диего величайший мексиканский художник, что Диего из кольта попадает в монету на лету. Еще я знал, что своего Хулио Хуренито Эренбург пытался писать с Диего.

Диего оказался огромным, с хорошим животом, широколицым, всегда улыбающимся человеком.

Он рассказывает, вмешивая русские слова (Диего великолепно понимает по-русски), тысячи интересных вещей, но перед рассказом предупреждает:

— Имейте в виду, и моя жена подтверждает, что половину из всего сказанного я привираю.

Мы с вокзала, закинув в гостиницу вещи, двинулись в мексиканский музей. Диего двигался тучей, отвечая на сотни поклонов, пожимая руку ближайшим и перекрикиваясь с идущими другой стороной. Мы смотрели древние, круглые, на камне, ацтекские календари из мексиканских пирамид, двумордых идолов ветра, у которых одно лицо догоняет другое. Смотрели, и мне показывали не зря. Уже мексиканский посол в Париже, г-н Рейес, известный новеллист Мексики, предупреждал меня, что сегодняшняя идея мексиканского искусства — это исход из древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из эпигонски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы. Эта идея — часть, может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов.

Поженить грубую характерную древность с последними днями французской модернистской живописи хочет Диего в своей еще не оконченной работе — росписи всего здания мексиканского министерства народного просвещения.

Это много десятков стен, дающих прошлую, настоящую и будущую историю Мексики.

Первобытный рай, со свободным трудом, с древними обычаями, праздниками маиса, танцами духа смерти и жизни, фруктовыми и цветочными дарами.

Потом — корабли генерала Эрнандо Кортеса, покорение и закабаление Мексики.

Подневольный труд с плантатором (весь в револьверах), валяющимся в гамаке. Фрески ткацкого, литейного, гончарного и сахарного труда. Подымающаяся борьба. Галерея застреленных революционеров. Восстание с землей, атакующей даже небеса. Похороны убитых революционеров. Освобождение крестьянина. Учение крестьян под охраной вооруженного народа. Смычка рабочих и крестьян. Стройка будущей земли. Коммуна — расцвет искусства и знаний.

Эта работа была заказана предыдущим недолговечным президентом в период его заигрывания с рабочими.

Сейчас эта первая коммунистическая роспись в мире — предмет злейших нападок многих высоких лиц из правительства президента Кайеса.

Соединенные Штаты — дирижер Мексики — дали броненосцами и пушками понять, что мексиканский президент только исполнитель воли североамериканского капитала. А поэтому (вывод нетруден) незачем разводить коммунистическую агитационную живопись.

Были случаи нападения хулиганов и замазывания и соскребывания картин.

В этот день я обедал у Диего.

Его жена — высокая красавица из Гвадалахары.

Ели чисто мексиканские вещи.

Сухие, пресные-пресные тяжелые лепешки-блины. Рубленое скатанное мясо с массой муки и целым пожаром перца.

До обеда кокосовый орех, после — манго.

Запивается отдающей самогоном дешевой водкой — коньяком-хабанерой.

Потом перешли в гостиную. В центре дивана валялся годовалый сын, а в изголовьи на подушке бережно лежал огромный кольт.

Приведу отрывочные сведения и о других искусствах.

Поэзия: Ее много. В саду Чапультапеке есть целая аллея поэтов — Кальсада де лос поэтос.

Одинокие мечтательные фигуры скребутся в бумажке.

Каждый шестой человек — обязательно поэт.

Но все мои вопросы критикам о сегодняшней значительной мексиканской поэзии, о том, есть ли что-либо похожее на советские течения,— оставались без ответа.

Даже коммунист Герреро, редактор железнодорожного журнала, даже рабочий писатель Крус пишут почти одни лирические вещи со сладострастиями, со стонами и шепотами, и про свою любимую говорят: Комо леон ну́био (как нубийский лев).

Причина, я думаю, слабое развитие поэзии, слабый социальный заказ. Редактор журнала «Факел» доказывал мне, что платить за стихи нельзя,— какая же это работа! Их можно помещать только как красивую человеческую позу, прежде всего выгодную и интересную одному автору. Интересно, что этот взгляд на поэзию был и в России в предпушкинскую и даже в пушкинскую эпоху. Профессионалом, серьезно вставлявшим стихи в бюджет, был, кажется, тогда только один Пушкин.

Поэзия напечатанная, да и вообще хорошая книга, не идет совсем. Исключение — только переводные романы. Даже книга «Грабительская Америка», насущная книга об империализме в Соединенных Штатах и возможности объединения латинской Америки для борьбы, переведенная и напечатанная уже в Германии, здесь расходится в пятистах экземплярах и то чуть ли не при насильственной подписке.

Те, кто хотят, чтоб их поэзия шла, издают лубочные листки с поэмой, приспособленной к распеву на какой-нибудь общеизвестный мотив.

Такие листки показывал мне делегат Крестинтерна товарищ Гальван. Это — предвыборные листки с его же стихами, за грош продающимися по рынкам. Этот способ надо бы применить вапповцам и маппо́вцам — вместо толстенных академических антологий на рабоче-крестьянском верже, в 5 рублей ценой.

Русскую литературу любят и уважают, хотя больше по наслышке. Сейчас переводятся (!) Лев Толстой, Чехов, а из новых я видел только «Двенадцать» Блока да мой «Левый марш».

Театр. Драмы, оперы, балет пустуют. Заезжая Анна Павлова имела бы полный зал, только б если у нес двоилось в глазах.

Я был раз в огромном театре на спектакле кукол. Было жутко видеть это приехавшее из Италии потрясающее искусство. Люди, казавшиеся живыми, ломались в гимнастике по всем суставам. Из бабы человечьей величины десятками вылетали танцевать крохотные куколки обоего пола.

Оркестр и хор полуаршинных людей выводили невозможные рулады, и даже на этом официальном спектакле в пользу авиато́ров Мексики полны были только ложи дипломатических представителей, хотя билеты и продавались вручную, вразнос.

Есть два «батаклана» — подражание голым парижским ревю. Они полны. Женщины тощие и грязные. Очевидно, уже вышедшие из моды, из лет, и из успеха в Европе и в Штатах. Пахнет потом и скандалом. Номер получасового вращения (с дрожью) задом (обратная сторона танца живота) повторяется трижды — и снова бешеный свист, заменяющий в Мексике аплодисменты.

Так же посещаем кино. Мексиканское кино работает от восьми вечера и показывает одну неповторяющуюся программу из трех-четырех огромных лент.

Содержание ковбойское, происхождение американское. Но самое любимое посещаемое зрелище — это бой быков.

Огромное стальное строение арены — единственное здание по всем правилам, по всей американской широте.

Человек — тысяч на сорок. Задолго до воскресенья газеты публикуют:

ЛОС ОЧО ТОРОС
восемь быков

Быков и лошадей, принимающих участие в битве, можно заранее осматривать в конюшнях торо. Такие-то и такие-то знаменитые тореадоры, матадоры и пикадоры принимают участие в празднике.

В назначенный час тысячи экипажей со светскими дамами, катящими с ручными обезьянками в своих «ройльсах», и десятки тысяч пешеходов прут к стальному

зданию. Цены на билеты, раскупленные барышниками, вздуты вдвое.

Цирк открытый.

Аристократия берет билеты в теневой, дорогой стороне, плебс — на дешевой, солнечной. Если после убийства двух быков, из общей программы в 6 или в 8, дождь заставляет прекратить живодерню, публика — так было в день моего приезда — ярится и устраивает погром администрации и деревянных частей.

Тогда полиция прикатывает брандсбои и начинает окачивать солнечную (плебейскую) сторону водой. Это не помогает,— тогда стреляют в тех же солнечников.

Торо.

Перед входом огромная толпа ждет любимцев-быкобоев. Именитые граждане стараются сняться рядом с высокомерным быкобойцем, аристократки-сеньоры дают, очевидно для облагораживающего влияния, подержать им своих детей. Фотографы занимают места почти на бычьих рогах — и начинается бой.

Сначала пышный, переливающий блестками парад. И уже начинает бесноваться аудитория, бросая котелки, пиджаки, кошельки и перчатки любимцам на арену. Красиво и спокойно, сравнительно, проходит пролог, когда тореадор играет с быком красной тряпкой. Но уже с бандерильеров, когда быку в шею втыкают первые копья, когда пикадоры обрывают быкам бока, и бык становится постепенно красным, когда его взбешенные рога врезаются в лошажьи животы, и лошади пикадоров секунду носятся с вывалившимися кишками,— тогда зловещая радость аудитории доходит до кипения. Я видел человека, который спрыгнул со своего места, выхватил тряпку тореадора и стал взвивать ее перед бычьим носом.

Я испытал высшую радость: бык сумел воткнуть рог между человечьими ребрами, мстя за товарищей-быков.

Человека вынесли.

Никто на него не обратил внимания.

Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце. Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано. Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя

установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя его выдрессировать стрелять.

Почему нужно жалеть такое человечество?

Единственное, что примиряет меня с боем быков, это — то, что и король Альфонс испанский против него.

Бой быков — национальная мексиканская гордость.

Когда, распростившись с своим делом, купив дома и обеспечив себя и детей едой и лакеями, знаменитый быкобоец Рудольфо Гаона уехал в Европу — вся пресса взвыла, собирая анкеты: имеет ли право уезжать этот великий человек? у кого будет учиться, с кого будет брать пример подрастающая Мексика?

Поражающих архитектурных памятников новой стройки я в Мексике не видел. Быстро меняющиеся президенты мало задумываются о долговечных стройках. Диэц, пропрезидентствовавший тридцать лет, под конец начал строить не то сенат, не то театр. Диэца прогнали. С тех пор прошло много лет. Готовый скелет из железных балок стоит, а сейчас, кажется, его получил на слом или продажу за какие-то услуги президенту какой-то мексиканский спекулянт. Новой и хорошей вещью мне показался памятник Сервантесу (копия севильского). Возвышающаяся площадка, обнесенная каменными скамейками, посредине фонтан, очень нужный в мексиканской жаре. Скамейки и низкие стены выстланы плитками, воскрешающими в простеньких лубочках похождения Дон-Кихота. Маленький Дон и Санчо-Панса стоят по бокам. Никаких изображений усатого или бородатого Сервантеса.

Зато два шкафика его книг, которые тут же много лет листают возвышенные мексиканцы.

Город Мехико-сити плоский и пестрый. Снаружи почти все домики — ящиками. Розовые, голубые, зеленые. Преобладающий цвет розовато-желтый, этаким морским песком на заре. Фасад дома скучен, вся его красота — внутри. Здесь дом образует четырехугольный дворик. Дворик усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трех-четырехэтажная терраса, обвитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев.

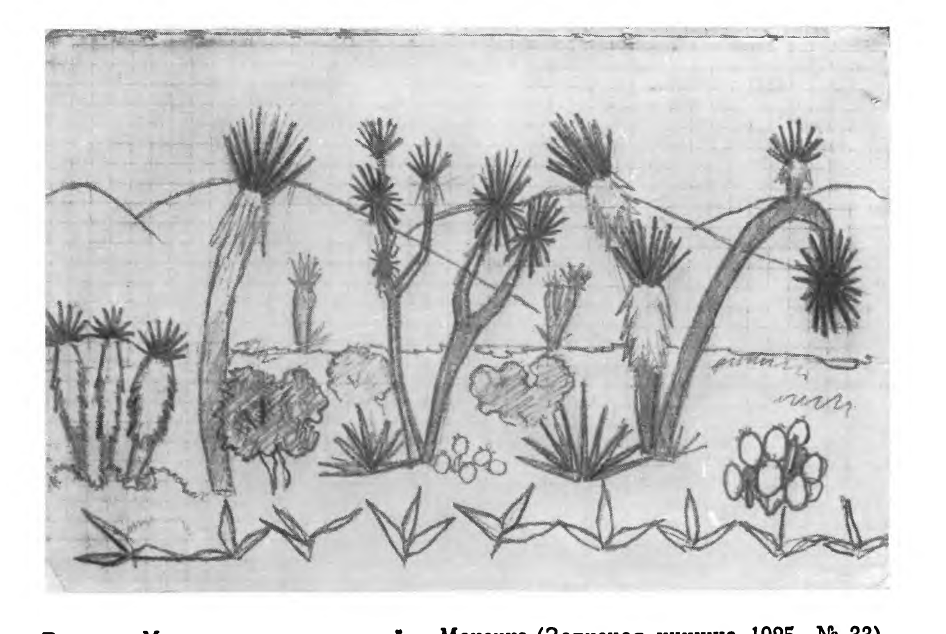

Рисунок Маяковского, сделанный в Мексике (Записная книжка 1925, № 33).

Целое огромное американское кафе Самборн устроено так: застеклена крыша над двориком — вот и все.

Это — испанский тип домов, завезенный сюда завоевателями.

От старого восьмисотлетнего Мехико,— когда все это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесенное вулканами, и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек,— от этого ацтекского города не осталось и следа.

Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики — Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10 000 расставлено в Мексике.

И огромные новые соборы, вроде брата Нотр-Дама — кафедраля на площади Сокола,— до маленькой церковки в старом городе, без окон, заплесневевшей и зацветшей. Она брошена лет двести назад после сражения монахов с кем-то,— вот и стоит дворик, в котором еще и сейчас валяется допотопное оружие, в том порядке — вернее, беспорядке,— в котором побросали его разбитые осажденные. И мимо огромных книг на деревянных подставках носятся летучие мыши и ласточки.

Правда, упомянутым кафедралем для молений пользуются мало — у кафедраля с одной стороны вход, а с другой — четыре выхода на четыре улицы. Мексиканские синьорины и синьориты пользуются собором как проходным двором для того, чтобы, оставив в ждущем шофере впечатление религиозной невинности, выскользнуть с другой стороны в объятия любовника или под руку поклонника.

Хотя церковные земли конфискованы, процессии религиозные запрещены правительством, но это остается только на бумаге. На деле, кроме попов, религию блюдут и множество своеобразных организаций: «Рыцари Колумба», «Общество дам-католичек», «Общество молодых католиков» и т. д.

Это — дома и здания, на которых останавливаются гиды и Куки. Дома истории — дома попов и дома богатых.

Коммунисты показывали мне кварталы бедняков, мелких подмастерьев, безработных. Эти домики лепятся друг к другу, как ларьки на Сухаревке, но с еще большей грязью. В этих домах нет окон, и в открытые двери видно, как лепятся семьи из восьми, из десяти человек в одной такой комнатке.

Во время ежедневных летних мексиканских дождей вода заливает протоптанные ниже тротуаров полы и стоит вонючими лужами.

Перед дверьми мелкие худосочные дети едят вареный маис, продающийся здесь же и хранящийся теплым под грязными тряпками, на которых ночью спит сам торговец.

Взрослые, у которых есть еще 12 сантимов, сидят в «пулькерии» — этой своеобразной мексиканской пивной, украшенной коврами сарапе, с изображением генерала Боливара, с пестрыми лентами или стеклярусами вместо дверей.

Кактусовый пульке, без еды, портит сердце и желудок. И уже к сорока годам индеец с одышкой, индеец с одутловатым животом. И это — потомок стальных Ястребиных Когтей, охотников за скальпами! Это — обобранная американскими цивилизующими империалистами страна — страна, в которой до открытия Америки валяющееся серебро даже не считалось драгоценным металлом,— страна, в которой сейчас не купишь и серебряного фунта, а должен искать его на Волстрит в Нью-Йорке. Серебро американское, нефть американская. На севере Мексики во владении американцев и густые железные дороги и промышленность по последнему техническому слову.

А экзотика — на кой она черт! Лианы, попугаи, тигры и малярии, это — на юге, это — мексиканцам. Что американцам? Тигров, что ли, ловить да стричь шерсть на кисточки для бритья?

Тигры — это мексиканцам. Им — голодная экзотика.

Самая богатая страна мира, уже посаженная североамериканским империализмом на голодный паек.

Жизнь города начинается поздно, в 8—9 часов. Открываются рынки, слесарные, сапожные и порт-

няжные мастерские, все электрифицированные, со станками для обпиливания и крашенья каблуков, с утюгами для глажения сразу всего костюма. За мастерскими — правительственные учреждения.

Масса такси и частных автомобилей вперемежку с демократическими тряскими грузными автобусами, не комфортабельней и не вместительней нашего грузового полка.

Авто конкурируют с автобусами и авто разных фирм между собой.

Эта конкуренция при больше чем страстном характере испанцев-шоферов приобретает прямо боевые формы.

Авто гоняется за авто, авто вместе гоняются за автобусом, а все сообща въезжают на тротуары, охотясь за необдуманными пешеходами.

Мехико-сити — первый в мире город по количеству несчастных случаев от автомобилей.

Шофер в Мексике не отвечает за увечья (берегись сам!), поэтому средняя долгота житья без увечий десять лет. Раз в десять лет давят каждого. Правда, есть и нераздавленные в течение двадцати лет, но это за счет тех, которые в пять лет уже раздавлены.

В отличие от врагов мексиканского человечества — автомобилей — трамваи исполняют гуманную роль. Они развозят покойников.

Часто видишь необычное зрелище. Трамвай с плачущими родственниками, а на прицепе-катафалке покойник. Вся эта процессия жарит вовсю с массой звонков, но без остановок.

Своеобразная электрификация смерти!

Сравнительно с Соединенными Штатами народу на улицах мало — домишки маленькие с садами, протяжение города огромное, а жителей всего 600 тысяч.

Уличных реклам мало. Только ночью врезается одна. Мексиканец из электрических лампочек накидывает лассо на коробку папирос. Да все такси украшены изогнувшейся в плавании женщиной — реклама купальных костюмов.

Единственная реклама, которую любит малоудивляющийся мексиканец, это «барата» — распродажа. Этими распродажами заполнен город. Самые солидные фирмы

обязаны ее объявлять — без распродажи мексиканца не заставишь купить даже фиговый лист.

В мексиканских условиях это не шутка. Говорят, муниципалитет повесил на одной из застав, вводящих в Мехико-сити, для усовещевания чересчур натуральных индейцев вывеску:

В МЕХИКО-СИТИ
БЕЗ ШТАНОВ
ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Магазинная экзотика есть, но она для дураков, для заезжих, скупающих сувениры, сухопарых американок. К их услугам прыгающие бобы, чересчур яркие сарапе, от которых будут шарахаться все ослы Гвадалахары, сумочки с тисненым ацтекским календарем, открытки с попугаями из настоящих попугайских перышек. Мексиканец чаще останавливается перед машинными магазинами немцев, бельевыми — французов, мебели — американцев.

Иностранных предприятий бесконечное количество. Когда в праздник 14 июля французские лавки подняли флаги, то густота их заставила думать, что мы во Франции.

Наибольшими торговыми симпатиями пользуются Германия, немцы.

Говорят, что немец может проехать по стране, пользуясь всеобщим хлебосольством только из любви к его национальности. Недаром в самой распространенной здесь газете я видел типографские машины, привезенные недавно, только с немецкими клеймами,— хотя до Америки сутки, а до Гамбурга езды 18 дней.

До 5—6 часов служба, работа. Потом к вертушкам. Перед парикмахерскими в Америке вертушки — стеклянный цилиндр с разноцветными спиралями, реклама мексиканских парикмахерских. Другие — в чистильню сапог. Длинный магазин с подставками для ног перед высокими стульями. Чистильщиков на 20.

Мексиканец франтовит — я видел рабочих, которые душатся. Мексиканка ходит неделю в дырах, чтоб в воскресенье разодеться в шелка. С семи часов централь-

ные улицы загораются электричеством, которого здесь жгут больше, чем где бы то ни было,— во всяком случае больше, чем позволяют средства мексиканского народа. Своеобразная агитация за крепость и благополучие существования под нынешним президентом.

В 11 часов, когда кончаются театры и кино, остаются несколько кафе да загородные и окраинные подвальные кабачки,— ходьба начинает становиться небезопасной. В сад Чапультапек, в котором дворец президента, уже не пускают.

По городу горох выстрелов. Сбежавшаяся полиция не всегда обнаруживает убийство. Чаще всего стреляют в трактирах, пользуясь кольтом как штопором. Отшибают бутылочьи горлышки. Стреляют просто из авто, для шума. Стреляют на пари — тянут жребий, кто кого будет застреливать,— вынувший застреливает честно. В саду Чапультапек стреляют обдуманно. Президент приказал не впускать в сад с темнотой (в саду президентский дворец), стрелять после третьего предупреждения. Стрелять не забывают, только иногда забывают предупреждать. Газеты об убийствах пишут с удовольствием, но без энтузиазма. Но зато, когда день обошелся без смерти, газета публикует с удивлением: «Сегодня убийств не было».

Любовь к оружию большая. Обычай дружеского прощания такой: становишься животом к животу и похлопываешь по спине. Впрочем, похлопываешь ниже и в заднем кармане брюк всегда прохлопнешь увесистый кольт.

Это у каждого от 15 до 75-летнего возраста.

Капля политики. Капля — потому что это не моя специальность, потому что жил в Мексике мало, а писать об этом надо много.

Политическая жизнь Мексики считается экзотической, потому что отдельные факты ее на первый взгляд неожиданны, а проявления необычны.

Чехарда президентов, решающий голос кольта, никогда не затухающие революции, сказочное взяточничество, героизм восстаний, распродажа правительств — все это есть в Мексике, и всего вдоволь.

Прежде всего о слове «революционер». В мексиканском понятии это не только тот, кто, понимая или угадывая грядущие века, дерется за них и ведет к ним человечество, — мексиканский революционер — это каждый, кто с оружием в руках свергает власть — какую, безразлично.

А так как в Мексике каждый или свергнул, или свергает, или хочет свергнуть власть, то все революционеры.

Поэтому это слово в Мексике ничего не значит, и, прочтя его в газете в применении к южноамериканской жизни, надо спрашивать дальше и глубже. Я видел много мексиканских революционеров, от молодых энтузиастов-комсомольцев, до времени прячущих кольт, ждущих, чтобы и Мексика пошла по нашему октябрьскому пути, от этих и до 65-летних стариков, копящих миллионы для подкупа к выступлению, за которым самому мерещится президентский пост.

Всего в Мексике около 200 партий — с музейными партийными курьезами вроде «партии революционного воспитания» Рафаэля Майена, имеющей и идеологию, и программу, и комитет, но состоящей всего из него одного, или вроде прогоревших лидеров, предлагающих городскому управлению вымостить за свой счет целую улицу, только чтоб хотя б один переулок был назван их именем.

Для рабочего зрения интересна «лабористская» партия. Это мирная «рабочая партия», по духу близкая североамериканскому Гомперсу, лучший показатель того, как дегенерируют реформистские партии, заменивши революционную борьбу торговлей из-за министерских портфелей, благородными речами с трибуны и торгово-политическими махинациями в кулуарах.

Интересна фигура деятеля этой партии, министра труда Моронеса, которого все журналы рисуют не иначе как с горящими бриллиантами во всех грудях и манжетах.

К сожалению, я не могу дать достаточного очерка жизни коммунистов Мексики.

Я жил в Мехико-сити, центре официальной политики,— рабочая же жизнь концентрировалась севернее в нефтяном центре Тампико, на рудниках штата

Мексико, среди крестьян штата Вера-Круц. Могу только вспомнить несколько встреч с товарищами.

Товарищ Гальван, представитель Мексики в Крестинтерне, организовал в Вера-Круц первую сельскохозяйственную коммуну с новыми тракторами и с попытками нового быта. Он как настоящий энтузиаст рассказывает о своей работе, раздает фотографии и даже читает стихи о коммуне.

Товарищ Карио́, еще совсем молодой, но один из лучших теоретиков коммунизма — и секретарь, и казначей, и редактор, и все что угодно в одно и то же время.

Герреро — индеец. Коммунист-художник. Прекрасный политический карикатурист, владеющий и карандашом и лассо.

Товарищ Морено. Депутат от штата Вера-Круц.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали «по независящим обстоятельствам» на *американской* границе):

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваш марш, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше «33» (калибр кольта).

Кольт загремел, но, к сожалению, не мореновский, а в Морено.

Уже находясь в Нью-Йорке, я прочел в газете, что товарищ Морено убит правительственными убийцами.

Компартия Мексики мала; на полтора миллиона пролетариев — около двух тысяч коммунистов, но из этого числа только товарищей триста активных работников.

Но влияние коммунистов растет и распространяется далеко за пределы партии — коммунистический орган «Эль мачете» имеет пятитысячный фактический тираж.

Еще один факт. Товарищ Монсон уже в федеральном сенате стал коммунистом, будучи послан в сенат лабористами штата Сан-Луис Потоси́. Его дважды вызывала его бывшая партия для отчета — он не показывался, занятый делами компартии. Тем не менее, его не могут лишить полномочий благодаря его огромной популярности в рабочей массе.

Эксцентричность политики Мексики, ее необычность на первый взгляд — объясняется тем, что корни ее надо

искать не только в экономике Мексики, но и в расчетах и вожделениях Соединенных Штатов, и главным образом в них. Есть президенты, которые президентствовали чуть не час, так что когда являлись интервьюеры, президент был уже свергнут и отвечал с раздражением: «Разве вы не знаете, что я был выбран всего на полтора часа».

Такая быстрая смена объясняется отнюдь не живым темпераментом испанцев, а тем, что такого президента выбирают по соглашению со Штатами для спешного и покорного проведения какого-нибудь закона, защищающего американские интересы. С 1894 года (выбор первого президента Мексики, генерала Гвадалупе) за 30 лет сменилось 37 президентов и 5 раз радикально менялась конституция. Прикиньте еще, что из этих тридцати семи тридцать были генералами, а значит, каждое новое вступление сопровождалось оружием, и вам станет немного ясней вулканическая картина Мексики.

В соответствии с этим и приемы борьбы мексиканские.

Перед голосованием, предвидя у противника большинство голосов, лихие делегаты крадут обладателей лишних голосов противной партии и держат до принятия резолюций.

Это не система, но бывает. Генерал вызывает в гости другого, и за кофе — сентиментальный, как и все испанцы,— уже сжимая револьверную рукоять, со слезами уговаривает коллегу:

— Пей, пей, это последняя чашка кофе в твоей жизни.

Конец одного из генералов ясен.

Только в Мексике могут быть такие истории, как история генерала Бланча, позднее рассказанная мне уже в американском Ларедо. Бланча брал города в компании десяти товарищей, сгоняя с гор тысячный табун лошадей. Население города разбегалось и сдавалось, воображая тысячный отряд, справедливо думая, что лошадям одним незачем брать город. Но лошади брали потому, что их гнал Бланча. Бланча был неуловим, то дружа с американцами против мексиканцев, то с мексиканцами против американцев.

Его поймали на женщине. Подосланная красавица

МАЯКОВСКИЙ и МОРЕНО.
Фото. Мексика, 1925 г.

выманила его на мексиканскую сторону и в трактире всыпала ему и его товарищу какую-то сонную дрянь. Его сковали вместе с товарищем и бросили скованных в реку, делящую два Ларедо, стреляя из кольтов с лодок.

Очнувшийся от холода, силач-великан Бланча сумел порвать наручники, но его тянул прикованный товарищ.

Их тела вытащили только через несколько дней.

Много идей взлетает искрами от этих сшибающихся людей, отрядов, партий.

Но одна идея объединяет всех, это — жажда освобождения, ненависть к поработителям, к жестоким «гринго», сделавшим из Мексики колонию, отрезавшим половину территории (так что есть города, половина которых мексиканская, вторая — американская),— к американцам, стотридцатимиллионной тушей придавившим двенадцатимиллионный народ.

«Гачупин» и «гринго» — два высших ругательства в Мексике.

«Гачупин» — это испанец. За 500 лет со времени вторжения Кортеса это слово потухло, тлеет, потеряло остроту.

Но «гринго» и сейчас звенит как пощечина (когда врывались в Мексику американские войска, они пели:

Грин-гоу
ди рошес ов...

старая солдатская песня, и по первым словам сократилось ругательство).

Случай:

мексиканец на костылях. Идет с женщиной. Женщина — англичанка. Встречный. Смотрит на англичанку и орет:

— Грингоу!

Мексиканец оставил костыль и вынул кольт.

— Возьми обратно свои слова, собака, или я просверлю тебя на месте.

Полчаса извинений, дабы сгладить страшное незаслуженное оскорбление. Конечно, в этой ненависти к гринго не совсем правильное отождествление понятий — «каждый американец» и «эксплуататор». Неправильное

и вредное понимание «нации» так часто парализовало борьбу мексиканцев.

Мексиканские коммунисты знают, что:

500 мексиканских нищих племен,
а сытый,
с одним языком,
одной рукой выжимает в лимон,
одним запирает замком.

Все больше понимают трудящиеся Мексики, что только товарищи Морена знают, куда направить национальную ненависть, на какой другой вид ненависти перевесть ее.

Нельзя
борьбе
в племена рассекаться.
Нищий с нищими
рядом,
Несись
по земле
из страны мексиканцев
роднящий крик
«Камарада»!

Все больше понимают трудящиеся (первомайская демонстрация — доказательство), что́ делать, чтобы свергнутые американские эксплуататоры не заменились отечественными.

Скинь
с горба
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис.
Скорее
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись.

«Арбузом» называется мексиканское знамя. Есть предание: отряд повстанцев, пожирая арбуз, думал о национальных цветах.

Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться.

— Сделаем знамя — арбуз,— решил выступающий отряд.

И пошло: зеленое, белое, красное — корка, прослойка, сердцевина.

Я уезжал из Мексики с неохотой. Все то, что я описал, делается чрезвычайно гостеприимными, чрезвычайно приятными и любезными людьми.

Даже семилетний Хесус, бегающий за папиросами, на вопрос об имени неизменно отвечал:

— Хесус Пупито, ваш покорный слуга.

Мексиканец, давая свой адрес, никогда не скажет: «Вот мой адрес». Мексиканец оповещает:

«Вы теперь знаете, где ваш дом».

Предлагая сесть в авто, говорит:

«Прошу вас сесть в свой автомобиль».

А письма, даже не к близкой женщине, подписываются:

«Целую следы ваших ног».

Похвалить вещь в чужом доме нельзя — ее заворачивают вам в бумажку.

Дух необычности и радушие привязали меня к Мексике.

Я хочу еще быть в Мексике, пройти с товарищем Хайкисом еще Мореном намеченную для нас дорогу: из Мехико-сити в Вера-Круц, оттуда два дня на юг поездом, день на лошадях — и в непроезженный тропический ле́с с попугаями без счастья и с обезьянами без жилетов.

НЬЮ-ЙОРК

Нью-Йорк. — Москва. Это в Польше? — спросили меня в американском консульстве Мексики.

— Нет,— отвечал я,— это в СССР.

Никакого впечатления.

Визу дали.

Позднее я узнал, что если американец заостривает только кончики, так он знает это дело лучше всех на свете, но он может никогда ничего не слыхать про игольи ушки. Игольи ушки — не его специальность, и он не обязан их знать.

Ларедо — граница С.А.С.Ш.

Я долго объясняю на ломанейшем (просто осколки) полуфранцузском, полуанглийском языке цели и права своего въезда.

Американец слушает, молчит, обдумывает, не понимает и, наконец, обращается по-русски:

— Ты — жид?

Я опешил.

В дальнейший разговор американец не вступил за неимением других слов.

Помучился и минут через десять выпалил:

— Великороссь?

— Великоросс, великоросс,— обрадовался я, установив в американце отсутствие погромных настроений. Голый анкетный интерес. Американец подумал и изрек еще через десять минут:

— На комиссию.

Один джентльмен, бывший до сего момента штатским пассажиром, надел форменную фуражку и оказался иммиграционным полицейским.

Полицейский всунул меня и вещи в автомобиль. Мы подъехали, мы вошли в дом, в котором под звездным знаменем сидел человек без пиджака и жилета. За человеком были другие комнаты с решетками. В одной поместили меня и вещи.

Я попробовал выйти, меня предупредительными лапками загнали обратно.

Невдалеке засвистывал мой нью-йоркский поезд.

Сижу четыре часа.

Пришли и справились, на каком языке буду изъясняться.

Из застенчивости (неловко не знать ни одного языка) я назвал французский.

Меня ввели в комнату.

Четыре грозных дяди и француз-переводчик.

Мне ведомы простые французские разговоры о чае и булках, но из фразы, сказанной мне французом, я не понял ни черта и только судорожно ухватился за последнее слово, стараясь вникнуть интуитивно в скрытый смысл.

Пока я вникал, француз догадался, что я ничего не понимаю, американцы замахали руками и увели меня обратно.

Сидя еще два часа, я нашел в словаре последнее слово француза.

Оно оказалось:

— Клятва.

Клясться по-французски я не умел и поэтому ждал, пока найдут русского.

Через два часа пришел француз и возбужденно утешал меня:

— Русского нашли. Бон гарсон.

Те же дяди. Переводчик — худощавый флегматичный еврей, владелец мебельного магазина.

— Мне надо клясться,— робко заикнулся я, чтобы начать разговор.

Переводчик равнодушно махнул рукой:

— Вы же скажете правду, если не хотите врать, а если же вы захотите врать, так вы же все равно не скажете правду.

Взгляд резонный.

Я начал отвечать на сотни анкетных вопросов: девичья фамилия матери, происхождение дедушки, адрес гимназии и т. п. Совершенно позабытые вещи!

Переводчик оказался влиятельным человеком, а, дорвавшись до русского языка, я, разумеется, понравился переводчику.

Короче: меня впустили в страну на 6 месяцев как туриста под залог в 500 долларов.

Уже через полчаса вся русская колония сбежалась смотреть меня, вперебой поражая гостеприимством.

Владелец маленькой сапожной, усадив на низкий стул для примерок, демонстрировал фасоны башмаков, таскал студеную воду и радовался:

Первый русский за три года! Три года назад поп заезжал с дочерьми, сначала ругался, а потом (я ему двух дочек в шантан танцевать устроил), говорит: «Хотя ты и жид, а человек симпатичный, значит в тебе совесть есть, раз ты батюшку устроил».

Меня перехватил бельевщик, продал две рубашки по два доллара по себестоимости (один доллар — рубашка, один — дружба), потом, растроганный, повел через весь городок к себе домой и заставил пить теплое виски из единственного стакана для полоскания зубов — пятнистого и разящего одолью.

Первое знакомство с американским сухим противопитейным законом — «прогибишен». Потом я вернулся

в мебельный магазин переводчика. Его брат отстегнул веревочку с ценой на самом лучшем зеленом плюшевом диване магазина, сам сел напротив на другом, кожаном с ярлыком: 99 долларов 95 центов (торговая уловка — чтобы не было «сто»).

В это время вошла четверка грустных евреев: две девушки и двое юношей.

— Испанцы,— укоризненно рекомендует брат.— Из Винницы и из Одессы. Два года сидели на Кубе в ожидании виз. Наконец, доверились аргентинцу — за 250 долларов взявшемуся перевезти.

Аргентинец был солиден и по паспорту имел четырех путешествующих детей. Аргентинцам не нужна виза. Аргентинец перевез в Соединенные Штаты четыреста или шестьсот детей — и вот попался на шестьсот четвертых.

Испанец сидит твердо, за него уже неизвестные сто тысяч долларов в банк кладут — значит крупный.

А этих брат на поруки взял, только зря — досудят и все равно вышлют.

Это еще крупный промышленник — честный. А тут и мелких много, по сто долларов берутся из мексиканского Ларедо в американский переправить. Возьмут сто, до середины довезут, а потом топят.

Многие прямо на тот свет эмигрировали.

Это — последний мексиканский рассказ.

Рассказ брата о брате, мебельщике, первый — американский. Брат жил в Кишиневе. Когда ему стало 14 лет, он узнал понаслышке, что самые красивые женщины — в Испании. Брат бежал в этот же вечер, потому что женщины были ему нужны самые красивые. Но до Мадрида он добрался только в 17 лет. В Мадриде красивых женщин оказалось не больше, чем в каждом другом месте, но они смотрели на брата даже меньше, чем аптекарши в Кишиневе. Брат обиделся и справедливо решил, что для обращения сияния испанских глаз в его сторону ему нужны деньги. Брат поехал в Америку еще с двумя бродягами, но зато с одной парой башмаков на всех троих. Он сел на пароход, не на тот, на который нужно, а на который сесть удалось. По прибытии Америка неожиданно оказалась Англией, и брат по ошибке засел в Лондоне. В Лон-

доне трое босых собирали окурки, трое голодных делали из окурочного табаку новые папиросы, а потом один (каждый по очереди), облекшись в башмаки, торговал по набережной. Через несколько месяцев табачная торговля расширилась за пределы окурковых папирос, горизонт расширился до понимания местонахождения Америки и благополучие — до собственных башмаков и до билета третьего класса в какую-то Бразилию. По дороге на пароходе выиграл в карты некоторую сумму. В Бразилии торговлей и игрой он раздул эту сумму до тысяч долларов.

Тогда, взяв все имевшееся, брат отправился на скачки, пустив деньгу в тотализатор. Нерадивая кобыла поплелась в хвосте, мало беспокоясь об обнищавшем в 37 секунд брате. Через год брат, перемахнув в Аргентину, купил велосипед, навсегда презрев живую натуру.

Насобачившись на велосипеде, неугомонный кишиневец ввязался в велосипедные гонки.

Чтобы быть первым, пришлось сделать маленькую вылазку на тротуар,— минута была выиграна, зато случайно зазевавшаяся старуха свергнута гонщиком в канаву.

В результате весь крупный первый приз пришлось отдать помятой бабушке.

Брат с горя ушел в Мексику и разгадал нехитрый закон колониальной торговли,— надбавка 300: 100% — на наивность, 100% — на расходы и 100% — спертое при рассрочке платежа.

Сбив опять некоторую толику — перешли на американскую, всякой наживе покровительствующую сторону.

Здесь брат не погрязает ни в какое дело, он покупает мыловаренный завод за 6 и перепродает за 9 тысяч. Он берет магазин и передает его, за месяц учуяв крах. Сейчас он — уважаемейшее лицо города: он — председатель десятков благотворительных обществ, он, когда приезжала Павлова, за один ужин заплатил триста долларов.

— Вот он,— показал восхищенный рассказчик на улицу. Брат носился в новом авто, так и так пробуя его; он продавал свою машину за семь и бросался на эту в двенадцать.

На тротуаре подобострастно стоял человек, улыбался, чтобы видели золотые коронки, и, не останавливая глаз, стрелял ими за машиной.

— Это — молодой галантерейщик,— объяснили мне.— Он с братом здесь всего четыре года, а уже два раза в Чикаго за товаром ездил. А брат — ерунда, какой-то греческий, все поэзию пишет, его в соседний город учителем определили, все равно толку не будет.

В радости русскому, с фантастическим радушием водил меня мой новый знакомец по улицам Ларедо. Он забегал передо мной, открывая двери, кормил меня длиннейшим обедом, страдал при едином намеке на оплату с моей стороны, вел меня в кино, смотря только на меня и радуясь, если я смеюсь,— все это без малейшего представления обо мне, только за одно слово — москвич.

Мы шли на вокзал по темным пустеньким улицам — по ним, как всегда в провинции, разыгралась свободная административная фантазия. В асфальте (чего я никогда не видел даже в Нью-Йорке) белые полосы точно указывали место перехода граждан, огромные белые стрелки давали направление несуществующим толпам и автомобилям, и за неуместный переход по пустеющим улицам взимался чуть не пятидесятирублевый штраф. На вокзале я понял все могущество мебельного брата. От Ларедо до Сан-Антонио всю ночь будят пассажиров, проверяют паспорта в погоне за безвизными перебежчиками. Но я был показан комиссару, и я безмятежно проспал первую американскую ночь, вселяя уважение пульмановским вагонным неграм.

Утром откатывалась Америка, засвистывал экспресс, не останавливаясь, вбирая хоботом воду на лету. Кругом вылизанные дороги, измурашенные фордами, какие-то строения технической фантастики. На остановках виднелись техасские ковбойские дома с мелкой сеткой от комаров и москитов в окнах, с диванами-гамаками на огромных террасах. Каменные станции, перерезанные ровно пополам: половина для нас, белых, половина — для черных, «фор нигрос», с собственными деревянными стульями, собственной кассой — и упаси вас даже случайно залезть на чужую сторону!

Поезда бросались дальше. С правого боку взвивался аэро, перелетал на левую, вздымался опять, перемахнув через поезд, и несся опять по правой.

Это — сторожевые пограничные американские аэропланы.

Впрочем, почти единственно виденные мной в Соединенных Штатах.

Следующие я видел только в трехдневных аэрогонках в ночной рекламе над Нью-Йорком.

Как ни странно, авиация развита здесь сравнительно мало.

Могущественные железнодорожные компании даже каждую воздушную катастрофу смакуют и используют для агитации против полетов.

Так было с разорванным пополам (уже в мою бытность в Нью-Йорке) воздушным кораблем Шенандоу, когда тринадцать человек спаслись, а семнадцать вслизились в землю вместе с окрошкой оболочки и стальных тросов.

И вот в Соединенных Штатах почти нет пассажирских полетов.

Может, только сейчас мы накануне летающей Америки. Форд выпустил первый свой аэроплан и поставил его в Нью-Йорке в универсальном магазине Ванамекер,— там, где много лет назад был выставлен первый авто-фордик.

Ньюйоркцы влазят в кабину, дергают хвост, гладят крылья,— но цена в 25 000 долларов еще заставляет отступать широкого потребителя. А пока что аэропланы взлетали до Сан-Антонио, потом пошли настоящие американские города. Мелькнула американская Волга — Миссисипи, огорошил вокзал в Сан-Луисе, и новью в просветах двадцатиэтажных небоскребов Филадельфии уже сияло настоящее дневное рекламное нежалеемое, неэкономимое электричество.

Это был разбег, чтобы мне не удивляться Нью-Йорку. Больше, чем вывороченная природа Мексики поражает растениями и людьми, ошарашивает вас выплывающий из океана Нью-Йорк своей навороченной стройкой и техникой. Я въезжал в Нью-Йорк с суши, ткнулся лицом только в один вокзал, но хотя и был приучаем трехднев-

ным проездом по Техасу — глаза все-таки растопырил.

Много часов поезд летит по Гудзонову берегу шагах в двух от воды. По той стороне — другие дороги у самого подножья Медвежьих гор. Гуще прут пароходы и пароходики. Чаще через поезд перепрыгивают мосты. Непрерывней прикрывают вагонные окна встающие стены — пароходных доков, угольных станций, электрических установок, сталелитейных и медикаментных заводов. За час до станции въезжаешь в непрерывную гущу труб, крыш, двухэтажных стен, стальных ферм воздушной железной дороги. С каждым шагом на крыши нарастает по этажу. Наконец дома подымаются колодезными стенками с квадратами, квадратиками и точками окон. Сколько ни задирай головы — нет верхов. От этого становится еще теснее, как будто щекой трешься об этот камень. Растерянный, опускаешься на скамейку— нет надежд, глаза не привыкли видеть такое; тогда остановка — Пенсильвэния-стэйшен.

На платформе — никого, кроме негров-носильщиков. Лифты и лестницы вверх. Вверху — несколько ярусов галерей, балконов с машущими платками встречающей и провожающей массы.

Американцы молчат (или, может быть, люди только кажутся такими в машинном грохоте), а над американцами гудят рупоры и радио о прибытиях и отправлениях.

Электричество еще двоится и троится белыми плитками, выстилающими безоконные галереи и переходы, прерывающиеся справочными бюро, целыми торговыми рядами касс и никогда не закрывающимися всеми магазинами — от мороженных и закусочных до посудных и мебельных.

Едва ли кто-нибудь представляет себе ясно целиком весь этот лабиринт. Если вы приехали по делу в контору, находящуюся версты за три в Дантауне — в банковском, деловом Нью-Йорке, в каком-нибудь пятьдесят третьем этаже Вульворт Бильдинг и у вас совиный характер — вам незачем вылазить из-под земли. Здесь же, под землей, вы садитесь в вокзальный лифт, и он взвивает вас в вестибюль Пенсильвэния-отель, гостиницы с двумя тысячами всевозможных номеров.

Все, что нужно торгующему гражданину: почты, банки, телеграфы, любые товары — все найдешь здесь, не выходя за пределы отеля.

Здесь же сидят какие-то смышленые маменьки с недвусмысленными дочерьми.

Иди танцуй.

Шум и табачный чад, как в долгожданном антракте громадного театра после длинной скучной пьесы.

Тот же лифт опустит вас к подземке (собвей), берите экспресс, который рвет версты почище поезда. Слезаете вы в нужном вам доме. Лифт завинчивает вас в нужный этаж без всяких выходов на улицу. Та же дорога вывертит вас обратно на вокзал, под потолок-небо пенсильванского вокзала, под голубое небо, по которому уже горят Медведицы, Козерог и прочая астрономия. И сдержанный американец может ехать в ежеминутных поездах к себе на дачную качалку-диван, даже не взглянув на гоморный и содомный Нью-Йорк.

Еще поразительнее возвышающийся несколькими кварталами вокзал Гранд-Централ.

Поезд несется по воздуху на высоте трех-четырех этажей. Дымящий паровоз сменен чистеньким, не плюющимся электровозом,— и поезд бросается под землю. С четверть часа под вами еще мелькают увитые зеленью решетки просветов аристократической тихой Парк-Авеню. Потом и это кончается, и полчаса длится подземный город с тысячами сводов и черных тоннелей, заштрихованных блестящими рельсами, долго бьется и висит каждый рев, стук и свист. Белые блестящие рельсы становятся то желтыми, то красными, то зелеными от меняющихся семафоров. По всем направлениям — задушенная сводами, кажущаяся путаница поездов. Говорят, что наши эмигранты, приехавшие из тихой русской Канады, сначала недоумевающе вперяются в окно, а потом начинают реветь и голосить:

— Пропали, братцы, живьем в могилу загнали, куда ж отсюда выберешься?

Приехали.

Над нами ярусы станционных помещений, под залами — этажи служб, вокруг — необозримое железо дорог, а под нами еще подземное трехэтажие собвея.

В одном из фельетонов «Правды» товарищ Поморский скептически высмеял вокзалы Нью-Йорка и поставил им в пример берлинские загоны — Цоо и Фридрихштрассе.

Не знаю, какие личные счеты у товарища Поморского с ньюйоркскими вокзалами, не знаю и технических деталей, удобства и пропускных способностей, но внешне — пейзажно, по урбанистическому ощущению, ньюйоркские вокзалы — один из самых гордых видов мира.

Я люблю Нью-Йорк в осенние деловые дни, в будни.

6 утра. Гроза и дождь. Темно и будет темно до полудня.

Одеваешься при электричестве, на улицах — электричество, дома в электричестве, ровно прорезанные окнами, как рекламный плакатный трафарет. Непомерная длина домов и цветные мигающие регуляторы, движения двоятся, троятся и десятерятся асфальтом, до зеркала вылизанным дождем. В узких ущельях домов в трубе гудит какой-то авантюристичный ветер, срывает, громыхает вывесками, пытается свалить с ног и убегает безнаказанный, никем не задержанный, сквозь версты десятка авеню, прорезывающих Мангеттен (остров Нью-Йорка) вдоль — от океана к Гудзону. С боков подвывают грозе бесчисленные голосенки узеньких стритов, также по линеечному ровно режущих Мангеттен поперек от воды к воде. Под навесами,— а в бездождный день просто на тротуарах,— валяются кипы свежих газет, развезенные грузовиками заранее и раскиданные здесь газетчиками.

По маленьким кафе холостые пускают в ход машины тел, запихивают в рот первое топливо — торопливый стакан паршивого кофе и заварной бублик, который тут же в сотнях экземпляров кидает бубликоделательная машина в кипящий и плюющийся котел сала.

Внизу сплошной человечиной течет, сначала до зари — черно-лиловая масса негров, выполняющих самые трудные, мрачные работы. Позже, к семи — непрерывно белые. Они идут в одном направлении сотнями тысяч к местам своих работ. Только желтые просмоленные дождевики бесчисленными самоварами шумят и горят в элект-

ричестве, намокшие, и не могут потухнуть даже под этим дождем.

Автомобилей, такси еще почти нет.

Толпа течет, заливая дыры подземок, выпирая в крытые ходы воздушных железных дорог, несясь по воздуху двумя по высоте и тремя параллельными воздушными курьерскими, почти безостановочными, и местными, через каждые пять кварталов останавливающимися поездами.

Эти пять параллельных линий по пяти авеню несутся на трехэтажной высоте, а к 120-й улице вскарабкиваются до восьмого и девятого,— и тогда новых, едущих прямо с площадей и улиц вздымают лифты. Никаких билетов. Опустил в высокую, тумбой, копилку-кассу 5 центов, которые тут же увеличивает лупа и показывает сидящему в будке меняле, во избежание фальши.

5 центов — и езжай на любое расстояние, но в одном направлении.

Фермы и перекрытия воздушных дорог часто ложатся сплошным навесом во всю длину улицы, и вам не видно ни неба, ни боковых домов,— только грохот поездов по голове да грохот грузовозов перед носом,— грохот, в котором действительно не разберешь ни слова и, чтобы не разучиться шевелить губами, остается безмолвно жевать американскую жвачку, чуингам.

Утром и в грозу лучше всего в Нью-Йорке — тогда нет ни одного зеваки, ни одного лишнего. Только работники великой армии труда десятимиллионного города.

Рабочая масса расползается по фабрикам мужских и дамских платьев, по новым роющимся тоннелям подземок, по бесчисленности портовых работ — и к 8 часам улицы заполняются бесчисленностью более чистых и холеных, с подавляющей примесью стриженых, голоколенных, с закрученными чулками сухопарых девиц — работниц контор и канцелярий и магазинов. Их раскидывают по всем этажам небоскребов Дантауна, по бокам коридоров, в которые ведет парадный ход десятков лифтов.

Десятки лифтов местного сообщения с остановкой в каждом этаже и десятки курьерских — без остановок до семнадцатого, до двадцатого, до тридцатого. Свое-

образные часы указывают вам этаж, на котором сейчас лифт,— лампы, отмечающие красным и белым спуск и подъем.

И если у вас два дела — одно в седьмом, другое — в двадцать четвертом этаже,— вы берете местный (локал) до седьмого, и дальше, чтобы не терять целых шести минут — пересядьте в экспресс.

До часу стрекочут машины, потеют люди без пиджаков, растут в бумагах столбцы цифр.

Если вам нужна контора, незачем ломать голову над ее устройством.

Вы звоните в какое-нибудь тридцатиэтажие:

— Алло! Приготовить к завтраму контору в 6 комнат. Посадить двенадцать машинисток. Вывеска — «Великая и знаменитая торговля сжатым воздухом для тихоокеанских подводных лодок». Два боя в коричневых гусарках — шапки со звездными лентами, и двенадцать тысяч бланков, вышеупомянутого названия.

— Гуд бай.

Завтра вы можете идти в свою контору, и ваши телефонные мальчики будут вас восторженно приветствовать:

— Гау-ду-ю-ду, мистер Маяковский.

В час перерыв: на час для служащих и минут на пятнадцать для рабочих.

Завтрак.

Каждый завтракает в зависимости от недельной зарплаты. Пятнадцатидолларовые — покупают сухой завтрак в пакете за никель и грызут его со всем молодым усердием.

Тридцатипятидолларовые идут в огромный механический трактир, всунув 5 центов, нажимают кнопку, и в чашку выплескивается ровно отмеренный кофе, а еще два-три никеля открывают на огромных, уставленных едой полках одну из стеклянных дверок сандвичей.

Шестидесятидолларовые — едят серые блины с патокой и яичницу по бесчисленным белым, как ванная, Чайльдсам — кафе Рокфеллера.

Стодолларовые и выше идут по ресторанам всех национальностей — китайским, русским, ассирийским, французским, индусским — по всем, кроме американ-

ских безвкусных, обеспечивающих катары консервированным мясом Армора, лежащим чуть не с войны за освобождение.

Стодолларовые едят медленно — они могут и опоздать на работу,— и после ухода их под столом валяются пузырьки от восьмидесятиградусного виски (это прихваченный для компании); другой стеклянный или серебряный пузырек, плоский и формой облегающий ляжку, лежит в заднем кармане оружием любви и дружбы наравне с мексиканским кольтом.

Как ест рабочий?

Плохо ест рабочий.

Многих не видел, но те, кого видел, даже хорошо зарабатывающие, в пятнадцатиминутный перерыв успевают сглодать у станка или перед заводской стеной на улице свой сухой завтрак.

Кодекс законов о труде с обязательным помещением для еды пока на Соединенные Штаты не распространился.

Напрасно вы будете искать по Нью-Йорку карикатурной, литературой прославленной организованности, методичности, быстроты, хладнокровия.

Вы увидите массу людей, слоняющихся по улице без дела. Каждый остановится и будет говорить с вами на любую тему. Если вы подымете глаза к небу и постоите минуту, вас окружит толпа, с трудом усовещеваемая полицейским. Способность развлекаться чем-нибудь иным, кроме биржи, сильно мирит меня с нью-йоркской толпой.

Снова работа до пяти, шести, семи вечера.

От пяти до семи самое бушующее, самое непроходимое время.

Окончившие труд еще разбавлены покупщиками, покупщицами и просто фланерами.

На люднейшей 5-й авеню, делящей город пополам, с высоты второго этажа сотней катящихся автобусов вы видите политые прошедшим дождем и теперь сияющие лаком десятки тысяч в шесть-восемь рядов рвущихся в обе стороны автомобилей.

Каждые две минуты тушатся зеленые огни на бесчисленных уличных полицейских маяках и загораются красные.

Тогда машинный и человечий поток застывает на две минуты, чтобы пропустить рвущихся с боковых стритов.

Через две минуты опять на маяках загорается зеленый огонь, а дорогу боковым преграждает красный огонь на углах стритов.

Пятьдесят минут надо в этот час потратить на поездку, которая утром отняла бы четверть часа, и по две минуты надо простаивать пешеходу без всякой надежды пересечь немедля улицу.

Когда вы запаздываете перебежать и видите срывающуюся с цепи отстоявшую две минуты машинную лавину, вы, забыв про убеждения, скрываетесь под полицейское крыло,— крыло, так сказать: на самом деле это — хорошая рука одного из самых высоких людей Нью-Йорка с очень увесистой палкой — клобом.

Эта палка не всегда регулирует чужое движение. Иногда она (во время демонстрации, например) — способ вашей остановки. Добрый удар по затылку, и вам все равно: Нью-Йорк ли это или царский Белосток,— так рассказывали мне товарищи.

С шести-семи загорается Бродвей — моя любимейшая улица, которая в ровных, как тюремная решетка, стритах и авеню одна своенравно и нахально прет навкось. Запутаться в Нью-Йорке трудней, чем в Туле. На север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты. 5-я авеню делит город пополам на Вест и Ист. Вот и все. Я на 8-й улице, угол 5-й авеню, мне нужна 53-я, угол 2-й, значит пройди 45 кварталов и сверни направо, до угла 2-й.

Загорается, конечно, не весь тридцативерстный Бродвеище (здесь не скажешь: заходите, мы соседи, оба на Бродвее), а часть от 25-й до 50-й улицы, особенно Таймссквер,— это, как говорят американцы, Грэт-Уайт-Уэй — великий белый путь.

Он действительно белый, и ощущение действительно такое, что на нем светлей, чем днем, так как день весь светел, а этот путь светел, как день, да еще на фоне черной ночи. Свет фонарей для света, свет бегающих лампочками реклам, свет зарев витрин и окон никогда не закрывающихся магазинов, свет ламп, освещающих огромные малеваные плакаты, свет, вырывающийся

из открывающихся дверей кино и театров, несущийся свет авто и элевейтеров, мелькающий под ногами в стеклянных окнах тротуаров свет подземных поездов, свет рекламных надписей в небе.

Свет, свет и свет.

Можно читать газету, и притом у соседа, и на иностранном языке.

Светло и в ресторанах и в театральном центре.

Чисто на главных улицах и в местах, где живут хозяева или готовящиеся к этому.

Там, куда развозят большинство рабочих и служащих, в бедных еврейских, негритянских, итальянских кварталах — на 2-й, на 3-й авеню, между первой и тридцатой улицами — грязь почище минской. В Минске очень грязно.

Стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем объеденные кости и куски. Стынут вонючие лужи и сегодняшнего и позавчерашнего дождя.

Бумага и гниль валяются по щиколку — не образно по щиколку, а по-настоящему, всамделишно.

Это в 15 минутах ходу, в 5 минутах езды от блестящей 5-й авеню и Бродвея.

Ближе к пристаням еще темней, грязней и опасней.

Днем это интереснейшее место. Здесь что-нибудь обязательно грохочет — или труд, или выстрелы, или крики. Содрогают землю краны, разгружающие пароход, чуть не целый дом за трубу выволакивающие из трюма.

Ходят пикетчики в забастовку, не допуская штрейкбрехеров.

Сегодня, 10 сентября, ньюйоркский юнион моряков порта объявил забастовку в солидарность бастующим морякам Англии, Австралии и Южной Африки, и в первый же день приостановилась выгрузка 30 огромных пароходов.

Третьего дня, несмотря на забастовку, на пароходе «Мажестик», приведенном штрейкбрехерами, приехал богатый адвокат, лидер (здешних меньшевиков) социалистической партии Морис Хилквит, и тысячи ком-

мунистов и членов Ай-добль-добль-ю свистели ему с берега и кидали тухлые яйца.

Еще через несколько дней здесь стреляли в приехавшего на какой-то конгресс генерала — усмирителя Ирландии,— и его выводили задворками.

А утром снова входят и разгружаются по бесчисленным пристаням бесчисленных компаний «Ля Франс», «Аквитания» и другие гиганты по 50 000 тонн.

Авеню, прилегающие к пристаням, из-за паровозов, въезжающих с товарами прямо на улицу, из-за грабителей, начиняющих кабачки,— зовутся здесь «Авеню смерти».

Отсюда поставляются грабители-голдапы на весь Нью-Йорк: в отели вырезывать из-за долларов целые семьи, в собвей — загонять кассиров в угол меняльной будки и отбирать дневную выручку, меняя доллары проходящей, ничего не подозревающей публике.

Если поймают — электрический стул тюрьмы Синг-Синг. Но можно и вывернуться. Идя на грабеж, бандит заходит к своему адвокату и заявляет:

— Позвоните мне, сэр, в таком-то часу туда-то. Если меня не будет, значит надо нести за меня залог и извлекать из узилища.

Залоги большие, но и бандиты не маленькие и организованы неплохо.

Выяснилось, например, что дом, оцененный в двести тысяч долларов, уже служит залогом в два миллиона, уплаченных за разных грабителей.

В газетах писали об одном бандите, вышедшем из тюрьмы под залог 42 раза. Здесь на Авеню смерти орудуют ирландцы. По другим кварталам другие.

Негры, китайцы, немцы, евреи, русские — живут своими районами со своими обычаями и языком, десятилетия сохраняясь в несмешанной чистоте.

В Нью-Йорке, не считая пригородов, 1 700 000 евреев (приблизительно),

1 000 000 итальянцев,
500 000 немцев,
300 000 ирландцев,
300 000 русских,
250 000 негров,

150 000 поляков,

300 000 испанцев, китайцев, финнов.

Загадочная картинка: кто же такие, в сущности говоря, американцы, и сколько их стопроцентных?

Сначала я делал дикие усилия в месяц заговорить по-английски; когда мои усилия начали увенчиваться успехом, то близлежащие (близстоящие, сидящие) и лавочник, и молочник, и прачечник, и даже полицейский — стали говорить со мной по-русски.

Возвращаясь ночью элевейтером, эти нации и кварталы видишь как нарезанные: на 125-й встают негры, на 90-й русские, на 50-й немцы и т. д., почти точно.

В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике «чарлстон». Но жизнь не прекращается,— так же открыты всех родов магазины, так же носятся собвей и элевейтеры, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов.

Придя домой, если весной и летом, закройте окна от комаров и москитов и вымойте уши и ноздри и откашляйте угольную пыль. Особенно сейчас, когда четырехмесячная забастовка 158 000 шахтеров твердого угля лишила город антрацита и трубы фабрик коптят обычно запрещенным к употреблению в больших городах мягким углем.

Если вы исцарапались, залейтесь иодом: воздух нью-йоркский начинен всякой дрянью, от которой растут ячмени, вспухают и гноятся все царапины и которым все-таки живут миллионы ничего не имеющих и не могущих никуда выехать.

Я ненавижу Нью-Йорк в воскресенье: часов в 10 в одном лиловом трико подымает штору напротив какой-то клерк. Не надевая, видимо, штанов, садится к окну с двухфунтовым номером в сотню страниц — не то «Ворлд», не то «Таймса». Час читается сначала стихотворный и красочный отдел реклам универсальных магазинов (по которому составляется среднее американское миросозерцание), после реклам просматриваются отделы краж и убийств.

Потом человек надевает пиджак и брюки, из-под которых всегда выбивается рубаха. Под подбородком укрепляется раз навсегда завязанный галстук цвета помеси канарейки с пожаром и Черным морем. Одетый американец с час постарается посидеть с хозяином отеля или со швейцаром на стульях на низких приступочках, окружающих дом, или на скамейках ближайшего лысого скверика.

Разговор идет про то, кто ночью к кому приходил, не слышно ли было, чтобы пили, а если приходили и пили, то не сообщить ли о них на предмет изгона и привлечения к суду прелюбодеев и пьяниц.

К часу американец идет завтракать туда, где завтракают люди богаче его, и где его дама будет млеть и восторгаться над пулярдкой в 17 долларов. После этого американец идет в сотый раз в разукрашенный цветными стеклами склеп генерала и генеральши Грант или, скинув сапоги и пиджак, лежать в каком-нибудь скверике на прочитанном полотнище «Таймса», оставив после себя обществу и городу обрывки газеты, обертку чуингама и мятую траву.

Кто богаче — уже нагоняет аппетит к обеду, правя своей машиной, презрительно проносясь мимо дешевых и завистливо кося глаза на более роскошные и дорогие.

Особенную зависть, конечно, вызывают у безродных американцев те, у кого на автомобильной дверце баронская или графская золотая коронка.

Если американец едет с дамой, евшей с ним, он целует ее немедля и требует, чтобы она целовала его. Без этой «маленькой благодарности» он будет считать доллары, уплаченные по счету, потраченными зря и больше с этой неблагодарной дамой никуда и никогда не поедет,— и саму даму засмеют ее благоразумные и расчетливые подруги.

Если американец автомобилирует один, он (писаная нравственность и целомудрие) будет замедлять ход и останавливаться перед каждой одинокой хорошенькой пешеходкой, скалить в улыбке зубы и зазывать в авто диким вращением глаз. Дама, не понимающая его нервозности, будет квалифицироваться как дура, не понимающая

своего счастия, возможности познакомиться с обладателем стосильного автомобиля.

Дикая мысль — рассматривать этого джентльмена как спортсмена. Чаще всего он умеет только править (самая мелочь), а в случае поломки — не будет даже знать, как накачать шину или как поднять домкрат. Еще бы — это сделают за него бесчисленные починочные мастерские и бензинные киоски на всех путях его езды.

Вообще в спортсменство Америки я не верю.

Спортом занимаются главным образом богатые бездельницы.

Правда, президент Кулидж даже в своей поездке ежечасно получает телеграфные реляции о ходе бейсбольных состязаний между питсбургской командой и вашингтонской командой «сенаторов»; правда, перед вывешенными бюллетенями о ходе футбольных состязаний народу больше, чем в другой стране перед картой военных действий только что начавшейся войны,— но это не интерес спортсменов, это — хилый интерес азартного игрока, поставившего на пари свои доллары за ту или другую команду.

И если рослы и здоровы футболисты, на которых глядит тысяч семьдесят человек огромного ньюйоркского цирка, то семьдесят тысяч зрителей, это — в большинстве тщедушные и хилые люди, среди которых я кажусь Голиафом.

Такое же впечатление оставляют и американские солдаты, кроме вербовщиков, выхваляющих перед плакатами привольную солдатскую жизнь. Недаром эти холеные молодцы в минувшую войну отказывались влезть во французский товарный вагон (40 человек или 8 лошадей) и требовали мягкий, классный.

Автомобилисты и из пешеходов побогаче и поизысканнее в 5 часов гонят на светский или полусветский файф-о-клок.

Хозяин запасся бутылками матросского «джина» и лимонада «Джиннер Эйл», и эта помесь дает американское шампанское эпохи прогибишена.

Приходят девицы с завороченными чулками, стенографистки и модели.

Вошедшие молодые люди и хозяин, влекомые жаждой лирики, но мало разбирающиеся в ее тонкостях, острят так, что покраснеют и пунцовые пасхальные яйца, а потеряв нить разговора, похлопывают даму по ляжке с той непосредственностью, с которой, потеряв мысль, докладчик постукивает папиросой о портсигар.

Дамы показывают колени и мысленно прикидывают, сколько стоит этот человек.

Чтоб файф-о-клок носил целомудренный и артистический характер — играют в покер или рассматривают последние приобретенные хозяином галстуки и подтяжки.

Потом разъезжаются по домам. Переодевшись, направляются обедать.

Люди победнее (не бедные, а победнее) едят получше, богатые — похуже. Победнее едят дома свежекупленную еду, едят при электричестве, точно давая себе отчет в проглачиваемом.

Побогаче — едят в дорогих ресторанах поперченную портящуюся или консервную заваль, едят в полутьме потому, что любят не электричество, а свечи.

Эти свечи меня смешат.

Все электричество принадлежит буржуазии, а она ест при огарках.

Она неосознанно боится своего электричества.

Она смущена волшебником, вызвавшим духов и не умеющим с ними справиться.

Такое же отношение большинства и к остальной технике.

Создав граммофон и радио, они откидывают его плебсу, говорят с презрением, а сами слушают Рахманинова, чаще не понимают, но делают его почетным гражданином какого-то города и преподносят ему в золотом ларце — канализационных акций на сорок тысяч долларов.

Создав кино, они отшвыривают его демосу, а сами гонятся за оперными абонементами в опере, где жена фабриканта Мак-Кормик, обладающая достаточным количеством долларов, чтобы делать все, что ей угодно, ревет белугой, раздирая вам уши. А в случае неосмотрительности капельдинеров закидывается гнилым яблоком и тухлым яйцом.

И даже когда человек «света» идет в кино, он бессовестно врет вам, что был в балете или в голом ревю.

Миллиардеры бегут с зашумевшей машинами, громимой толпами 5-й авеню, бегут за город в пока еще тихие дачные углы.

— Не могу же я здесь жить,— капризно сказала мисс Вандербильд, продавая за 6 000 000 долларов свой дворец на углу 5-й авеню и 53-й улицы,— не могу я здесь жить, когда напротив Чайльдс, справа — булочник, а слева — парикмахер.

После обеда состоятельным — театры, концерты и обозрения, где билет первого ряда на голых дам стоит 10 долларов. Дуракам — прогулка в украшенном фонариками автомобиле в китайский квартал, где будут показывать обыкновенные кварталы и дома, в которых пьется обыкновеннейший чай — только не американцами, а китайцами.

Парам победнее — многоместный автобус на «Кони-Айланд» — Остров Увеселений. После долгой езды вы попадаете в сплошные русские (у нас американские) горы, высоченные колеса, вздымающие кабины, таитянские киоски, с танцами и фоном — фотографией острова, чертовы колеса, раскидывающие ступивших, бассейны для купающихся, катание на осликах — и все это в таком электричестве, до которого не доплюнуть и ярчайшей международной парижской выставке.

В отдельных киосках собраны все отвратительнейшие уроды мира — женщина с бородой, человек-птица, женщина на трех ногах и т. п.— существа, вызывающие неподдельный восторг американцев.

Здесь же постоянно меняющиеся, за грош нанимаемые голодные женщины, которых засовывают в ящик, демонстрируя безболезненное прокалывание шпагами; других сажают на стул с рычагами и электрифицируют, пока от их прикосновения к другому не посыплются искры.

Никогда не видел, чтобы такая гадость вызывала бы такую радость.

Кони-Айланд — приманка американского девичества.

Сколько людей целовалось в первый раз по этим

вертящимся лабиринтам и окончательно решало вопрос о свадьбе в часовой обратной поездке собвеем до города!

Таким идиотским карнавалом кажется, должно быть, счастливая жизнь ньюйоркским влюбленным.

Выходя, я решил, что неудобно покинуть лунапарк, не испытав ни одного удовольствия. Мне было все равно, что делать, и я начал меланхолически накидывать кольца на вертящиеся фигурки кукол.

Я предварительно осведомился о цене удовольствия. Восемь колец — 25 центов.

Кинув колец шестнадцать, я благородно протянул доллар, справедливо рассчитывая половину получить обратно.

Торговец забрал доллар и попросил показать ему мою мелочь. Не подозревая ничего недоброго, я вынул из кармана доллара на три центов.

Колечник сгреб мелочь с ладони в карман и на мои возмущенные возгласы ухватил меня за рукав, потребовав предъявления бумажек. В удивлении, я вытащил имеющиеся у меня десять долларов, которые моментально сграбастал ненасытный увеселитель, — и только после мольб моих и моих спутников он выдал мне 50 центов на обратный путь.

Итого, по утверждению владельца милой игрушки, я должен был закинуть двести сорок восемь колец, т. е., считая даже по полминуты на каждое, проработать больше двух часов.

Никакая арифметика не помогла, а на мою угрозу обратиться к полицейскому мне было отвечено долго не смолкавшим грохотом хорошего, здорового смеха.

Полицейский, должно быть, усвоил себе из этой суммы — колец сорок.

Позднее мне объяснили американцы, что продавца надо было бить правильным ударом в нос, еще не получив и требования на второй доллар.

Если вам и тогда не возвращают денег, то все же уважают вас как настоящего американца, веселого «аттабоя».

Воскресная жизнь кончается часа в два ночи, и вся трезвая Америка, довольно пошатываясь, во всяком случае возбужденно идет домой.

Черты ньюйоркской жизни трудны. Легко наговорить ни к чему не обязывающие вещи, избитые, об американцах вроде: страна долларов, шакалы империализма и т. д.

Это только маленький кадр из огромной американской фильмы.

Страна долларов — это знает каждый ученик первой ступени. Но если при этом представляется та погоня за долларом спекулянтов, которая была у нас в 1919 году во время падения рубля, которая была в Германии в 1922 году во время тарахтения марки, когда тысячники и миллионеры утром не ели булки в надежде, что к вечеру она подешевеет, то такое представление будет совершенно неверным.

Скупые? Нет. Страна, съедающая в год одного мороженого на миллион долларов, может приобрести себе и другие эпитеты.

Бог — доллар, доллар — отец, доллар — дух святой.

Но это не грошовое скопидомство людей, только мирящихся с необходимостью иметь деньги, решивших накопить суммочку, чтобы после бросить наживу и сажать в саду маргаритки да проводить электрическое освещение в курятники любимых наседок. И до сих пор ньюйоркцы с удовольствием рассказывают историю 11-го года о ковбое Даймонд Джиме.

Получив наследство в 250 000 долларов, он нанял целый мягкий поезд, уставил его вином и всеми своими друзьями и родственниками, приехал в Нью-Йорк, пошел обходить все кабаки Бродвея, спустил в два дня добрых полмиллиона рублей и уехал к своим мустангам без единого цента, на грязной подножке товарного поезда.

Нет! В отношении американца к доллару есть поэзия. Он знает, что доллар — единственная сила в его стодесятимиллионной буржуазной стране (в других тоже), и я убежден, что, кроме известных всем свойств денег, американец эстетически любуется зелененьким цветом доллара, отождествляя его с весной, и бычком в овале, кажущимся ему его портретом крепыша, символом его довольства. А дядя Линкольн на долларе и возможность для каждого демократа пробиться в такие же люди делает доллар лучшей и благороднейшей страницей, которую

может прочесть юношество. При встрече американец не скажет вам безразличное:

— Доброе утро.

Он сочувственно крикнет:

— Мек моней? (Делаешь деньги?) — и пройдет дальше.

Американец не скажет расплывчато:

— Вы сегодня плохо (или хорошо) выглядите.

Американец определит точно:

— Вы смотрите сегодня на два цента.

Или:

— Вы выглядите на миллион долларов.

О вас не скажут мечтательно, чтобы слушатель терялся в догадках,— поэт, художник, философ.

Американец определит точно:

— Этот человек стоит 1 230 000 долларов.

Этим сказано все: кто ваши знакомые, где вас принимают, куда вы уедете летом, и т. д.

Путь, каким вы добыли ваши миллионы, безразличен в Америке. Все — «бизнес», дело, — все, что растит доллар. Получил проценты с разошедшейся поэмы — бизнес, обокрал, не поймали — тоже.

К бизнесу приучают с детских лет. Богатые родители радуются, когда их десятилетний сын, забросив книжки, приволакивает домой первый доллар, вырученный от продажи газет.

— Он будет настоящим американцем.

В общей атмосфере бизнеса изобретательность растет.

В детском кемпе, в летнем детском пансионе-лагере, где закаляют детей плаванием и футболом, было запрещено ругаться при боксе.

— Как же драться, не ругаясь? — сокрушенно жаловались дети.

Один из будущих бизнесменов учел эту потребность.

На его палатке появилось объявление:

«За 1 никель выучиваю пяти русским ругательствам, за 2 никеля — пятнадцати».

Желающихся выучиться ругаться без риска быть понятым преподавателями — набилась целая палатка.

Счастливый владелец русских ругательств, стоя посредине, дирижировал:

— Ну, хором — «дурак»!

— Д у р а к!

— С в о л о ч ы!

— Не «тволоч», а «сволочь»:

Над сукиным сыном пришлось биться долго. Несмышленые американыши выговаривали «зукин-синь», а подсовывать за хорошие деньги недоброкачественные ругательства честный молодой бизнесмен не хотел.

У взрослых бизнес принимает грандиозные эпические формы.

Три года тому назад кандидату в какие-то доходные городские должности — мистеру Ригельману надо было хвастнуть пред избирателями какой-нибудь альтруистической затеей. Он решил построить деревянный балкон на побережье для гуляющих по Кони-Айланду.

Владельцы прибрежной полосы запросили громадные деньги — больше, чем могла бы дать будущая должность. Ригельман плюнул на владельцев, песком и камнем отогнал океан, создал полосу земли шириной в 350 футов и на три с половиной мили оправил берег идеальным дощатым настилом.

Ригельмана выбрали.

Через год он с лихвой возместил убытки, выгодно продав, в качестве влиятельного лица, все выдающиеся бока своего оригинального предприятия под рекламу.

Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, то, непосредственно положив деньги на бочку, купишь все.

Газеты созданы трестами; тресты, воротилы трестов запродались рекламодателям, владельцам универсальных магазинов. Газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной. Нет денег, которые могли бы перекупить уже запроданного журналиста.

А если тебе цена такая, что другие дают больше,— докажи, и сам хозяин набавит.

Титул — пожалуйста. Газеты и театральные куплетисты часто трунят над кинозвездой Глорией Свенсен, бывшей горничной, ныне стоящей пятнадцать тысяч долларов в неделю, и ее красавцем-мужем графом, вместе

с пакеновскими моделями и анановскими туфлями вывезенным из Парижа.

Любовь — извольте.

Вслед за обезьяньим процессом газеты стали трубить о мистере Браунинге.

Этот миллионер, агент по продаже недвижимого имущества, под старость лет обуялся юношеской страстью.

Так как брак старика с девушкой вещь подозрительная, миллионер пошел на удочерение.

Объявление в газетах:

ЖЕЛАЕТ МИЛЛИОНЕР УДОЧЕРИТЬ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЮЮ

12 000 лестных предложений с карточками красавиц посыпались в ответ. Уже в 6 часов утра четырнадцать девушек сидело в приемной мистера Браунинга.

Браунинг удочерил первую (слишком велико нетерпение) — по-детски распустившую волосья, красавицу-чешку Марию Спас. На другой день газеты стали захлебываться Марииным счастьем.

В первый день куплено 60 платьев.

Привезено жемчужное ожерелье.

За три дня подарки перевалили за 40 000 долларов.

И сам папаша снимался, облапив дочку за грудь, с выражением лица, которое впору показывать из-под полы перед публичными домами Монмартра.

Отцовскому счастью помешало известие, что мистер пытался попутно удочерить и еще какую-то тринадцатилетнюю из следующей пришедшей партии. Проблематичным извинением могло бы, пожалуй, быть то, что дочь оказалась девятнадцатилетней женщиной.

Там на три меньше, здесь на три больше; «фифти-фифти», как говорят американцы,— в общем, какая разница?

Во всяком случае папаша оправдывался не этим, а суммой счета, и благородно доказывал, что сумма его расходов на этот бизнес определенно указывает, что только он является страдающей стороной.

Пришлось вмешаться прокуратуре. Дальнейшее мне неизвестно. Газеты замолчали, будто долларов в рот набрали.

Я убежден, что этот самый Браунинг сделал бы серьезные коррективы в советском брачном кодексе, ущемляя его со стороны нравственности и морали.

Ни одна страна не городит столько моральной, возвышенной, идеалистической ханжеской чуши, как Соединенные Штаты.

Сравните этого Браунинга, развлекающегося в Нью-Йорке, с какой-нибудь местечковой техасской сценкой, где банда старух в 40 человек, заподозрив женщину в проституции и в сожительстве с их мужьями, раздевает ее догола, окунает в смолу, вываливает в перо и в пух и изгоняет из городка сквозь главные сочувственно гогочущие улицы.

Такое средневековье рядом с первым в мире паровозом «Твенти-Сенчери» экспресса.

Типичным бизнесом и типичным ханжеством назовем и американскую трезвость, сухой закон «прогибишен».

Виски продают все.

Когда вы зайдете даже в крохотный трактирчик, вы увидите на всех столах надпись: «Занято».

Когда в этот же трактирчик входит умный, он пересекает его, идя к противоположной двери.

Ему заслоняет дорогу хозяин, кидая серьезный вопрос:

— Вы джентльмен?

— О да! — восклицает посетитель, предъявляя зелененькую карточку. Это члены клуба (клубов тысячи), говоря просто — алкоголики, за которых поручились. Джентльмена пропускают в соседнюю комнату — там с засученными рукавами уже орудуют несколько коктейльщиков, ежесекундно меняя приходящим содержимое, цвета и форму рюмок длиннейшей стойки.

Тут же за двумя десятками столиков сидят завтракающие, любовно оглядывая стол, уставленный всевозможной питейностью. Пообедав, требуют:

— Шу бокс! (Башмачную коробку!) — и выходят из кабачка, волоча новую пару виски. За чем же смотрит полиция?

За тем, чтобы не надували при дележе.

У последнего пойманного оптовика «бутлегера» было на службе 240 полицейских.

Глава борьбы с алкоголем плачется в поисках за десятком честных агентов и грозится, что уйдет, так как таковые не находятся.

Сейчас уже нельзя отменить закон, запрещающий винную продажу, так как это невыгодно прежде всего торговцам вином. А таких купцов и посредников — армия — один на каждые пятьсот человек. Такая долларовая база делает многие, даже очень тонкие нюансы американской жизни простенькой карикатурной иллюстрацией к положению, что сознание и надстройка определяются экономикой.

Если перед вами идет аскетический спор о женской красе и собравшиеся поделились на два лагеря — одни за стриженых американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед вами бескорыстные эстеты.

Нет.

За длинные волосы орут до хрипоты фабриканты шпилек, со стрижкой сократившие производство; за короткие волосы ратует трест владельцев парикмахерских, так как короткие волосы у женщин привели к парикмахерам целое второе стригущееся человечество.

Если дама не пойдет с вами по улице, когда вы несете сверток починенных башмаков, обернутых в газетную бумагу, то знайте — проповедь красивых свертков ведет фабрикант оберточной бумаги.

Даже по поводу такой сравнительно беспартийной вещи, как честность, имеющей целую литературу,— даже по этому поводу орут и ведут агитацию кредитные общества, дающие ссуду кассирам для внесения залогов. Этим важно, чтобы кассиры честно считали чужие деньги, не сбегали с магазинными кассами, и чтобы незыблемо лежал и не пропадал залог.

Такими же долларными соображениями объясняется и своеобразная осенняя оживленная игра.

14 сентября меня предупредили — снимай соломенную шляпу.

15-го на углах перед шляпными магазинами стоят банды, сбивающие соломенные шляпы, пробивающие шляпные твердые днища и десятками нанизывающие продырявленные трофеи на руку.

Осенью ходить в соломенных шляпах неприлично.

На соблюдении приличий зарабатывают и торговцы мягкими шляпами и соломенными. Что бы делали фабриканты мягких, если бы и зимой ходили в соломенных? Что бы делали соломенные, если бы годами носили одну и ту же шляпу?

А пробивающие шляпы (иногда и с головой) получают от фабрикантов на чуингам пошляпно.

Сказанное о ньюйоркском быте, это, конечно, не лицо. Так, отдельные черты — ресницы, веснушка, ноздря.

Но эти веснушки и ноздри чрезвычайно характерны для всей мещанской массы — массы, почти покрывающей всю буржуазию; массы, заквашенной промежуточными слоями; массы, захлестывающей и обеспеченную часть рабочего класса. Ту часть, которая приобрела в рассрочку домик, выплачивает из недельного заработка за фордик и больше всего боится стать безработным.

Безработица — это пятенье обратно, выгон из неоплаченного дома, увод недоплаченного форда, закрытие кредита в мясной и т. д. А рабочие Нью-Йорка хорошо помнят ночи осени 1920—1921 года, когда 80 000 безработных спали в Централ-парке.

Американская буржуазия квалификацией и заработками ловко делит рабочих.

Одна часть — опора желтых лидеров с трехэтажными затылками и двухаршинными сигарами, лидеров, уже по-настоящему, попросту купленных буржуазией.

Другая — революционный пролетариат — настоящий, не вовлеченный мелкими шефами в общие банковские операции, — такой пролетариат и есть и борется. При мне революционные портные трех локалов (отделов) союза дамских портных — локалы второй, девятый и двадцать второй — повели долгую борьбу против «вождя», председателя Мориса Зигмана, пытавшегося сделать союз смиренным отделом фабрикантовых лакеев. 20 августа была объявлена «Объединенным комитетом действия» антизигмановская демонстрация. Демонстрировало в Юнион-сквере тысячи две человек, и 30 000 рабочих из солидарности приостановили работу на два часа. Не зря демонстрация была в Юнион-сквере, против окон еврейской коммунистической газеты «Фрайгайт».

Была и чисто политическая демонстрация, непосредственно организованная компартией — по поводу недопущения в Америку английского депутата коммуниста Саклатвалы.

В Нью-Йорке 4 коммунистических газеты: «Новый мир» (русская), «Фрайгайт» (еврейская), «Щоденні вісті» (украинская) и финская.

«Дейли Воркер», центральный орган партии, издается в Чикаго.

Но эти газеты, при трех тысячах членов партии на Нью-Йорк, в одном Нью-Йорке имеют общий тираж в 60 000 экземпляров.

Переоценивать влияние этой коммунистически настроенной, в большинстве иностранной массы — не приходится, ждать в Америке немедленных революционных выступлений — наивность, но недооценивать шестьдесят тысяч — тоже было бы легкомыслием.

АМЕРИКА

Когда говорят «Америка», воображению представляются Нью-Йорк, американские дядюшки, мустанги, Кулидж и т. п. принадлежности Северо-Американских Соединенных Штатов.

Странно, но верно.

Странно — потому, что Америк целых три: Северная, Центральная и Южная.

С.А.С.Ш. не занимают даже всю Северную — а вот поди ж ты! — отобрали, присвоили и вместили название всех Америк.

Верно потому, что право называть себя Америкой Соединенные Штаты взяли силой, дредноутами и долларами, нагоняя страх на соседние республики и колонии.

Только за одно мое короткое трехмесячное пребывание американцы погромыхивали железным кулаком перед носом мексиканцев по поводу мексиканского проекта национализации своих же неотъемлемых земельных недр; посылали отряды на помощь какому-то правительству, прогоняемому венецуэльским народом; недвусмысленно намекали Англии, что в случае неуплаты

долгов может затрещать хлебная Канада; того же желали французам и перед конференцией об уплате французского долга то посылали своих летчиков в Марокко на помощь французам, то вдруг становились марокканцелюбцами и из гуманных соображений отзывали летчиков обратно.

В переводе на русский: гони монету — получишь летчиков.

Что Америка и САСШ одно и то же — знали все. Кулидж только оформил это дельце в одном из последних декретов, назвав себя и только себя американцами. Напрасен протестующий рев многих десятков республик и даже других Соединенных Штатов (например Соединенные штаты Мексики), образующих Америку.

Слово «Америка» теперь окончательно аннексировано.

Но что кроется за этим словом?

Что такое Америка, что это за американская нация, американский дух?

Америку я видел только из окон вагона.

Однако по отношению к Америке это звучит совсем немало, так как вся она вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким градусом новые линии новых железнодорожных компаний. Единого расписания нет, так как главная цель этих линий не обслуживание пассажирских интересов, а доллар и конкуренция с соседним промышленником.

Поэтому, беря билет на какой-нибудь станции большого города, вы не уверены, что это самый быстрый, дешевый и удобный способ сообщения между необходимыми вам городами. Тем более, что каждый поезд — экспресс, каждый — курьерский и каждый — скорый.

Один поезд из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой — 24, третий — 20 и все называются одинаково — экспресс.

В экспрессах сидят люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так хладнокровней. Не надо нервничать, искать билетов, а контролер привычной рукой лезет вам за ленту и очень удивляется, если там билета не оказалось. Если вы едете спальным пульмановским

вагоном, прославленным и считающимся в Америке самым комфортабельным и удобным,— то все ваше существо организатора будет дважды в день, утром и вечером, потрясено бессмысленной, глупой возней. В 9 часов вечера дневной вагон начинают ломать, опускают востланные в потолок кровати, разворачивают постели, прикрепляют железные палки, нанизывают кольца занавесок, с грохотом вставляют железные перегородки — все эти хитрые приспособления приводятся в движение, чтобы по бокам вдоль вагона установить в два яруса двадцать спальных коек под занавесками, оставив посредине узкий уже не проход, а пролаз.

Чтобы пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать двумя негритянскими задами уборщиков, головой ушедших в постилаемую койку.

Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона,— вдвоем, особенно с лестницей для влезания на второй ярус, почти не разминешься,— затем меняешься с ним местами и тогда обратно влазишь в вагон. Раздеваясь, вы лихорадочно придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов напротив вас раздевающихся шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества юных христианских девушек.

Во время работы вы забываете прижать вплотную высовывающиеся из-под занавесок голые ноги, и — проклинаемый пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С 9 утра начинается вакханалия разборки вагона и приведения вагона в «сидящий вид».

Наше европейское деление на купе даже жестких вагонов куда целесообразней американской пульмановской системы.

Что меня совсем удивило—это возможность опоздания поездов в Америке даже без особых несчастных причин.

Мне необходимо было срочно после лекции в Чикаго выехать ночью на лекцию в Филадельфию — экспрессной езды 20 часов. Но в это время ночи шел только один поезд с двумя пересадками, и кассир, несмотря на пятиминутный срок пересадки, не мог и не хотел гарантировать мне точности прибытия к вагону пересадки, хотя и прибавил, что шансов на опоздание немного.

Возможно, что уклончивый ответ объяснялся желанием опозорить конкурирующие линии.

На остановках пассажиры выбегают, закупают пучки сельдерея и вбегают, жуя на ходу корешки.

В сельдерее — железо. Железо — полезно американцам. Американцы любят сельдерей.

На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа, площадки футболистов с разноцветными играющими — и техника, техника и техника.

Эта техника не застоялась, эта техника растет. В ней есть одна странная черта — снаружи, внешне эта техника производит недоделанное, временное впечатление.

Будто стройка, стены завода не фундаментальные — однодневки, одногодки.

Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные.

Огромные газовые вместилища, спичка в которые снесет полгорода, кажутся неохраняемыми. Только на время войны была приставлена стража.

Откуда это?

Мне думается — от рваческого, завоевательного характера американского развития.

Техника здесь шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры техники — культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и решетки и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой.

Мы ехали из Бикона (в шести часах езды от Нью-Йорка) и попали без всякого предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владельцы участков мостили, очевидно, для себя и мало заботились об удобствах проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после опроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление.

В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустье.

При всей грандиозности строений Америки, при всей недосягаемости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их

удобств и вместительности — и дома Америки, в общем, производят странное временное впечатление.

Может быть, это кажущееся.

Кажется оттого, что на вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из какой-то другой вещи и подлежащим разрушению по окончании быстрой надобности.

Эта черта совсем отвратительно выступает в постройках, по самому своему существу являющихся временными.

Я был на Раковей-бич (ньюйоркский дачный поселок; пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел. Я не мог бы прожить в таком карельском портсигаре и двух часов.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной формы. Дома насажены, как пассажиры весеннего трамвая, возвращающегося из Сокольников в воскресенье вечером. Открыв окно уборной, вы видите все, делающееся в соседней уборной, а если у соседа приоткрыта дверь, то видите сквозь дом и уборную следующих дачников. Дома по ленточке уличек вытянулись, как солдаты на параде — ухо к уху. Материал строений таков, что слышишь не только каждый вздох и шепот влюбленного соседа, но сквозь стенку можешь различить самые тонкие нюансы обеденных запахов на соседском столе.

Такой поселок — это совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в самом мировом масштабе.

Даже большие новейшие удобнейшие дома кажутся временными, потому что вся Америка, Нью-Йорк в частности, в стройке, в постоянной стройке. Десятиэтажные дома ломают, чтобы строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные — чтоб тридцати — чтоб сорока и т. д.

Нью-Йорк всегда в грудах камней и стальных переплетов, в визге сверл и ударах молотков.

Настоящий и большой пафос стройки.

Американцы строят так, как будто в тысячный раз разыгрывают интереснейшую разученнейшую пьесу.

Оторваться от этого зрелища ловкости, сметки — невозможно.

На простую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим, выгрызает и высасывает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы. Посредине стройки подымают фермчатый подъемный кран. Он берет огромные стальные трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто в насморке вся техника) в твердую землю, как мелкие обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на трубу да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана подымают стальные стойки и перекладины, без всяких шероховатостей садящиеся на место,— только сбей да свинти!

Подымается постройка, вместе с ней подымается кран, как будто дом за косу подымают с земли. Через месяц, а то и раньше, кран снимут — и дом готов.

Это примененное к домам знаменитое правило выделки пушек (берут дырку, обливают чугуном, вот и пушка): взяли кубический воздух, обвинтили сталью, и дом готов. Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к какому-нибудь двадцатиэтажному Кливландскому отелю, про который жители говорят: здесь от этого дома очень тесно (совсем как в трамвае — подвиньтесь, пожалуйста) — поэтому его переносят отсюда за десять кварталов, к озеру.

Я не знаю, кто и как будет переносить эту постройку, но если такой дом вырвется из рук, он отдавит много мозолей.

Бетонная стройка в десяток лет совершенно меняет облик больших городов.

Тридцать лет назад В. Г. Короленко, увидев Нью-Йорк, записывал:

«Сквозь дымку на берегу виднелись огромные дома в шесть и семь этажей...»

Лет пятнадцать назад Максим Горький, побывавши в Нью-Йорке, доводит до сведения:

«Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в пятнадцать и двадцать этажей».

Я бы должен был, чтобы не выходить из рамок, очевидно, принятых писателями приличий, повествовать так:

«Сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в сорок и пятьдесят этажей...»

А будущий поэт после такого путешествия запишет:

«Сквозь прямые дома в неисследованное количество этажей, вставшие на ньюйоркском берегу, не были видны ни дымы, ни косые дожди, ни тем более, какие-то дымки».

Американская нация.

О ней больше, чем о какой-нибудь другой, можно сказать словами одного из первых революционных плакатов:

«Американцы бывают разные, которые пролетарские, а которые буржуазные».

Сынки чикагских миллионеров убивают детей (дело Лоеба и компании) из любопытства, суд находит их ненормальными, сохраняет их драгоценную жизнь, и «ненормальные» живут заведующими тюремных библиотек, восхищая сотюремников изящными философскими сочинениями.

Защитники рабочего класса (дело Ванцетти и других товарищей) приговариваются к смерти — и целые комитеты, организованные для их спасения, пока не в силах заставить губернатора штата отменить приговор. Буржуазия вооружена и организована. Ку-Клукс-Клан стал бытовым явлением.

Портные Нью-Йорка в дни маскарадного съезда кланцев публиковали рекламы, заманивая заказчиков высоких шапок и белых халатов:

— Велъком, Ку-Клукс-Клан!

В городах иногда появляются известия, что такой-то куксин вождь убил такого-то и еще не пойман, другой (без фамилии) изнасиловал уже третью девушку и выкинул из автомобиля и тоже ходит по городу без малейшего признака кандалов. Рядом с боевой клановской организацией — мирные масонские. Сто тысяч масонов в пестрых восточных костюмах в свой предпраздничный день бродят по улицам Филадельфии.

Эта армия еще сохранила ложи и иерархию, попрежнему объясняется таинственными жестами, манипулированием каким-то пальцем у какой-то жилетной пуговицы рисует при встречах таинственные значки, но на деле в большей своей части давно стала своеобразным учраспредом крупных торговцев и фабрикантов, назначающим министров и важнейших чиновников страны. Дико, должно быть, видеть это средневековье, шеству-

ющее по филадельфийским улицам под окнами типографии газеты «The Filadelfia Inquirer» [1], выкидывающей ротационками 450 000 газет в час.

Рядом с этой теплой компанийкой — странное существование легализованной, очевидно, для верности наблюдения, рабочей компартии Америки и более чем странное — осмеливающихся на борьбу профессиональных союзов.

Я видел в первый день приезда в Чикаго, в холод и проливной дождь, такую дикую картину.

Вокруг огромного фабричного здания без остановок ходят мокрые, худые, продрогшие люди, с мостовых зорко смотрят рослые, жирные, промакинтошенные полисмены.

На фабрике забастовка. Рабочие должны отгонять штрейкбрехеров и оповещать нанятых обманным путем.

Но останавливаться они не имеют права — остановившегося арестует полиция на основании законов против пикетчиков. Говори — на ходу, бей — на ходу. Своеобразный десятичасовой скороходный рабочий день.

Неменьшая острота и национальных взаимоотношений Америки. Я писал уже о массе иностранцев в Америке (она вся, конечно, объединение иностранцев для эксплуатации, спекуляции и торговли),— они живут десятками лет, не теряя ни языка, ни обычаев.

В еврейском Нью-Йорке на новый год, совсем как в Шавлях, увидишь молодых людей и девушек, разодетых не то для свадьбы, не то для раскрашенной фотографии: лакированные башмаки, оранжевые чулки, белое кружевное платье, пестрый платок и испанский гребень в волосах — для женщин; а для мужчин при тех же туфлях какая-то помесь из сюртука, пиджака и смокинга. И на животе или настоящего или американского золота цепь — размером и весом цепей, закрывающих черный ход от бандитов. На помогающих службе — полосатые шали. У детей сотни поздравительных открыток с сердцами и голубками — открыток, от которых в эти дни беременеют все почтальоны Нью-Йорка

---

[1] «The Filadelfia Inquirer» — «Филадельфийский вестник» *(англ.)*.

и которые являются единственным предметом широкого потребления всех универсальных магазинов во все предпраздничные дни.

В другом районе так же обособленно живут русские, и американцы ходят в антикварные магазины этого района покупать экзотический самовар.

Язык Америки — это воображаемый язык Вавилонского столпотворения, с той только разницей, что там мешали языки, чтоб никто не понимал, а здесь мешают, чтоб понимали все. В результате из английского, скажем, языка получается язык, который понимают все нации, кроме англичан.

Недаром, говорят, в китайских лавках вы найдете надпись:

«ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ
И ПОНИМАЮТ ПО-АМЕРИКАНСКИ»

Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупословового американца, чем сыплющего словами русского.

Русский называет:
трамвай — стриткарой,
угол — корнером,
квартал — блоком,
квартиранта — бордером,
билет — тикетом,

а выражается так:

«Вы поедете без менянния пересядок».

Это значит, что у вас беспересадочный билет.

Под словом «американец» у нас подразумевают помесь из эксцентричных бродяг О'Генри, Ника Картера с неизменной трубкой и клетчатых ковбоев киностудии Кулешова.

Таких нет совсем.

Американцем называет себя белый, который даже еврея считает чернокожим, негру не подает руки; увидев негра с белой женщиной, негра револьвером гонит домой; сам безнаказанно насилует негритянских девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине, судит судом Линча, т. е. обрывает ему руки, ноги и живого жарит на костре. Обычай почище нашего «дела о сожжении в деревне Листвяны цыган-конокрадов».

Почему американцами считать этих, а не негров например?

Негров, от которых идет и так называемый американский танец — фокс и шимми, и американский джаз! Негров, которые издают многие прекрасные журналы, например «Opportunity» [1]. Негров, которые стараются найти и находят свою связь с культурой мира, считая Пушкина, Александра Дюма, художника Генри Тэна и других работниками своей культуры.

Сейчас негр-издатель Каспер Гольштейн объявил премию в 100 долларов имени величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина за лучшее негритянское стихотворение.

Первого мая 1926 года этот приз будет разыгран.

Почему неграм не считать Пушкина своим писателем? Ведь Пушкина и сейчас не пустили бы ни в одну «порядочную» гостиницу и гостиную Нью-Йорка. Ведь у Пушкина были курчавые волосы и негритянская синева под ногтями.

Когда закачаются так называемые весы истории, многое будет зависеть от того, на какую чашку положат 12 миллионов негров 24 миллиона своих увесистых рук. Подогретые техасскими кострами, негры — достаточно сухой порох для взрывов революции.

Дух, в том числе и американский, вещь бестелая, даже почти не вещь; контор не нанимает, экспортируется слабо, тоннажа не занимает — и если что сам потребляет, то только виски, и то не американское, а привозное.

Поэтому духом интересуются мало, и то в последнее время, когда у буржуазии после разбойничьего периода эксплуатации появилось некоторое спокойное, уверенное добродушие, некоторый жировой слой буржуазных поэтов, философов, художников.

Американцы завидуют европейским стилям. Они отлично понимают, что за свои деньги они могли бы иметь не четырнадцать, а хоть двадцать восемь Людовиков, а спешка и привычка к точному осуществлению намеченного не дают им желания и времени ждать, пока сегодняшняя стройка утрясется в американский стиль.

---

[1] «Opportunity» — «Современность» *(англ.)*.

Поэтому американцы закупают художественную Европу — и произведения и артистов, дико украшая сороковые этажи каким-нибудь ренессансом, не интересуясь тем, что эти статуэтки да завитушки хороши для шестиэтажных, а выше незаметны вовсе. Помещать же ниже эти стильные финтифлюшки нельзя, так как они будут мешать рекламам, вывескам и другим полезным вещам.

Верхом стильного безобразия кажется мне один дом около публичной библиотеки: весь гладкий, экономный, стройный, черный, но с острой крышей, выкрашенной для красоты золотом.

В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы нос кассирше, продававшей билеты на стиховечер.

Запоздавший гипертрофированный плагиат.

Улицы Нью-Йорка украшены маленькими памятничками писателей и артистов всего мира. Стены института Карнеги расписаны именами Чайковского, Толстого и другими.

В последнее время против непереваренной эклектической пошлости подымается голос молодых работников искусства.

Американцы стараются найти душу, ритм Америки. Начинают выводить походку американцев из опасливых шажков древних индейцев по тропинкам пустого Мангеттена. Уцелевшие индейские семьи тщательно охраняются музеями. Высшим шиком высшего общества считается древнее родство с какими-нибудь знатными индейскими родами,— вещь, еще недавно совершенно позорная в американских глазах. Деятелей искусства, не родившихся в Америке, просто перестают слушать.

Начинает становиться модной всякая туземность.

Чикаго. В 1920 году в выдуманной поэме «150 000 000» я так изобразил Чикаго:

Мир,
из света частей
собирая квинтет,
одарил ее мощью магической,—
город в ней стоит
на одном винте —
весь электро-динамо-механический.

В Чикаго
14 000 улиц —
солнц площадей лучи.
От каждой —
700 переулков
длиною поезду на год.
Чудно человеку в Чикаго!

Знаменитейший сегодняшний американский поэт Карл Сандбург — сам чикагец, загнанный американским нежеланием вникать в лирику в отдел хроники и происшествий богатейшей газеты «Чикаго Трибюн» — этот самый Сандбург описывает Чикаго так:

Чикаго,
Свинобой мира,
Инструментщик, сборщик хлеба,
Играющий железными дорогами грузчик
страны,
Бурный хриплый задира.
Город широких плеч...

«...Мне говорят: ты подл, и я отвечаю: да, это правда — я видел, как бандит убил и остался безнаказанным. Мне говорят, что ты жесток, и мой ответ: на лицах женщин и детей я видел следы бесстыдного голода. Бросая ядовитые насмешки за работой, все наваливающейся работой,— это высокий дерзкий хулиган на фоне хрупких городишек.

С непокрытой головой
роющий,
рушащий,
готовящий планы,
строящий, ломающий, восстанавливающий.

Смеющийся бурным, хриплым задорным смехом юности. Полуголый, пропотевший, гордый тем, что он режет свиней, производит инструменты, наваливает хлебом амбары, играет железными дорогами и перебрасывает грузы Америки».

Путеводители и старожилы говорят:

«Чикаго:

Самые большие бойни.

Самый большой заготовщик лесных материалов.

Самый большой мебельный центр.

Самый большой производитель сельскохозяйственных машин.

Самый большой склад пианино.

Самый большой фабрикант железных печей.

Самый крупный железнодорожный центр.

Самый большой центр по рассылке покупок почтой.

Самый людный угол в мире.

Самый проходимый мост на земном шаре Bush street bridge[1].

Самая лучшая система бульваров во всем земном шаре — ходи по бульварам, обходи Чикаго, не выйдя ни на какую улицу.

Всё самое, самое самое...

Что это за город Чикаго?

Если все американские города насыпать в мешок, перетряхнуть дома, как цифры лото, то потом и сами мэры города не смогут отобрать свое бывшее имущество.

Но есть Чикаго, и этот Чикаго отличен от всех других городов — отличен не домами, не людьми, а своей особой по-чикагски направленной энергией.

В Нью-Йорке многое для декорации, для виду.

Белый путь — для виду, Кони-Айланд — для виду, даже пятидесятисемиэтажный Вульворт-Бильдинг — для втирания провинциалам и иностранцам очков.

Чикаго живет без хвастовства.

Показная небоскребная часть узка, притиснута к берегу громадой фабричного Чикаго.

Чикаго не стыдится своих фабрик, не отступает с ними на окраины. Без хлеба не проживешь, и Мак-Кормик выставляет свои заводы сельскохозяйственных машин центральней, даже более гордо, чем какой-нибудь Париж — какой-нибудь Нотр-Дам.

Без мяса не проживешь, и нечего кокетничать вегетарианством — поэтому в самом центре кровавое сердце — бойни.

Чикагские бойни — одно из гнуснейших зрелищ моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длиннейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности

---

[1] Buch street bridge — мост улицы Баш (*англ.*).

мировых свиней. Визг, мычание, блеяние — неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищемят сдвигающимися скалами,— стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерма скотов десятка фасонов и миллионного количества.

Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением.

Разных сортов и калибров мухи с луж и жидкой грязи перепархивают то на коровьи, то на ваши глаза.

Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот.

Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел.

Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев.

Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь,— они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье горло. По нескольку тысяч свиней в день режет каждый — хвастался боенский провожатый.

Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники — и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира.

Минут пятнадцать едем мы по мосту только одной компании.

А со всех сторон десятки компаний орут вывесками.

Вильсон!

Стар!

Свифт!

Гамонд!

Армор!

Впрочем, все эти компании, вопреки закону, одно объединение, один трест. В этом тресте главный — Армор — судите по его охвату о мощи всего предприятия.

У Армора свыше 100 000 рабочих; одних конторщиков имеет Армор 10—15 тысяч.

400 миллионов долларов — общая ценность арморовских богатств. 80 000 акционеров разобрали акции, дрожат над целостью арморовского предприятия и снимают пылинки с владельцев.

Половина акционеров — рабочие (половина, конечно, по числу акционеров, а не акций), рабочим дают акции в рассрочку — один доллар в неделю. За эти акции приобретается временно смирение отсталых боенских рабочих.

Армор горд.

Шестьдесят процентов американской мясной продукции и десять процентов мировой дает один Армор.

Консервы Армора ест мир.

Любой может наживать катар.

И во время мировой войны на передовых позициях были консервы с подновленной этикеткой. В погоне за новыми барышами Армор сбагривал четырехлетние яйца и консервированное мясо призывного возраста — в 20 лет!

Наивные люди, желая посмотреть столицу Соединенных Штатов, едут в Вашингтон. Люди искушенные едут на крохотную уличку Нью-Йорка — Волстрит, улицу банков, улицу — фактически правящую страной.

Это верней и дешевле вашингтонской поездки. Здесь, а не при Кулидже должны держать своих послов иностранные державы. Под Волстрит тоннель-собвей, а если набить его динамитом и пустить на воздух к чертям свинячим всю эту уличку!

Взлетят в воздух книги записей вкладов, названия и серии бесчисленных акций да столбцы иностранных долгов.

Волстрит — первая столица, столица американских долларов. Чикаго — вторая столица, столица промышленности.

Поэтому не так неверно поставить Чикаго вместо Вашингтона. Свинобой Вильсон не меньше влияет на жизнь Америки, чем влиял его однофамилец Вудро.

Бойни не проходят бесследно. Поработав на них, или станешь вегетарианцем или будешь спокойно убивать людей, когда надоест развлекаться кинематографом. Не-

даром Чикаго — место сенсационных убийств, место легендарных бандитов.

Недаром в этом воздухе из каждых четырех детей — один умирает до года.

Понятно, что грандиозность армии трудящихся, мрак чикагской рабочей жизни именно здесь вызывают трудящихся на самый больший в Америке отпор.

Здесь главные силы рабочей партии Америки.

Здесь центральный комитет.

Здесь центральная газета — «Daily Worker».

Сюда обращается партия с призывами, когда надо из скудного заработка создать тысячи долларов.

Голосом чикагцев орет партия, когда нужно напомнить министру иностранных дел мистеру Келлогу, что он напрасно пускает в Соединенные Штаты только служителей долларов, что Америка не келлоговский дом, что рано или поздно — а придется пустить и коммуниста Саклатвала и других посланцев рабочего класса мира.

Не сегодня и не вчера вступили рабочие-чикагцы на революционный путь.

Так же, как в Париже приезжие коммунисты идут к обстрелянной стене коммунаров,— так в Чикаго идут к могильной плите первых повешенных революционеров.

1 мая 1886 г. рабочие Чикаго объявили всеобщую забастовку. 3 мая у завода Мак-Кормик была демонстрация, во время которой полиция спровоцировала выстрелы. Выстрелы эти явились оправданием полицейской стрельбы и дали повод выловить зачинщиков.

Пять товарищей: Август Спайес, Адольф Фишер, Альберт Парсонс, Луи Линг и Жорж Энгель — были повешены.

Сейчас на камне их братской могилы слова речи одного из обвиняемых:

«Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете».

Чикаго не бьет в нос шиком техники — но даже внешность города, даже его наружная жизнь показывает, что он больше других городов живет производством, живет машиной.

Здесь на каждом шагу перед радиатором вздымается подъемный мост, пропуская пароходы и баржи к Мичигану. Здесь, проезжая по висящему над железнодорожными линиями мосту, вы будете в любой час утра обволокнуты дымом и паром сотен бегущих паровозов.

Здесь на каждом повороте автомобильного колеса мелькают бензинные киоски королей нефти — Стандарт Ойл и Синклер.

Здесь всю ночь мигают предупреждающие автофонари перекрестков и горят подземные лампы, деля тротуары во избежание столкновений. Здесь специальные конные полицейские записывают номера автомобилей, простоявших перед домом более получаса. Если разрешать останавливаться на улицах всегда и всем, автомобили б стояли и в десять рядов и в десять ярусов.

Вот почему и весь в садах Чикаго должен быть изображаем на одном винте и сплошь электро-динамо-механическим. Это не в защиту собственной поэмы, это — в утверждение права и необходимости поэту организовывать и переделывать видимый материал, а не полировать видимое.

Путеводитель описал Чикаго верно и непохоже.

Сандбург описал и неверно и непохоже.

Я описал неверно, но похоже.

Критики писали, что мое Чикаго могло быть написано только человеком, никогда не видавшим этого города.

Говорили: если я увижу Чикаго, я изменю описание.

Теперь я Чикаго видел. Я проверил поэму на чикагцах — она не вызывала у них скептических улыбок — наоборот, как будто показывала другую чикагскую сторону.

Детройт — второй и последний американский город, на котором остановлюсь. К сожалению, мне не пришлось видеть деревенских хлебных мест. Американские дороги страшно до́роги. Пульман до Чикаго 50 долларов (100 рублей).

Я мог ездить только туда, где большие ру́сские и, конечно, рабочие колонии. Мои лекции устраивали

«Новый мир» и «Фрайгайт» — русская и еврейская газеты рабочей партии Америки.

В Детройте 20 тысяч русских.

В Детройте 80 тысяч евреев.

В большинстве это бывшие нищие — россияне, поминающие о ней всякой дрянью, приехавшие лет 20 тому назад и поэтому дружелюбно, во всяком случае внимательно, относящиеся к Советскому Союзу. Исключение — группа врангельцев, вывезенных из Константинополя седыми и лысыми вождями союза христианской молодежи, но и эта публика скоро обомнется. Доллар лучше всякой агитации разлагает белую эмиграцию. Пресловутая Кирилица, которую американцы называли «принцесс Сирил», явившаяся в Америку за вашингтонским признанием, быстро сдала — нашла себе бойкого предпринимателя-менаджера и стала раздавать в целование свою ручку от 10 до 15 долларов в ньюйоркском Мондейморнинг — опера-клуб.

Даже «принц» Борис пустился в Нью-Йорке во все тяжкие.

Обрывая лавры Родченко, он стал заниматься настоящим фотомонтажем, писал статьи из бывшей придворной жизни, точно перечислял, когда и с кем пьянствовали цари, иллюстрируя фельетоны царями с примонтаженными им на колени балеринами, вспоминал, когда и с каким царем играл в карты, кстати и примонтировав бывших царей к пейзажам всехсветных казино. От этой борисовской литературы приуныли самые матерые белогвардейцы. Как, мол, с такими персонами вести агитацию за воцарение белогвардейщины? Даже белые газеты писали с грустью — такие выступления совсем засморкали идеи монархизма. Вновь привезенные, еще неученые белогвардейцы тычутся по предприятиям, многих усыновил благосклонный ко всякой белизне Форд.

Фордовские рабочие показывают таких русским новичкам: смотрите, здесь ваш царь работает. Царь работает мало — есть у Форда какой-то бессловесный приказ о моментальном приеме и незатруднении работой нанявшихся русских белых.

В Детройте много огромных мировых предприятий,

например Парк Девис — медикаменты. Но слава Детройта — автомобили.

Не знаю, на сколько человек здесь приходится один автомобиль (кажется, на четыре), но я знаю, что на улицах их много больше, чем людей.

Люди заходят в магазины, конторы, в кафе и столовые — автомобили ждут их у дверей. Стоят сплошными рядами по обеим сторонам улицы. Митингами сгрудились на особых озаборенных площадях, где машину позволяют ставить за 25—35 центов.

Вечером желающему поставить автомобиль надо съехать с главной улицы в боковую, да и там поездить минут десять, а поставив в обнесенный загон, ждать потом, пока ее будут выволакивать из-за тысяч других машин.

А так как автомобиль больше человека, а человек, который выйдет, тоже садится в автомобиль,— то нерушимое впечатление: машин больше людей.

Здесь фабрики:

Пакард.

Кадиляк,

бр. Дейч, вторая в мире —1500 машин в день.

Но над всем этим царит слово — Форд.

Форд укрепился здесь, и 7000 новых фордиков выбегают каждый день из ворот его безостановочно работающей ночью и днем фабрики.

На одном конце Детройта — Гайланд-парк, с корпусами на 45 тысяч рабочих, на другом — Риверруж, с 60 тысячами. Да и еще в Дирборне, за 17 миль от Детройта — авиасборочный завод.

На фордовский завод я шел в большом волнении. Его книга, изданная в Ленинграде в 1923 году, уже имеет пометку — 45-я тысяча; фордизм — популярнейшее слово организаторов труда; о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм.

Профессор Лавров в предисловии к 5-му изданию фордовской книги пишет: «Появилась книга Форда... непревзойденная модель автомобиля... последователи Форда жалки, причина последнего кроется в талантливости изобретенной Фордом системы, которая, как

всякая совершенная система, только и гарантирует лучшую организацию...» и т. д. и т. д.

Сам Форд говорит: цель его теории — создать из мира источник радости (социалист!); если мы не научимся лучше пользоваться машинами, у нас не станет времени для того, чтобы наслаждаться деревьями и птицами, цветами и лугами. «Деньги полезны лишь постольку, поскольку они способствуют жизненной свободе (капиталиста?)». «Если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке» (не замечал!). «Шеф (Форд) компаньон своего рабочего, а рабочий товарищ своего шефа». «Мы не хотим тяжелого труда, истощающего людей. Каждый рабочий Форда должен и может обдумывать улучшение дела — и тогда он кандидат в Форды», и т. д. и т. д.

Я нарочно не останавливаюсь на ценных и интересных мыслях книги — о них раструблено достаточно, и не для них книга писана.

На завод водят группами, человек по 50. Направление одно, раз навсегда. Впереди фордовец. Идут гуськом, не останавливаясь.

Чтобы получить разрешение, заполняешь анкету в комнате, в которой стоит испещренный надписями юбилейный десятимиллионный Форд. Карманы вам набивают фордовскими рекламами, грудами лежащими по столам. У анкетщиков и провожающих вид как у состарившихся, вышедших на пенсию зазывал распродажных магазинов.

Пошли. Чистота вылизанная. Никто не остановится ни на секунду. Люди в шляпах ходят, посматривая, и делают постоянные отметки в каких-то листках. Очевидно, учет рабочих движений. Ни голосов, ни отдельных погромыхиваний. Только общий серьезный гул. Лица зеленоватые, с черными губами, как на киносъемках. Это от длинных ламп дневного света. За инструментальной, за штамповальной и литейной начинается знаменитая фордовская цепь. Работа движется перед рабочим. Садятся голые шасси, как будто автомобили еще без штанов. Кладут надколесные крылья, автомобиль движется с вами вместе к моторщикам,

краны сажают кузов, подкатываются колеса, бубликами из-под потолка беспрерывно скатываются шины, рабочие с-под цепи снизу что-то подбивают молотком. На маленьких низеньких вагонеточках липнут рабочие к бокам. Пройдя через тысячи рук, автомобиль приобретает облик на одном из последних этапов, в авто садится шофер, машина съезжает с цепи и сама выкатывается во двор.

Процесс, уже знакомый по кино,— но выходишь все-таки обалделый.

Еще через какие-то побочные отделы (Форд все части своей машины от нитки до стекла делает сам), с тюками шерсти, с летающими над головой на цепях подъемных кранов тысячами пудов коленчатых валов, мимо самой мощной в мире фордовской электростанции, выходим на Woodword — улица.

Мой сотоварищ по осмотру — старый фордовский рабочий, бросивший работу через два года из-за туберкулеза, видел завод целиком тоже в первый раз. Говорит со злостью: «Это они парадную показывают, вот я бы вас повел в кузницы на Ривер, где половина работает в огне, а другая в грязи и воде».

Вечером мне говорили фордовцы — рабкоры коммунистической чикагской газеты «Дейли Воркер»:

— Плохо. Очень плохо. Плевательниц нет. Форд не ставит, говорит: «Мне не надо, чтоб вы плевались,— мне надо, чтобы было чисто, а если плеваться надо вам — покупайте плевательницы сами».

...Техника — это ему техника, а не нам.

...Очки дает с толстым стеклом, чтоб не выбило глаз — стекло дорогое. Человеколюбивый. Это он потому, что при тонком стекле глаз выбивает и за него надо платить, а на толстом только царапины остаются, глаз от них портится все равно года через два, но платить не приходится.

...На еду 15 минут. Ешь у станка, всухомятку. Ему бы кодекс законов о труде с обязательной отдельной столовой.

...Расчет — без всяких выходных.

...А членам союза и вовсе работы не дают. Библиотеки нет. Только кино, и то в нем показывают картины только про то, как быстрее работать.

...Думаете, у нас несчастных случаев нет? Есть. Только про них никогда не пишут, а раненых и убитых вывозят на обычной фордовской машине, а не на краснокрестной.

...Система его прикидывается часовой (8-часовой рабочий день), на самом деле — чистая сдельщина.

...А как с Фордом бороться?

...Сыщики, провокаторы и клановцы, всюду 80% иностранцев.

...Как вести агитацию на 54 языках?

В четыре часа я смотрел у фордовских ворот выходящую смену,— люди валились в трамваи и тут же засыпали, обессилев.

В Детройте наибольшее количество разводов. Фордовская система делает рабочих импотентами.

ОТЪЕЗД

Пристань компании «Трансатлантик» на конце 14-й улицы.

Чемоданы положили на непрерывно поднимающуюся ленту с планками, чтобы вещи не скатывались. Вещи побежали на второй этаж.

К пристани приставлен маленький пароходик «Рошамбо», ставший еще меньше от соседства огромной, как двухэтажный манеж, пристани.

Лестница со второго этажа презрительно спускалась вниз.

Просмотрев, отбирают выпускные свидетельства — свидетельство о том, что налоги Америки с заработавших в ней внесены и что в страну этот человек въехал правильно, с разрешения начальства.

Посмотрели билет — и я на французской территории, обратно под вывеску Фрэнчлайн и под рекламу Бисквит-компани-нейшенал — нельзя.

Рассматриваю в последний раз пассажиров. В последний, потому что осень — время бурь, и люди будут лежать влежку все 8 дней.

При приезде в Гавр я узнал, что на вышедшем одновременно с нами с соседней пристани «Конард Лайн» пароходе шесть человек проломили себе насквозь носы,

упав на умывальник во время качки, перекатывающей волны через все палубы.

Пароход плохонький — особый тип: только первый и третий класс. Второго нет. Вернее, есть один второй. Едут или бедные или экономные, да еще несколько американских молодых людей, не экономных, не бедных, а посылаемых родителями учиться искусствам в Париже.

Отплывал машущий платками, поражающий при въезде Нью-Йорк.

Повернулся этажами сорока, сквозной окнами Метрополитен-бильдинг. Накиданными кубами разворачивалось новое здание телефонной станции, отошло и на расстоянии стало видно сразу все гнездо небоскребов: этажей на 45 Бененсон-бильдинг, два таких же корсетных ящика, неизвестных мне по имени, улицы, ряды элевейтеров, норы подземок закончились с пристанью Соутонфери. Потом здания слились зубчатой обрывной скалой, над которой трубой вставал 57-этажный Вульворт.

Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез.

Мы в открытом обратном океане. Сутки не было ни качки, ни вина. Американские территориальные воды, еще текущие под сухим законом. Через сутки появилось и то и другое. Люди полегли.

Осталось на палубе и в столовых человек 20, включая капитанов.

Шестеро из них — американские молодые люди: новеллист, два художника, поэт, музыкант и девушка провожавшая, влезшая на пароход и любви ради уехавшая аж без французской визы.

Деятели искусства, осмыслив отсутствие родителей и прогибишена, начали пить.

Часов в пять брались за коктейли, за обедом уничтожали все столовое вино, после обеда заказывали шампанское, за десять минут до закрытия набирали бутылок под каждый палец; выпив все, слонялись по качающимся коридорам в поисках за спящим официантом.

Кончили пить за день до приплытия, во-первых, потому, что озверевший от вечного шума комиссар клят-

венно обещал двух художников предать в руки французской полиции, не спуская на берег, а во-вторых, все шампанские запасы были уже выпиты. Может быть этим объяснялась и комиссарская грозность.

Кроме этой компании, слонялся лысый старый канадец, все время надоедавший мне любовью к русским, сочувственно называя и справляясь у меня о знакомстве с бывшими живыми и мертвыми князьями, когда-нибудь попадавшими на страницы газет.

Путались между дребезжащими столиками два дипломата: помощник парагвайского консула в Лондоне и чилийский представитель в Лигу Наций. Парагваец пил охотно, но никогда не заказывал сам, а всегда в порядке изучения нравов и наблюдения за молодыми американцами. Чилиец пользовался каждой минутой просветления погоды и вылаза женщин на палубу, чтобы проявить свой темперамент или хотя бы сняться вместе на фоне сирены или трубы. И, наконец, испанец-купец, который не знал ни слова по-английски, а по-французски только:

— регардэ —

даже, кажется, «мерси» не знал. Но испанец так умело обращался с этим словом, что, прибавив жесты и улыбки, он целыми днями перебегал от компании к компании в форменном разговорном ажиотаже.

Опять выходила газета, опять играли на скоростях, опять отпраздновали томболу.

На обратном безлюдии я старался оформить основные американские впечатления.

Первое. Футуризм голой техники, поверхностного импрессионизма дымов да проводов, имевший большую задачу революционизирования застывшей, заплывшей деревней психики — этот первобытный футуризм окончательно утвержден Америкой.

Звать и вещать тут не приходится. Перевози в Новороссийск фордзоны, как это делает Амторг.

Перед работниками искусства встает задача Лефа: не воспевание техники, а обуздание ее во имя интересов человечества. Не эстетическое любование железными пожарными лестницами небоскребов, а простая организация жилья.

Что автомобиль?.. Автомобилей много, пора подумать, чтобы они не воняли на улицах.

Не небоскреб — в котором жить нельзя, а живут.

С-под колес проносящихся элевейтеров плюет пыль, и кажется — поезда переезжают ваши уши.

Не грохот воспевать, а ставить глушители — нам, поэтам, надо разговаривать в вагоне.

Безмоторный полет, беспроволочный телеграф, радио, бусы, вытесняющие рельсовые трамваи, собвеи, унесшие под землю всякую видимость.

Может быть, завтрашняя техника, умильонивая силы человека, пойдет по пути уничтожения строек, грохота и прочей технической внешности.

Второе. Разделение труда уничтожает человеческую квалификацию. Капиталист, отделив и выделив материально дорогой ему процент рабочих (специалисты, желтые заправилы союзов и т. д.), с остальной рабочей массой обращается как с неисчерпаемым товаром.

Хотим — продадим, хотим — купим. Не согласитесь работать — выждем, забастуете — возьмем других. Покорных и способных облагодетельствуем, непокорным — палки казенной полиции, маузеры и кольты детективов частных контор.

Умное раздвоение рабочего класса на обыкновенных и привилегированных, невежество трудом высосанных рабочих, в которых после хорошо сорганизованного рабочего дня не остается силы, нужной даже для мысли; сравнительное благополучие рабочего, выколачивающего прожиточный минимум; несбыточная надежда на богатство в будущем, смакуемая усердными описаниями вышедших из чистильщиков миллиардеров; настоящие военные крепости на углах многих улиц — и грозное слово «депортация» далеко отдаляют какие бы то ни было веские надежды на революционные взрывы в Америке. Разве что откажется от каких-нибудь оплат долгов революционная Европа. Или на одной вытянутой через Тихий океан лапе японцы начнут подстригать когти. Поэтому усвоение американской техники и усилия для второго открытия Америки — для СССР — задача каждого проезжающего Америками.

Третье. Возможно, фантастика. Америка жиреет. Люди с двумя миллиончиками долларов считаются небогатыми начинающими юношами.

Деньги взаймы даются всем — даже римскому папе, покупающему дворец напротив, дабы любопытные не заглядывали в его папские окна.

Эти деньги берутся отовсюду, даже из тощего кошелька американских рабочих.

Банки ведут бешеную агитацию за рабочие вклады. Эти вклады создают постепенно убеждение, что надо заботиться о процентах, а не о работе.

Америка станет только финансовой ростовщической страной.

Бывшие рабочие, имеющие еще неоплаченный рассрочный автомобиль и микроскопический домик, политый пòтом до того, что неудивительно, что он вырос и на второй этаж, — этим бывшим может казаться, что их задача — следить, как бы не пропали их папские деньги.

Может статься, что Соединенные Штаты сообща станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела,— тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов».

Цель моих очерков — заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки.

«Рошамбо» вошел в Гавр. Безграмотные домики, которые только по пальцам желают считать этажи, на час расстояния гавань, а когда мы уже прикручивались, берег усеялся оборванными калеками, мальчишками.

С парохода кидали ненужные центы (считается — «счастье»), а мальчишки, давя друг друга, дорывая изодранные рубахи зубами и пальцами, впивались в медяки.

Американцы жирно посмеивались с палубы и щелкали моментальными.

Эти нищие встают передо мной символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской и всякой другой деньгой.

Мы ехали к Парижу, пробивая тоннелями бесконечные горы, легшие поперек.

По сравнению с Америкой жалкие лачуги. Каждый вершок земли взят вековой борьбой, веками истощаем и с аптекарской мелочностью использован под фиалки или салат. Но даже это презираемое за домик, за земельку, за свое, даже это веками обдуманное цепляние казалось мне теперь невероятной культурой в сравнении с бивуачным строем, рваческим характером американской жизни.

Зато до самого Руана на бесконечных каштанных проселочных дорогах, на самом густом клочке Франции мы встретили всего один автомобиль.

[*1925—1926*]

МЕКСИКА

Вера-Круц — порт Мексики.

Сюда подплывали открыватели Америки, отсюда в 1519 году напали на Мексику испанские завоеватели — войска генерала Кортеса. От этих маисовых полей к столице подымаются восстания революционных крестьян, в эту гавань вплыл и я.

Первое бросившееся в глаза — красное знамя с серпом и молотом на одном из домов пристани, — нет, это не отделение советского консульства. Этот флаг вывешивают на доме члены «союза неплательщиков за квартиру» — организация — гроза домовладельцев. Въехали, вывесили флаги и даже не интересуются вершками жилплощади.

Как непохожи носильщики — индейцы на героев Купера, легендарных (только на мексиканских плакатах оставшихся) краснокожих, горящих перьями древней птицы Кетцаль, птицы — огонь.

«Гачупин» — добродушное презрительное название (время стерло злобу) первых завоевателей Мексики — испанцев.

«Гринго» — кличка американцам, высшее ругательство в стране.

Кактусовый «пульке» — полуводка, полупиво, — это все что осталось от древней и ацтекской Мексики.

Памятник Гватéмоку, вождю ацтеков, отстаивавшему город от испанцев, да черная память о предавшем последнем индейском царе — Моктецуме.

Потом чехарда правительств. За 30 лет—37 президентов: Гваделупы, Хуэрты, Хуаэрецы, Диецы.

И сейчас стоит в тропическом саду Чапультапеке дворец генерала Кайеса.

Быть министром Мексики — доходная профессия; даже министра труда, «рабочего министра» — Маронеса рисуют не иначе, как с бриллиантами во всех грудях и манжетах.

Кроме таких «рабочих вождей», есть и другие — водители молодой коммунистической партии Мексики.

Через расстрелянного вождя крестьянской революции Запату к коммунисту — депутату Вера-Круц (недавно убитому президентскими бандами) Морено — один путь, одна линия борьбы за свободу и жизнь мексиканских рабочих и крестьян.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали по «независящим обстоятельствам» на американской границе):

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваши марши, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше 33» (калибр кольта).

Морено убили.

Но товарищи, стоящие рядом,— Гальван, делегат Крестинтерна, Карио — секретарь партии, Монсон и др. твердо верят и знают, что над мексиканским арбузом («зеленое, белое и красное» знамя Мексики введен «по преданию» отрядом, отдыхавшим после сражения, прельщенным цветами поедаемого ими арбуза), взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки.

[*1925*]

АМЕРИКАНСКОЕ КОЕ-ЧТО

Жителей в США миллионов сто десять. От Ларедо через Техас до Нью-Йорка — четверо суток курьерским. Вдоль. Поперек от того же Нью-Йорка до Сан-Франциско суток пять.

В такой стране надо жить.

А я только был — и то всего три месяца. Америку я видел только из окон вагона. Однако по отношению к Америке это звучит совсем немало, так как вся она вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким градусом новые линии новых железнодорожных компаний.

Три поезда. Один из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой 24, третий 20, и все называются одинаково — экспресс.

В экспрессах — люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так хладнокровней. В 9 часов вечера два негра начинают ломать дневной вагон, опускают выстланные в потолок кровати, разворачивают постель, прикрепляют железные палки, нанизывают кольца занавесок, с грохотом вставляют железные перегородки — все эти хитрые приспособления приводятся в движение, чтоб по бокам вдоль вагона установить в два яруса всего двадцать спальных коек под занавесками, оставив посредине узкий даже не проход, а пролаз. Чтоб пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать задами уборщиков, буквально с головой ушедших в постилаемую койку. Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона,

вдвоем, особенно с лестницей, влезая на второй ярус, почти не разминаешься, затем меняешься с ним местами и тогда обратно влазишь в вагон.

Раздеваясь, вы лихорадочно придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов раздевающихся напротив вас шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества юных христианских девушек.

Во время работы вы забываете прижать вплотную (по-египетски!) высовывающиеся из-под занавесок голые ноги, и проклинаемый пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С 9-ти утра начинается вакханалия разборки вагона и приводки вагона в сидящий вид. На остановках пассажиры выбегают, жуя на ходу корешки.

В сельдерее железо — железо полезно американцам. Американцы любят сельдерей.

На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа, вывески университетов, под ними площадки футболистов с разноцветными играющими, и техника, техника и техника.

В этой технике есть одна странная черта — внешне эта техника производит недоделанное впечатление.

Будто стройка, стены завода не фундаментальные — однодневки, одногодки.

Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные. Впрочем, это может объясняться трамвайным обилием.

Говорят из Нью-Йорка в Чикаго можно проехать только трамваем — без применения поездов. Огромные газовые вместилища, способные от спички взорваться и снести полгорода, кажутся неохраняемыми. Только на время войны была приставлена стража.

Откуда это?

Мне думается, от рваческого, завоевательского характера американского развития.

Американская техника, пожалуй, шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры техники, культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и решетки, и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой.

Мы ехали из Бикона (в шести часах автомобильной езды от Нью-Йорка) и попали без всякого предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владельцы участков мостили очевидно для себя и мало заботились об условиях проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после спроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление.

В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустье.

При всей грандиозности строений Америки, при всей недосягаемости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и вместительности и дома Америки в общем производят странное временное впечатление. Тем более, что рядом с небоскребом часто видишь настоящую деревянную лачужку.

На вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из какой-то другой вещи и подлежащий разрушению по окончании быстрой надобности.

Эта черта совсем отвратительно проступает в постройках, по самому своему существу являющихся временными.

Я был два часа на Раковей-бич (ньюйоркский дачный поселок — пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной формы.

Эти постройки, эти поселки — совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в самом мировом масштабе.

Вся Америка — Нью-Йорк в частности — в постоянной стройке. Десятиэтажные дома ломают, чтоб строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные — чтобы тридцати; тридцати — чтобы сорока.

Проносясь над Нью-Йорком в элевейтере, всегда видишь груды камней и других строительных материалов — слышишь визг сверл и удары молотов.

Американцы строят так, как будто дают спектакль — в тысячный раз разыгрывают интереснейшую, разученнейшую пьесу.

Оторваться от этого зрелища высшей ловкости и сметки невозможно.

На твердейшую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим, выгрызает и высыпает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы.

Посередине стройки вздымается фермчатый подъемный кран. Кран берет стальные трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто простудилась вся техника) в землю, легко — как обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на трубу, да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана подымают стальные стойки, и перекладины без всяких шероховатостей садятся на место. Только сбей да свинти!

Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к какому-нибудь двадцатиэтажному Кливландскому отелю, про который жители говорят: здесь ему тесно (совсем как в трамвае — подвиньтесь, пожалуйста), поэтому его переносят отсюда за десять кварталов к озеру.

Но ни временные, ни стандартизированные постройки не идут в сравнение с жильем низших по заработку рабочих.

Стандартизированный дачный домишко в сравнении с их жилищем — Зимний дворец. Я смотрел в Кливланде вытянувшиеся вровень с трамвайной рельсой хибарки негров. Негров с лежащих здесь же в безмерной канаве бесчисленных рокфеллеровских заводов масел.

Грязные, с выбитыми стеклами, заклеенными газетами, с покосившимися, слезшими с петель дверьми.

А главное без всяких надежд при теперешних американских условиях перелезть во что-нибудь лучшее.

Когда еще вырастут в миллионы коммунистов эти отделы рабочей партии?

Когда еще вырастут в солдат революции эти чикагские пионеры?

Когда, не знаю — но раз есть, то вырастут.

[*1926*]

СВИНОБОЙ МИРА

У чикагца, знаменитейшего сегодняшнего поэта Соединенных Штатов Карла Сандбурга, революционера американской поэзии, вынужденного писать о пожарах в богатейшей газете — тираж 3 000 000 — «Чикаго-Трибюн», так описывается Чикаго:

Чикаго,
Свинобой мира,
Инструментщик, сборщик хлеба,
Играющий железными дорогами грузчик страны,
Бурный, хриплый задира.
Город широких плеч...

«...Мне говорят: ты подл, и я отвечаю: да, это правда — я видел, как бандит убил и остался безнаказанным. Мне говорят, что ты жесток, и мой ответ: на лицах женщин и детей я видел следы бесстыдного голода. Бросая ядовитые насмешки за работой, все наваливающейся работой, — это высокий дерзкий хулиган на фоне хрупких городишек.

С непокрытой головой
роющий,
рушащий,
готовящий планы,
строящий, ломающий, восстанавливающий.

Смеющийся бурным, хриплым задорным смехом юности. Полуголый, пропотевший, гордый тем, что он режет свиней, производит инструменты, наваливает хлебом амбары, играет железными дорогами и перебрасывает грузы Америки».

В Чикагском путеводителе написано:

«Чикаго:

Самые большие бойни.

Самый большой заготовщик лесных материалов.

Самый большой мебельный центр.

Самый большой производитель машин.

Самый большой склад пианино.

Самый большой фабрикант железных печей.

Самый крупный железнодорожный центр.

Самый большой центр по рассылке покупок почтой.

Самый людный угол в мире.

Самый проходимый мост на земном шаре — Bush street bridge[1]».

Все самое, самое, самое...

Чем же это город Чикаго?

Чикаго (несмотря на все противоречия с официальными указателями) — столица Соединенных Штатов.

Не официальная столица, вроде Вашингтона, не показная «для втирания очков» столица, вроде Нью-Йорка!

Настоящая столица, настоящее сердце промышленности, наживы и вместе с тем сердце борьбы американского пролетариата.

А чтоб это сердце и выглядело настоящим кровавым сердцем, то главное биение жизни города — это живодерня, это бойня.

Одна бы из них и то затмила наши места убиенья скотов — а их десятки!

Свифт! Стар! Вильсон! Гамонд! Армор! Впрочем, это для виду. Фактически это части одного убойного треста. Только выставили разные вывески, чтоб обойти антитрестовский закон.

Король треста — Армор.

По Армору судите об остальных.

У Армора свыше 100 000 рабочих, одних конторщиков имеет Армор 10—15 тысяч.

400 миллионов долларов — общая ценность арморовских богатств. 80 000 акционеров разобрали акции, дрожат над целостью арморовского предприятия и снимают пылинки с владельцев.

---

[1] Мост улицы Баш (англ.).

Половина акционеров рабочие (половина, конечно. по числу акционеров, а не акций), рабочим дают акции в рассрочку — один доллар в неделю. За эти акции приобретается временно смирение остальных боенских рабочих.

Проводники по Арморовским предприятиям особенно упирают на этот пункт. Знаменитый тезис американских капиталистов: шеф — только компаньон своего рабочего.

Шестьдесят процентов американской мясной продукции и 10% мировой дает один Армор.

Консервы Армора ест весь мир.

Любой может наживать катар.

И во время мировой войны на передовых позициях были консервы с подновленной этикеткой. В погоне за новыми барышами Армор выпускал 4-летние консервированные яйца и двадцатилетнее мясо — добрый призывной возраст.

Чикагские бойни — одно из гнуснейших зрелищ моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длиннейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности мировых свиней. Визг, мычание, блеяние,— неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищемят сдвигающимися скалами, — стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерма миллионов скотов.

Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением. Разных сортов и калибров мухи с луж и жидкой грязи перепархивают то на глаза коровьи, то на ваши.

Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот.

Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел.

Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев.

Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за их живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь — они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье

горло. По нескольку тысяч свиней в день режет каждый — хвастался боенский провожатый.

Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники — и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира.

Минут пятнадцать едем полным ходом по мосту арморовской компании.

Проводник по Армору с восторгом давал мне материал об Арморе. Реклама! А упоминание об отсутствии спроса на их консервы в СССР вызвало чуть не слезы уныния.

[*1926*]

АМЕРИКА В БАКУ

Баку я видел три раза.

Первый — восемнадцать лет назад. Издали.

За Тифлисом начались странные вещи: песок — сначала простой, потом пустынный, без всякой земли, и наконец — жирный, черный. За пустыней — море, белой солью вылизывающее берег. По каемке бéрега бурые, на ходу вырывающие безлистый куст верблюды. Ночью начались дикие строения — будто вынуты черные колодезные дыры и нáскоро обиты доской. Строения обложили весь горизонт, выбегали навстречу, взбирались на горы, отходили вглубь и толпились тысячами. Когда подъехали ближе, у вышек выросли огромные черные космы, ветер за эти космы выдрал из колодцев огонь, от огня шарахнулись тени и стали качать фантастический вышечный город. Горело в трех местах. Даже на час загнув от Баку к Дербенту, видели зарево.

Промысла горели всегда.

Второй раз я видел Баку в 13-м.

Несколько часов — от лекции до поезда. Меня повели смотреть город; Каспийское море, сажают бульвар, театр Маилова, Девичья башня, парапет.

— Нельзя ли на промысла? — заикнулся я.

— Бросьте! — отвечали мне. — Чего же там смотреть! Черный, грязный город. Промысла тоже — грязь да нефть. Вот разве что ночью — когда фонтаны горят...

Сейчас первый же встречный спросил:

— Вы видали промысла?

Второй:

— Вы уже были в черном городе?

— Как вам нравится Разинский поселок?

— Вот побывайте на заводе Шмидта...

— Посмотрите ленинские...

И т. д., и т. д.

Весь интерес города вертится вокруг промыслов. Не только интерес добычи и прибыли, а весь интерес внимания, культуры, подъема.

Черный город.

Сейчас уже название «Черный» стареет.

Сносятся мелкие отсталые заводики раньше конкурировавших фирм, и вся строительная энергия бросается на расширение, укрепление больших, по последнему слову оборудованных заводов вроде бывшего Нобеля. Железный и стальной лом свозится на фабрику Шмидта, и снова пойдут в работу раньше негодные миллионы пудов. Вместо отечественных лачуг с паршивым «дымом отечества» выводятся и растут рабочие поселки, с домами в террасах, с электричеством, на газе. В Разинском, в Романинском и Балаханском поселках уже исчезли чернота и дым.

И Черный и белеющий город, — конечно, не случайность и не благотворительность. Это — отражение, это— продолжение способов добычи нефти.

В изумлении хожу по промыслам.

Вот старая желонная вышка. Прабабка грязи и копоти черного поселка.

К ней не то что не подойти в галошах, к ней в лодке не подплывешь.

Высоченная обитая дверка для подъема и спуска желонки (желонка — длинная труба-ведро и на 6 и на 8 пудов нефти). Чтоб выволочь ее из скважины, тарахтит машина вроде пароходной лебедки, и 4—8 человек возятся вокруг всей этой ахинеи, опускают желонку, потом человек на верхушке смотрит, чтоб её вздернули на нужную высоту; двое, раскачивая, подводят ее на нефтяной бак, и она выплевывает густую грязную жидкость и в бак, и в лицо, и на одежду, и в окрестности. С перерывами течет по открытым желобам в ожидании окурка незащищенная нефть.

Разве раньше можно было привести этот мрак в порядок? 200 хозяев и хозяйчиков конкурировали, дрались и расхищали нефть на этом маленьком клочке земли.

Расхищали, потому что рвачески выбиралась нефть, заливались водой из экономии неукрепленные скважины.

Высшее счастье — фонтан. Полмиллиона пудов нефти выкинет он в день — это 200—300 золотых тысяч Манташевым, Тамамшевым, Нобелям. И если у одного забил фонтан, сосед лихорадочно начинает рыть рядом, тут не до американизации добычи, тут не до укрепления. Фонтан надрывался, дав полмиллиона пудов в день и иссякнув, тогда как в правильные месяцы он дал бы миллионы пудов. Экономия? Экономия? Экономия на удобствах, на рабочих жилищах.

Снимайте галоши, выпустите кончики белого платочка и в кремовых (если хотите) брюках шагайте на сегодняшние промысла.

Низенькое игрушечное здание — просто комната с красной крышей. На высоте аршина от земли щель, из щели длинные железные тонкие лапы, дергающие рычаг глубокого насоса, без остановок выкачивающие нефть в глухие трубы, из труб — в крытый бак. А под крышей мотор сил в 60 (а раньше 90 сил на одно тартание) вертит групповой прибор, сосущий сразу нефть из двадцати скважин. По вылизанному полу ходит всего один человек, да и тот может выйти без ущерба хоть на два часа. До революции попробовали глубокие насосы и бросили — слишком долгий способ. Сразу разбогатеть веселее. Осталось 10—12 насосов.

А групповых, «коллективных» приборов — ни одного. Куда ж заводчикам сообща, — передерутся. А сейчас 40 групповых приборов, да еще и приборы-то сами на нашем заводе на 50% сделаны, а первые шли из Америки. Глубоких насосов 1200, и гордостью стоит тысячная «вышка» на промысле Кирова, оборудованная в честь XV бакинской партконференции. Это из общего количества 2350 работающих вышек. Еще полторы тысячи скважин ждут своей очереди.

Ненужный дорогой лес вышек снимают, везут на другие стройки.

Делалось не сразу.

Ощупью, понаслышке конструировали машины, стоящие по Америке. А когда дорвались до американских, увидели, что наврали мало, а кой в чем и превзошли свои стальные идеалы.

[*1926*]

КАК Я ЕЕ РАССМЕШИЛ

Должно быть, иностранцы меня уважают, но возможно и считают идиотом,— о русских я пока не говорю. Войдите хотя бы в американское положение: пригласили поэта,— сказано им — гений. Гений — это еще больше чем знаменитый. Прихожу и сразу:

— Гив ми плиз сэм ти![1]

Ладно. Дают. Подожду — и опять:

— Гив ми плиз...

Опять дают.

А я еще и еще, разными голосами и на разные выражения:

— Гив ми да сэм ти, сэм ти да гив ми, — высказываюсь. Так вечерок и проходит.

Бодрые почтительные старички слушают, уважают и думают: «Вон оно русский, слова лишнего не скажет. Мыслитель. Толстой. Север».

Американец думает для работы. Американцу и в голову не придет думать после шести часов.

Не придет ему в голову, что я — ни слова по-английски, что у меня язык подпрыгивает и завинчивается штопором от желания поговорить, что, подняв язык палкой серсо́, я старательно нанизываю бесполезные в разобранном виде разные там О и Ве. Американцу в голову не придет, что я судорожно рожаю дикие, сверханглийские фразы:

— Ес уайт плиз файф добль арм стронг... —

---

[1] Дайте мне, пожалуйста, стакан чаю.

И кажется мне, что очарованные произношением, завлеченные остроумием, покоренные глубиною мысли, обомлевают девушки с метровыми ногами, а мужчины худеют на глазах у всех и становятся пессимистами от полной невозможности меня пересоперничать.

Но леди отодвигаются, прослышав сотый раз приятным баском высказанную мольбу о чае, и джентльмены расходятся по углам, благоговейно поострivая на мой безмолвный счет.

— Переведи им, — ору я Бурлюку,— что если бы знали они русский, я мог бы, не портя манишек, прибить их языком к крестам их собственных подтяжек, я поворачивал бы на вертеле языка всю эту насекомую коллекцию...

И добросовестный Бурлюк переводит:

— Мой великий друг Владимир Владимирович просит еще стаканчик чаю.

Ладно.

Дома отговорюсь.

Я поговорю!

Я поговорю так, что обхохочется не знавший улыбки редактор «Крокодила», я поговорю так, что суровые судебные исполнители, описывающие мебель за неуплату налога, мебель вдовы, голодной старушки,— эти суровейшие чиновники, рискуя потерять службу, будут прыскать со смеху, вспоминая мои слова.

И вот я дома.

Вы поймете меня.

С разинутым ртом, с уже свисающим с губы словом бросаюсь всюду, где есть хоть маленькая надежда поговорить.

С риском возбудить фантастические подозрения, ввязываюсь в меланхолические разговоры выворачивающих сундучки пограничников; встреваю в семейный спор красноармейца и его бабы и, моментально заставив их замолчать, обращаю семейство в бегство; весь в ораторском напряжении, я стою поперек вагонного коридорчика, готовясь на первого вышедшего обрушиться всеми залежавшимися вопросами и ответами.

Оратору поезд, идущий из-за границы, плохая пожива. Направо в купе японцы, и язык у них японский; налево —

француз безмолвный, все шире и шире открывающий испуганные глаза с каждым новым километром российского снега.

Лишь одно купе показалось мне подозрительным по возможной русскости, и я повел организованную осаду.

Час тому назад прошмыгнул человек в кашне, весело проорав, ни к кому не обращаясь:

— Они дают 15 градусов мороза, не вижу десять!

Кто ему дает? Почему 15? Отчего он не видит? Ничего не понятно.

Проорал, захлопнул дверь и набросил цепочку.

Еще через час задверный храп убедил меня ослабить осаду. Я поспал на скорую щеку и в 7 утра уже стоял на посту.

В одиннадцать распахнулась дверь, и появилась женщина, запахнутая в три пары всего заграничного.

Она держала в руках огромную зубную щетку, хотя золото, кажется, лучше чистить замшей.

Женщина деловито обратилась ко мне:

— Кто есть в уборной?

На это я не приготовил ответа и как-то замялся плечами.

— Не заметили? — сказала женщина с таким презрением, что я до Москвы уселся на свое место. Отучился говорить. Крыть нечем. Я ехал из Нью-Йорка, как-то не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару. Все-таки я буду говорить.

Я буду говорить с казаками и казачками. Краснодар — это столица Адыгеи, не коридор, не бездарный коридор интернационального, видите ли, общества спальных вагонов.

Уже скопились за день слова и фразы, уже я обернул их так, что должны, не могут не смеяться любые носители русских безграничных слов.

На первом встречном,— говорил я себе, взволакивая чемодан на второй этаж Первой советской гостиницы,— на первом встречном — испробую я веселящую силу слова.

В 8 часов утра в гостиницах еще пусто, но я пережал весь тариф звонков, обозначенный в белой, прислюненной к стенке бумажке.

Пришла молодая, красивая, большая женщина.

— Дайте чаю, — сказал я, справедливо рассчитывая вовлечь ее в разговор, используя посудную волокиту.

Надо расположить ее к себе. Помогая поднять самовар, я уже весело спрашивал:

— Вы по-русски разговариваете? или по-адыгейски?

— Чего? — переспросила она.

— А то вот я из Украины, там столб: направо писано «Бахмач» для русских, и налево такой же самый «Бахмач» — только для украинцев.

— Чтоб не запутались, — согласилась она сочувственно.

— А в вашем городе есть и улица Энгельса и переулок Луначарского?

— Это которые? — спросила она.

Видя несоответствие реплик, я перешел на бытовые темы.

— Шашлыку мне вчера в духане не дали, говорят, неурожай барашков.

— Барашки, правда, не уродились,— согласилась она, уже покончив с посудой, повидимому, недоумевая и силясь понять, куда я клоню разговор.

— В вагоне,— продолжал я, повышая голос и теряя самообладание,— ко мне человечка посадили, маленький, а копун, утром полчаса одевается. Я ему говорю: чего возитесь? Это мне трудно одеваться, а вам что — брючки у вас крохотные!

Женщина вспыхнула, насупилась и сказала грубо:

— Оставьте насчет штанов и их снимания, я член профсоюза, — сказала и вышла, хлопнув дверью.

Озлобленный и униженный, я расстелил мой каучуковый таз-ванну, тяжелыми шагами пошел в уборную и, не доходя до прислужьей комнаты, крикнул в пространство:

— Ведро холодной воды в 16-й номер!

Возвращаясь из уборной, я вдруг встал. Встал, как вкопанный. Несся смех. Этот смех несся из моего номера. Я поднялся на цыпочки и пошел, как лунатик, к цели, к щели. Я хочу видеть того, я хочу пожать руку тому, кто сумел рассмешить эту памятниковую женщину.

Завистливый, уткнулся я в дверную расселину. Женщина стояла над моим каучуковым тазом, женщина уперлась в таз слезящимися от смеха глазами и хохотала. Хохотала так, что по ванной воде ходили волны, и не свойственные стоячим водам приливы и отливы роднили таз и море.

В этот день я понял многое: и трудность писательского ремесла, и относительность юмора.

[1926]

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Превращусь
не в Толстого, так в то̀лстого,—
ем,
пишу,
от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.
Вчера
океан был злой,
как черт.
сегодня
смиренней
голубицы на яйцах.
Какая разница?
Все течет...
Все меняется.
Рассыпается волна
и опять взбухать.
Горою кажется
на этаком расстоянии.
Тут и водоросль,
и вода,
и прочая труха —
обрастание!
Есть у воды своя пора,
часы прилива,
часы отлива.

А у Стеклова
вода
не сходила с пера.
Несправедливо.
Дохлая рыбка
плывет одна.
Висят плавнички,
как подбитые крылышки.
Плывет недели,
и нет ей ни дна,
ни покрышки.
Волны
друг друга
лупят плашмя́.
И так и этак,
то всыпят, то высыпят,
и вновь водословят,
звеня и шумя...
Диспут...
Это кит, говорят.
Возможно и так.
Вроде рыбьего Бедного —
обхвата в три.
Только у Демьяна
усы наружу,
а у кита
внутри.
Годы — чайки.
Вылетят в ряд —
и в воду —
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
рос,
кормили соскою,—
жил,
работал,
стал староват...

Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

Этот стих — скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и вашей, товарищи поэты, мясом злободневных строк. Так строки про «обрастание» и «диспут» — новы. Другие — устаревшие — вычеркнуты. Таковым скелетом, например, была моя «Схема смеха».

В. М.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ПЕРВЫЙ ПЕРВОМАЙ

откуда повел рабочий класс 1-е мая в первый раз

I

В Америке
сорок годов назад,
когда в России
еще не светало,
уже яснели
рабочие глаза
на жирную
власть капитала.

В штате Техасе
и в штате Миссури,
там, где уголь,
нефть и руда,
глухо копились
рабочие бури
в Американской
Федерации труда.

Раньше,
с буржуем боясь задираться,—
с зари до зари
работал бедняк.

Но вот,
решил Совет Федерации:
восемь часов
рабочего дня!

Новым порядком
старый ломая,
чтоб право на отдых
добыть труду,
решили бороться с первого мая
в восемьдесят шестом году.

Хозяевам
внове такая отвага;
стремясь забастовку
сломить вконец,
против рабочих
ими в Чикаго
были пущены штык и свинец.

Тогда-то,
запомнив кровавую баню,
узнавши,
как пули
звенят и свистят,
рабочие
снова
без колебанья
за павших
поднялись
два года спустя.

Их масса
меньше уже слоится,
гудки к забастовке
дружнее гудут:
назначил стачку
конгресс в Сан-Луисе
на 1-е мая
в 90-м году.

Хоть это и было
событием местным,
волненье рабочих
росло и росло,
и стало
далёко повсюду известным,
и красным
сделалось
это число.

Из штата в штат
его переносят
сутулые плечи
борьбы и труда,—
и вот —
и в Детройте
и в Иллинойсе
сгасают мартены,
молчат привода.

II

В Париже
за год до этого срока
был созван
международный конгресс.

В нем —
гнева рабочего
будущий рокот,
он :—
бури грядущей
дыханьем согрет.

Здесь классовый разум
взвивал
свое пламя,
пути освещая
великой вражде:

на нем —
знаменитейшими умами
представлены силы
тогдашних вождей:

Из Франции —
Гэд;
от Германии —
Бебель;
от Австрии —
Адлер;
суровая рать;
и наши
российские
топи да степи
Плеханов с Лавровым
пришли представлять.

И по предложенью
француза Лявúня,
чтоб воля трудящихся
стала видней,
Конгресс
постановление принял
о международном
рабочем дне.

А так как сказано
было выше,
что к 1-му мая
призвал Сан-Луúс,—
решили,
чтоб всюду рабочий вышел
в тот день
демонстрировать
силы свои.

Француз Трессó
сказал, что постольку
манифестации
хороши,

поскольку
всеобщая забастовка
мир
буржуазии
устрашит.

И вот,
когда — казалось бы — вспыхнет
в рукоплесканиях
бурных зал,
от Германии
Вильгельм Либкнехт
вышел
и слово «против»
взял.

Он — был против
немедленных действий,
против
возможности их провести.
Так
на заре партийного детства
порыв борьбы
осторожно стих.

Либкнехт искренне
предан долгу,
давит собрание
доводов пресс,
и —
всеобщую забастовку
большинством
отвергает конгресс.

III

Красный флаг
над миром вздымая,
свежий ветер
повсюду струя,

все же родилось
Первое Мая —
праздник рабочих
во всех краях.
Но —
постановленье конгресса —
как над ним головы ни ломай, —
отвергнувши стачку,
лишило веса
в первые годы
Рабочий Май.

Ему суждено
еще долго остаться
мирной маевкою
у леска...
Но даже и этаких
манифестаций
мир буржуазный
не допускал.

Везде шуцмана,
жандармы,
констэбли,
рабочих
расстроив,
сквозь ряды
бегущие толпы
косили, как стебли,
чтоб после
над ними ж
строить суды.

В Европе
в течение первых лет
кой где лишь
гремят первомайские
песни.
В Германии —
праздник сведен на нет;

на то воскресенье,
празднуй «воскресник».

Чтобы
не прерывать на богатых работ,
чтоб
не дремало в котлах кипенье,
переносят
от сред и суббот
1-е мая на воскресенье.

В Англии
действуют
доводы те же:
нельзя допускать
рабочий прогул,
праздник рабочий
и здесь обезврежен
на радость
классовому врагу.

И только по Австрии
волнами стачек
рабочий протест
разливался горячий.
Вот он —
первого мая исход:
Первое Мая
в первый год.

IV

Теперь посмотрим —
что было в России.
Еще не проснулся
огромный край,
в нем
рабочий
еще бессилен

и так же бессилен
1-й Май.

Но, как ни крепко
жандармы держали
Россию
под властью слепой и тупой,
лозунг
«долой самодержавье»
взлетает вскоре
над майской толпой.

И чем в России
мрачней и беднее,
чем больше
смяли
рабочих права —
тем чаще
горят и трепещут над нею
в процессиях майских
эти слова.

И вот в девятьсотом,
вспыхнувши ярко,
казацкою лавою
окаймлен,
встает
железнодорожный Харьков,
из красных рубашек
наделав знамен.

За первою вспышкой —
вторая и третья.
Тифлис и Варшава,
Минск,
Батум.
Ими
Россия готовилась встретить
славные битвы
в пятом году.

Год
незабываемый этот
рабочим запомнился
хорошо...
И говор про русский
действенный метод
майской грозой
по Европе прошел.

И
хотя во 2-м Интернационале
«покорность судьбе»
была привита —
станки
мертвò по заводам стояли,
и красный флаг
в городах трепетал.

V

С годами
крепла
закалка суровая,
окончены дни
страды боевой.
Теперь,
у леса
полян не своровывая,
открыто празднуем
праздник свой.

Но, выйдя на улицу,
мы вспоминаем,
что чем рабочих
ряды тесней,
чем больше их сдвинуто
Первым маем,
тем ближе
планета
к рабочей весне.

Напрасны
в Европе
цепи тугие,
напрасны
крепкие двери тюрьмы:
мы знаем,
сделают то же другие
в каждой стране,
что сделали мы.

Пусть пролетарии,
в майском потоке,
в общем движеньи
силу растя,
припоминают,
что здесь,
на востоке,
вместе шагают
Май и Октябрь.

VI

Четок их шаг
и песня вольна —
слушай ее,
за страною страна.
Жуликам наций
разнообразных
не по душе
пролетарский праздник.

Для жен их пудреных,
одеколонных —
мало поэзии
в наших колоннах.
Но, плечи сомкнув,
за рядом ряд —
идет к победе
пролетариат.

Нэпманы смотрят —
щурятся еле:
«Эти процессии
нам надоели,
как в позапрошлом
и прошлом
годе,
ходят,
глазами мозоля,
и ходят».

Мимо их злобы,
за рядом ряд —
идет к победе
пролетариат.

Графы,
маркизы,
бароны,
синьоры,
скройтесь скорее
в семейные норы!
К яркому солнцу
зрачки ваши слабы,
ниже надвиньте
цилиндры
и шляпы.

Полымем вея,
за рядом ряд —
идет к победе
пролетариат.

Лица заройте
в квартирные плюши,
уши
заткните
плотнее и глуше!
Чтоб
ни одной не осталось
щёли —

окна пускай
занавесит челядь.

В ногу шагая,
за рядом ряд,
идет к победе
пролетариат.

Слушайте, лорды,
банкиры,
синьоры!
Вам не в помощь
замки́ и затворы.
В сейфы запретесь
тройными ключами —
солнце прощупает
сейфы лучами.
Слишком упорно,
за рядом ряд —
идет к победе
пролетариат.

Этот затвор
не надежен,
не крепок;
лучшая крепость —
в фамильных склепах.
Там, превращаясь
в пепел и в плесень,
этих
вы не услышите
песен.

Там не слыхать,
как
за рядом ряд
идет к победе
пролетариат.
Там,
средь могильного
тлена и праха,

успокоенье —
от злобы и страха.
Можно грозиться,
челюсть ощерив:
солнце
не тронет
оскаленный череп.
Вас,
отошедших
в наследное лоно,
майская
даже не вспомнит колонна.
Путь свой наметив,
за рядом ряд —
движется дальше
пролетариат.

Ты же,
земля заалевшая,
здравствуй,
здравствуй
и властвуй!
Жги границы
стран и наций,
огонь демонстраций.
Выше краснейте,
лучи и знамена,
вал повернувши
многоремённый.
Год за годом,
за рядом ряд —
шествуй,
победный
пролетариат!

[*1926*]

ЧАСТУШКИ ДЛЯ КНИГОНОШ

1

Подходи-ка, де́вица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка!

Без науки нынче жить —
на печи коптиться!
Эй, прочтите, как ходить
за домашней птицей!

Я — с котомкой на плече
сквозь поля и просеки...
Книжки есть о саранче
и о долгоносике!

Ты купи, товарищ, вот
книжечку про борова,
и, увидишь, боров тот —
разжиреет здорово!

А не купишь,
друг родной,—
то слезу просачивай!
Боров вырастет — худой,
роста поросячьего!
Вот вам книжечка про пчел,
сел за чаем и прочел.

Кто прочтет,
да кто поймет,
тот — вдвойне
получит мед!

Есть книжоночки в коробке
про дела коровьи —
очень важно для коровки
охранять здоровье!

Ой, от груза у меня
аж болят подмышки!
Подходите, ребятня,
покупайте книжки!

Ты — мальчонка
в самый раз,
позови родителей
и скажи,
что есть у нас
книжки про вредителей!

Я скажу, ребята,
кстати —
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели —
книжные создатели!

2

Подходи-ка, дéвица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка.

Что ты встал березняком?
Будем, парень, в дружбе!
А с законом ты знаком
о военной службе?

Эх, не выучил, браток!
Что ж, почти задàрма
книжку дам тебе про то,
что такое армия.

Что, товарищ, обомлел?
Что стоишь —
суконный?
Посмотри-ка
о земле
разные законы!

Разбирай мое добро,
тута книжки разные,
про Советы есть
и про
страны буржуазные.

Книжка есть про Рыкова,
есть и про Калинина,
кто Коммуну выковал,
кем Коммуна вклинена.

Пользы — пуд, а стоит грош,
что стоишь, как камень ты,
что ты книжку не берешь?
Али ты неграмотный?

Забирайте веселей
книжку, покупатели,
о политике в селе
большевистской партии.

Ты, парнишечка, с умом,
мускулы — железные,
почитай про комсомол
книжечку полезную!

Будешь глуп — твоя вина,
спрашивать и нé с кого.
Вот вам книжка для звена
да для пионерского.

Я скажу, ребята,
кстати —
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели —
книжные создатели!

3

Подходи-ка, де́вица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка!

Выходи на книжный рынок
да гляди внимательно!
Покупай себе новинок
самых замечательных.

Книжка — солнце в небосводе!
Венчана не венчана —
прочитай-ка о разводе,
дорогая женщина.

Нынче — ново времечко,
девки да парнишки!
Не грызите семечки,
а грызите книжки!

Чем впустую спирт глушить,
взяли книжку вы бы,
стоит книжечка гроши,
в рупь от книжки прибыль!

Кто таковские попы,
ясно в библио́теке —
треснут со̀ смеху пупы,
заболят животики!

Если каплют слезы с глаз,
щеки — цвета бледного,
то для смеха в самый раз
стих Демьяна Бедного!

Я гуляю да пою,
веселá частушка,
книжки разные даю
по копейке штучка!

Коль купчина частный вам
очень опротивел —
я сейчас книжонку дам
о кооперативе!

Если хочешь умным стать,
хочешь стать сознательней —
прочитай-ка про Христа,
про богов-создателей.

В наших книжках
нет ни яти,
ни фиты, ни ижицы,
ну-ка, братец
покупатель,
навались на книжицы!

Я скажу, ребята,
кстати —
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели —
книжные создатели!

[*1926*]

СТИХИ И КАРТИНКИ ЭТИ ВОТ ПРО СТРЕЛОЧНИКОВ И ЛЕСОПИЛЬНЫЙ ЗАВОД

Теперь проедем
в дождь трамваем...
Народ у трамвая
дождем омываем.

Стрелочник всегда
торчит на посту.
Дождь ли,
мороз ли —
стой! не бастуй!

И если случается
хоть малюсенький дождь —
вымачивает стрелочника
вдрызг
и в дрожь.

В дождь не поможет
ни молитва, ни плач;
лучшая помощь —
брезентовый плащ!

Какой же может быть
вывод из этого?
Выдать
стрелочникам
плащи брезентовые!

Казалось бы — просто!
Но хозяйственники-разини
взяли и выдали
плащи на резине.

Плащ не пропускает
водицы дождевой.
Но стрелочник,
избавясь от внешних купаний,
стоит
и исходит, еле живой,
паром,
как в страшно распаренной бане.

Преет и мается,
шапку насупив,
и мокнет,
и мокнет,
как клецка в супе.

В чем же дело?
В чем же загвоздка?
Резиновый плащ
не пропускает воздýха,

и пот
до того возмутительно прет,
что шуба дымится,
как горячий пирог.

А шубе стоит пóтом упиться,
и через год —
не шуба — тряпица.
А шуба —
тоже казенная,
кстати...
Как же
хозяйственников
не упрекнуть в растрате,

когда из-за этого
тыщи четыре
улетучатся запахом нашатыря!

Хозяйственник!
Не гляди на рабочих Кащеем,
выдай немедленно
брезентовых плащей им.

Вреден
для республики
пальцев разжим
в деле —
над рабочими — заботы и опеки.
Товарищи!
Уничтожьте
бессмысленный режим,

режим экономии на рабочей копейке.

По шоссе Ленинградскому,
грязному,
пыльному,
подъедем теперь к заводу лесопильному.

На 11-ой версте —
завод «Братуево».
А ну, «Рабочая Москва»,
ату его!

Хозяйственники
для этого завода несчастного
старый двигатель
купили у «частного».

Работающие
над починкой двигателя
глаза от удивления выкатили:
двигатель внутри, как гнилой орех —
и смех
и грех!

И зря
рабочее время соря,
над этим двигателем
потели слесаря.
Хозяйственники
ходят с экономной рожей,
а двигатель
выходит
нового дороже.

И на заводе, где пилят бревна,
тоже не всё гладко и ровно.

Напилят доски,
свезут на склад
и скажут,
бросив на доски взгляд:

— Не годятся,
очень узки́,
вези обратно,
пили бруски...
А результат простой:
где 3-х,
где 4-х-часовый простой.

Решенье огульное:
штрафовать рабочих
за часы прогульные.

И выгнали...
Безработный голодает и воет,
а на заводе —
простоев вдвое.
И выходит —
не рабочие,
а хозяйственники виноваты ..
Очевидно, уши у них длинноваты.

[1926]

ВАРИАНТЫ
И
РАЗНОЧТЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ[1]

Испания (стр. 7)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ):

19—20 I от цветов толпа горит
II чернь волос в цветах горит
34—36 Вскрики пенье страсти

Газ. «Новый мир», «Нью-Йорк», 1925, № 71, 14 августа:

11 чешет по-испански

«Избранное из избранного»:

38 Как собаке здрасте

6 монахинь (стр. 9)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

11—13 I И сзади и спереди одина<ковые>
II И сзади и спереди ровные как веревка
III И сзади и спереди ровней чем веревка
14—16 I Как на вешалке шали на плечах висят
II Шали как на вешалке на плечах висят
III Шали как с гвоздика с плеч висят
28—30 рот мой раздерет зевота
32—34 Трезвые и чистые как раствор борной
37—38 I пообедав вместе скрываются в уборной
II пообедав сообща скрываются в уборной
39—40 одна зевнула зевает шесть
52—54 в раю ужо отоспят лишек
76—78 I и снова идет бого<мольный>
II и снова идет елейный скулеж

[1] В составлении свода вариантов к стихам об Америке принимал участие Л. А. Шилов.

85—89 I если вы народ то кто тогда вороны
II если люди вы то кто ж тогда вороны
90—92 I а если вы вороны то почему вы не летаете!
II а если вы вороны почему вы не летаете!
95—96 I обойдите весь земной религиозный шар
II весь земной обревизуйте шар
106—107 I меж таких повесишься с тоски
II гарантирую повесишься с тоски.

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 16, 31 августа:

Заглавие Монашки
32—34 Трезвые,
чистые
(как раствор борной)
52—54 (В раю
ужо отоспят лишек).
76—78 и вновь
идет
елейный скулеж.
107—108 Гарантирую
повесишься с тоски.

«Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»:
82 *отсутствует.*

Атлантический океан (стр. 12)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
3—4 I а стены зубцами пил
II а стены зубьями пил
13—15 I вобрал пароход якоря и понесся
II сопя вобрал якоря и понесся
16—17 I и горы Европы исчезли мельчась
II Европа ушла мельчась
18—20 I пошли по бортам водяные глыбы
II стек<ают>
III бегут по бортам водяные глыбы
25—26 I а вокруг вода.
II а кругом вода.
27—28 I неделями грудью своей атлетической
II столетья грудью своей атлетической
III недели грудью своей атлетической

29—30	I	от Гавра до Вера-Круц до Гаван
	II	от Гавра и до Гаван
	III	от Гавра и до Вера-Круц до Гаван
	IV	пьян в лоскутья как стелька пьян
	V	то в лени то в яри то трезв то пьян
	VI	то работяга то в стельку пьян
31—33	I	вздыхает и хрипит атлантический
	II	вздыхает и гремит атлантический
41—42	I	у-у ух, у-у ух
		сунься попробуй который сух
	II	У-у ух
		выходи который сух
	III	Выходи сухой
		сварю ухой
45—46	I	живут и ладно
	II	не трону ладно
56—58	I	чтоб еще октябрь
	II	вон пошло идет слилось и загромило
59—61	I	вода неподвижно лежит сквозная
	II	вода неподвижно лежит как сквозная
	III	и снова вода присмирела сквозная.
70—71	I	и гвардия пен⟨ы⟩
	II	и гвардия капель воды партизаны
75—76		до неба метнутся падают заново
78—79	I	и снова верстой вознесут одного
	II	и снова верстой вознесли одного
	III	и снова капли спаялись в одно
	IV	и снова вода [спаялась] в одно
	V	и снова спаялись воды в одно
80—82	I	безмолвным согласьем крест⟨или⟩ вождем
	II	безмолвным согласьем назвали вождем
	III	велев волне
	IV	волне повелев разбурлиться вождем
83—85	I	И каждой волнишке вокруг от него
	II	И прет волнища с под туч на дно
86—88	I	Приказы и лозунги сыпет дождем
	II	Приказы и лозунги блещут дождем
	III	Приказы и лозунги сыплет дождем
89—91	I	И волны клянутся всеводному ВЦИКУ
	II	И волны клянутся всеводному ЦИКУ
92—93		оружье бурь до победы не класть

94—95 I И вот победили экватора циркуль
II Даешь победили экватору в циркуль
96 I Советов капель огро⟨мная⟩
II Советов капель бескрайняя власть
109—111 I под трапом с палубы свисшим мостком
II под трапом свисшим прозрачным мостком
118—120 I дворцом заплетают кор⟨аллов⟩
II дворцом растет кораллов плетенка
131—133 но враг не сунется в тучи сторожко
134—136 глядит не моргнув атлантический глаз
139—140 I то воешь облитый пеною ран
II то стонешь облитый пеною ран
141—143 смотрю и смотрю и всегда одинаков
144—145 любим и близок мне океан
146—148 навек твой грохот удержит ухо
149—151 I в глаза б тебя опрокинуть рад
II в глаза тебя опрокинуть рад
152—155 I по крови гудящей, по грозному духу
II по шири по делу по крови по духу
156—157 I моей революции младший брат
II моей революции старший брат.

Беловой автограф 1925 г. (БММ):

77 порфиру пены в клочки изорвав
109—111 I под трапом
свисшим
аж⟨урным⟩ мостком
II под трапом
свисшим
прозрачным мостком
134—136 глядит
не моргнув
атлантический глаз
141—143 Смотрю и смотрю
и всегда одинаков
144—145 любим
и близок мне океан
146—148 Навек
твой грохот
удержит ухо.
152—155 по крови гудящей
по грозному духу

Машинописная копия с авторской правкой (архив газ. «Известия ЦИК») и газ. «Известия ЦИК», М. 1925, № 185, 15 августа:

77 Порфиру
пены
в клочки изорвав.
109—111 Под трапом
свисшим
прозрачным мостком.
121—122 чтоб легче
жилось
рабочей китихе
123—124 с китом трудовым
и дошкольным китенком.
131—133 Но враг не сунется:
в тучи сторожко
134—136 глядит,
не моргнув,
атлантический глаз.
137—138 то стонешь
в блеске
лунного лака,
139—140 то стынешь,
облитый
пеною раи.
144—145 любим
и близок мне океан.
146—148 Навек
твой грохот
удержит ухо.

Фонографическая запись авторского чтения (БММ):

18—20 Встают по бокам водяные глыбы
144—145 любим
и близок мне океан
146—148 Навек твой грохот удержит ухо

Мелкая философия на глубоких местах (стр. 17)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

3—5 I Ем строчу от жары балда
II Ем пишу от жары балда.

11—13	I	Сегодня смиренный как голубица на яйцах
	II	сегодня смиренней голубицы на яйцах
17—19	I	У моря есть своя пора
	II	Есть у воды своя пора.
22—24	I	а у Стеклова вода не сходит с пера
37—39	I	Пароход ползет из Мексики а мы туда
	II	Пароход из Мексики а мы туда
50—51		Годы как чайки вылетят в ряд
57—59		Родился рос кормили соскою.

«Красная газета» (вечерний выпуск), Л. 1926, № 117, 2 мая — см. раздел «Другие редакции», стр. 365.

Блек энд уайт (стр. 20)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие отсутствует.

6—8		под пальмой на ножке стоит фламинго
37—39		кинет негру сантим на бегу
47—49		волосьев тысячи а ног две
62—63		мало всхода мало посева
82—84		и когда вопрос этот лез в Вилли
94		величайший из сахарных королей
95—97	I	негр к королю подходит смелый
	II	негр подходит к туше дебелой
99—100		отчего и сахар белый белый
107—109		а если вы любите кофе с сахаром
110—112		извольте сахар делать сами
132—133		руку с под носа утершую кровь

Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь:

подзаголовок Белые и черные

110—112 то сахар,
пожалуйста,
делайте сами.

132—133 руку
с под носа утершую кровь.

«Избранное из избранного»:

подзаголовок Черное и белое

1—11 *отсутствуют.*

17—19 Поэтому
Вилли
стоял со щеткой

56 трехверстый джаз

79—87 *отсутствуют.*
107—109 А если вы
любите
кофе с сахаром,
110—112 то не хотите ли
сахар
делать сами?
132—133 руку
у носа
стершую кровь.

Сифилис (стр. 24)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ):

1—3 I пароход Куба
II напрасно
Куба
выл
гудел
III Пароход подошел
погудел
IV Пароход подошел
пароход погудел
V Пароход подошел повыл пох<рипел>
VI Пароход подошел завыл погудел
4—5 I он скручен
как каторжник беглый
II и скован
как каторжник беглый
6—7 I на Кубе
700 человек людей
II На палубе
700 человек людей.
10—12 I подошла паровая лодка с бочка
II подошел
III подплыл катеро<к> к нему с бочка
IV подплыл катерок с одного бочка
13—14 вбежав по лестнице хромой
15—16 I Осматривал
доктор
в роговых очках

II Осматривал
врач
в роговых очках.
17 I Кто в оспе а кто
с трахомой
II которые с трахомо<й>
18—19 Припудрив прыщи и язвы вымыв
21—23 I первый класс проходил мимо
II первый класс дефилировал мимо
25—27 I голубой дым из двух ноздрей
II дым голубой из двух ноздрей
28—30 I единым кольчиком свив
II единым колечком свив
31—33 I первым шел в алмазной заре
II первым в алмазной заре
36—38 I Он шел поражая сигарной длиной
II Воняет трубка в аршин длиной
39—40 Попробуй к таком<у> полезь
43—44 I Пойди разбери болезнь
II Пойди разгляди болезнь
45—47 I Гаванна давай воздержаться зарок
II Гаванна воздержаться давай зарок
III Порт воздержаться давай зарок
64—65 врач смотре<л> губу свороти<в>
80—81 I что скоро начнется коктейлей пить<е>
II время коктейлей питья
82—83 I Говорит
обратно
трюму в щель
II Гоните
обратно
трюму в щель
95—97 I лишь завтра Тому оспу привьют
II лишь завтра оспу Тому привьют
103—104 I Глаза
II Волоса густые как нефть
107—108 I черней чем вакса черный леф
II как вакса черный лев
109—111 I пока за работой Том болтается
II пока по работам Том болтается
114—115 I плант<аторы>

II жену его прогнали с плантации
116—117 за то ⟨что⟩ не платит натурой

Строки 128—134 записаны следующим образом:

I Пароход пришел не пришел Том
Следующий через недели
Как дождаться с голодным ртом
1) когда его прикрутит винтом
2) когда прикрутит его винтом
3) когда прикрутит винтом
Опять пароход привинтило винтом
Следующий через недели
Как дождаться с голодным ртом
135—137 I Том не приехал где же Том
II забыл разлюбил забросил Том
138—140 I с кем он рогожу делит
II с другою рогожу делит
III с белой рогожу делит
161—163 Она решила отчетливо но!
164—165 и глухо сказала ее
169 подвыпивший мистер Свифт
185 и то что не будет оспы
190—191 I горели сами и дети родясь
II и дети у матерей в животе
194—195 I ломаньем суставов день ото дня
II ломая суставы день ото дня
196 I дни полугодия вылистаны
II года календарные вылистаны
197—199 и кто-то ноги у них отнял
202—204 I И к негру внимание было особое
II Внимание к негру стало особое
205—207 Когда собралась паства
209—210 I Засохший постный пастор
II вытаскивал постный пастор
III показывал постный пастор
211—213 Господь покарал его и ее
218—219 I с больны⟨х⟩
II с гнилых негритянских костей
225—226 Один говорит
цивилизация.

Машинописный текст, выправленный Маяковским (хранится у В. В. Катаняна):

18—19 I Припудрив прыщи
и язвы вымыв
II Припудрив прыщи
и наружность вымыв

Журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 4, апрель:

74—76 За вторым
подвигался
третий класс

181—184 И рад,
что есть
и хлеб
и деньга

«Сифилис»:

74—76 За вторым
подвигался
третий класс

Христофор Коломб (стр. 31)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие I Кристофор
II Христофор Колумб [1]

Эпиграф отсутствует.

3—5 I в приморской таверне у скалы бочком
II в портишке известном лишь кабачком
6—7 I Колумб Христя и другие забулдыги
II Колумб Христофор и другие забулдыги
11—12 I Христофора злят надоели
II Христофора злят изводят Христофора
III Христофора злят пристают к Христофору.
18—20 I покрыл баритоном щелканье пробок
II покрыл дисканточком щелканье пробок
III покрыл тенорочком щелканье пробок

Строки 33—34 записаны раньше строк 31—32

35—36 всю ночь сидит и раздвигает циркуля
54—56 I не барахло а бирюза и жемчуга

---

[1] В тексте везде «Колумб» (вместо позднейшего «Коломб»).

II не барахло бирюза и жемчуга
68—70 I по суху год караван
II по суху и в год не обернется караван
75—77 I Идут посвистывая отчаянные
II Идут посвистывая отчаянные из отчаянных
81—84 арабы и французы испанцы и датчане
88—90 I Кто здесь Колумб на Индию в ночку
II Кто здесь Колумб до Индии в ночку
98—99 I от⟨ъезд⟩
II прощанье что надо не отъезд а помпа
103—105 время меряли вперясь в компас

После строки 116-й следует недописанная строфа:

Еще паруса и не все развеяли
а к флагам аж рвется злоба волн
I Недели шли и люди стрезвели
II вода пьянела люди трезвели
122—124 стекали пота уставшие капли
145—146 I Он слушал этой же бури
II Он этой же бури слушал лады
161—162 I Взбешен Христофор устал Колумб
II Взбешен Христофор изверился Колумб
III Взбешен Христофор извелся Колумб
192—193 I пустился во всю в⟨ыдумал⟩
II пустился во всю придумал фокус
194—195 I зн⟨аменитое⟩
II со знаменитым колумбовым яйцом
201—202 I Галдит команда на Колумба глядя
II Ходит команда на Колумба глядя
212—214 I Земля горизонт в растущей кайме
II Земля горизонт в туманной кайме
215—216 I Как я вот вперяюсь в Мексику
II Как я вот в растущую Мексику
217—219 I растет красноватый песок на заре
II и в этот красноватый песок на заре
III и в розовый этот песок на заре
220—221 вглазелись не смея надеяться
229—230 I смельчал Атлантический пьяный смолоду
II смельчал Атлантический гордый смолоду
236—237 I Колумб и ты не оставил наследство
II Колумб твое пропало наследство
253—255 I Катают донны синьоры и янки

II плывут донны синьоры и янки
III плывут синьоры донны и янки
263—265 и потом опять открыл вторично.

Машинописный текст с правкой Маяковского [*БММ*]:

Заглавие Открытие Америки
Эпиграф *отсутствует.*
6—7 Колумб Христофор [1]
и другие забулдыги
35—36 сидит всю ночь
раздвигает циркуля
54—56 не барахло
бриллиант
жемчуга
57 дело простое
62 Путь пунктиром
81—84 Арабы,
французы,
испанцы,
датчане.
125—126 Что это небо
землей объемля
140—142 а после
бросался
с волной сарагоссовой
173—174 Дома плохо?
Стол и кровать.
201—202 Ходит команда
на Колумба глядя
220—221 вглазелись
не смея надеяться
231 с бортов Мажестика
236—237 Колумб,
пропало твое наследство!
253—255 плывут сеньоры
донны
да янки

«Открытие Америки»:

Заглавие Открытие Америки
66—67 Тесно торгашам.
Толпятся непоседы.

---

[1] В тексте везде «Колумб» (вместо позднейшего «Коломб»).

156—158 Луны мрут
у мачт на колу
220—221 вгляделись
не смея надеяться
253—255 катаются дамы
синьоры
и янки.

Газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 162, 13 ноября:

Заглавие Открытие Америки.
Подзаголовок поэма
156—158 Луны мрут
у мачт на колу
220—221 вгляделись
не смея надеяться
253—255 катаются дамы
синьоры
и янки

«Красная газета» (вечерний выпуск), Л. 1925, № 270, 6 ноября:

Заглавие Открытие Америки
Эпиграф *отсутствует.*
6—7 Колумб Христофор [1]
и другие забулдыги
35 сидит всю ночь
54—56 не барахло,—
бриллиант,
жемчуга.
57—58 Дело простое:
вот вам карта
62 Путь пунктиром...
81—84 Арабы,
французы,
испанцы,
датчане.
120—121 что в эту вот воду
с Колумбова лба
125—126 что это небо,
землей объемля,
127—128 но это вот облако,
вставшее с юга

[1] В тексте везде «Колумб» (вместо позднейшего «Коломб»).

140—142 а после
бросался
с волной сарагоссовой

174 Стол и кровать

Пятая главка стихотворения разбита на две. Новая начинается со строки 188.

201—202 ходит команда
на Колумба глядя

220—221 вглазелись,
не смея надеяться —

236—237 Колумб!
Пропало твое наследство!

253—255 плывут сеньоры,
донны
и янки

«Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»

253—255 катаются дамы
синьоры
и янки.

Тропики (стр. 39)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36:

Заглавие отсутствует.

1—3 I Вот это вот тропики
II Смотрю вот это тропики

4—5 I весь
II всю жизнь вдыхаю заново я
III всю жизнь вдыхаю наново я

47—48 I и эти ночи августа
II настолько ночи августа

51—58 *отсутствуют.*

Газ. «Красный Крым», Симферополь, 1926, № 156, 11 июля (вначале идут строки 43—50, затем 36—42):

47—48 Настолько
небо августа

49—50 звездой
набито нагусто

51—52 ни рельсы нет
ни тропки

53—54 вдыхаю воздух наново я

55—56 А поезд
прет торопкий
57—58 сквозь запахи
банановые

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 35, 29 августа:
подзаголовок Дорога Вера-Круц — Мехико-сити
47—48 Настолько
ночи августа
49—50 звездой
забиты нагусто.

Мексика (стр. 41)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

9—11 I Кому океан не мерещил синь
II до правды игрушечный рос магазин
12—13 I не слал пароходный гудок
II ревел пароходный гудок
14—16 I Кто в детстве не бегал в страну мокассин
II и каждый рвался в страну мокассин
III сейчас же сбегу в страну мокассин
18—19 I укравши рубль и бульдог
II лишь сбондить бы рубль и бульдог
III лишь сбондю рубль и бульдог
36—37 I папуас Ястребиный Коготь
II Монтигома Ястребиный Коготь
44—45 I Не узнал меня чего таисся
II где товарищи чего таишься
54—56 I Злой и горький коготь ястребиный
II Цедит злобно коготь ястребиный
57—58 I цедит медленно по слову в год
II медленно как треснувшая крынка
59 I легче детства твоего индейцев истребили
II нету краснокожих истребили
60 I кочупины и грингоу
II кочупины с гринго
61—63 Ну а тех которых пульки
70—71 I И взвалил индейцу чемоданов кучи
II Навалил индеец чемоданов кучи
III заменила чемоданов куча
72—74 I на спину где стрелы зубились пугая
II стрелы от которых никуда не деться
75—77 I и пошел сомбреро нахлобучив

	II	и идет сомбреро нахлобуча
	III	и идет сомбреро нахлобуча
78—80	I	вместо радуги из перьев попугая
	II	вместо радуги из перьев птицы Кетцаль
84—85	I	старинные
	II	древнейшие камни Мехико-сити
	III	корявые камни Мехико-сити
86	I	вернут прошедшее мне
	II	прошедшее вышепчут мне
91—92	I	старожилы не запомнят
	II	Попугаи полувековые не запомнят
	III	Попугаи вековые не запомнят
93—95	I	Сити было озером а Мехико пуэбло
	II	Сити озеро, а Мехико пуэбло
96—97	I	городом
	II	островом коммуной домом в тысячу комнат
98—99	I	Добрела Мексика золото в ей
	II	Здесь золото между песочных зыбей
100—101	I	Лежит и ко<пать>
	II	Лежит аж и рыть не надо вам
116—117	I	Останавливался и лез
	II	сквозь пальмы сквозь кактусы лез
118—119		из Вера-Крус
122—124		Уже вода студеная хочет
133—134	I	и нет от пушек вреда
	II	и не было вреда
135—136	I	но вот Монтесума прельстясь на титулы
	II	пока Монтесума прельстясь на титулы
137—138	I	своих испанцам предал
	II	испанцам своих не предал
142—144	I	напрасно в озерной воде мок
	II	Гватемок в озерной воде мок
150—151	I	Вот это индеец на ять
	II	Вот это индеец индеец на ять.
152—153		согнуть его не было средства
154—156		Он умер чтоб в бронзе векам стоять
167—168		Прошла годов изрядная сумма
177		где сыщем индейский мир мы
118—119		остались теперь земле-старику
183—184		Стирается разница лиц и одеж
186—188		В каком селе через год найдешь

190—191		Что Рига что Мехико тот же жанр
198—199	I	Мещане разных земных боков
	II	Две Латвии с двух земных боков
200—201	I	разные между собой они
	II	лишь тем различны собой они
202—203	I	вся разница в Мексике режут быков
	II	что здесь в театре режут быков
204—206	I	в театре а в Риге на бойне
	II	а в Риге режут на бойне
211—213	I	дочки разжигая жениховский аппетит
	II	фордом разжигая жениховский аппетит
214—215	I	кружат по Чапультапеку
	II	кружат девы по Чапультапеку
223—224		Как везде буржуи в бриллиантовом огне
225—227		а у бедных голый зад виднеется
233—235		Обнищало племя Монтецумы и стоит оно
245—247		Пятьсот мексиканских нищих племен
250	I	одной рукой выжимают в лимон
	II	одной рукой выжимают лимон
260—261	I	роднящий крик
	II	роднящий зов камарадо
268—270	I	индеец метис и креол
	II	ацтек метис и креол
277—279	I	Монсоны Морено Карио
	II	Гальваны Морено Карио
280—282	I	Скидывай всех толстопузых
	II	Смети со спин толстопузых обузу
288	I	трех<цветное>
	II	багровое знамя взметись

Журн. «Огонек», М. 1926, № 1, 3 января:

23—25 И встанет
живьем
страна Фениамора

75—77 Огрызнулся
и пошел
сомбреро нахлобучив

98—99 А золото
между озерных зыбей

100—101 лежит
аж рыть не надо вам

190—191 Что Рига, что Мексика —
родственный жанр

211—213 Фордом
разжигая
жениховский аппетит

«Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка».

75—77 Огрызнулся,—
и пошел,
сомбреро нахлобучив.

268—270 ацтек,
креол
и метис

Богомольное (стр. 49)

Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заголовок отсутствует.

7—8	I	по божьим престолам развратничают воробьи
	II	по божьим престолам похабничают воробьи
13—14	I	вот Мексика например и набожна и нравственна
	II	вот Мексика например потому и нравственна
15—17		что прут богомольцы к вратам церквей
24—25		запружена автомобилями площадь Конституции
35		донья Эсперанца Хуан де Лопец
38—39		должно замолилась веровать так веровать
54—55		сразу на четыре гудящих улицы
60—61	I	за угол в улицу Изабелла Католика
	II	за угол улица Изабелла Католика
62—63	I	А в улице этой гостиница на гостинице
	II	по улице этой гостиница на гостинице
72—74	I	Гремит по квартире тигровый голос
	II	Гремит по квартире тигровый соло
76—77		и вырвав из уса в два метра волос
80—81	I	Ина<че>
	II	Скажу ей иначе сеньора лягте-ка
82—84		Вот этот кольт вам сожитель до гроба
92—94	I	Еще гудка отголосок гудит
	II	Еще и рев не успел уйти
99—100	I	Нависли свисток и пистоля
	II	нависли клинок и пистоля

95—96 I по кактусам ближнего поля
II за кактусы ближнего поля
114—115 I Сегодня Эсперанца Хуан де Лопец
II Она Эсперанца Хуан де Лопец
116—118 до этой минуты молилась

Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 46, 23 февраля:

78—79 пробует
сабли своей острие
81 Иначе, синьора, лягте-ка!
103—105 чтоб донна
не могла отпираться.

Журн. «Новый мир», М. 1926, № 6, июль:

81 Иначе, синьора, лягте-ка
103—105 чтоб донна
не могла отпираться.

Бродвей (стр. 55)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
Заглавие отсутствует.

10—17 I А между дома невозможной длины
Куда их строитель завез
Одни дома длиной до луны
другие длиною до звезд.
II А между куда их строитель завез
дома невозможной длины
Одни дома длиною до звезд
Другие длиною до луны.
18—26 В пять и в восемь прилив и отлив
как будто не люди вовсе
мячом тебя захурдачит лифт
и ты на тридцатом в офисе
27—28 Кругом механики звон и гам
31—32 На миг лишь замедлят жевать чуингам
38—45 и этот с каплями из носу
Сосет как будто гонит доллар
Как будто бы занят бизнесом
50—51 Хочешь под землею берешь собвей
52—53 На небо берешь элевейтер
54—65 I В ногах домов собачонками трутся
1) а после другие небу
2) другие тучам под рост
то хвост убирают в норы под Гудзон

II 1) То в пятках домов собачонками трутся
2) То к пяткам домов собачонками трутся
то дымам трубным под рост
то хвост убирают в норы под Гудзон
III То мчатся трубным дымам под рост
1) то в пятках трутся
2) то в пятках домовых трутся
то вынесут хвост на Бруклинский мост
то спрячут в норы под Гудзон
73—75 *отсутствуют.*
76—84 Шиши реклам небесам зачет
сдают над полосками штор
направо посмотришь что за черт
налево черт его што.
После 84 На нас наползает дом-утюг
Сшибемся и вновь разлетаемся
и кружимся в сотне других летюг
вокруг стоэтажия Таймса
85—87 Есть что поглазеть московской братве
и в год до концов не дойдут
91—92 я в восторге от кипенья вашинского города
93—95 но шапчонку не сорву с виска.

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 4, 24 января:

43—45 И занят серьезным
бизнесом

60—65 то вынесут
хвост
на бруклинский мост
то спрячут
в норы
под Гудзон

«Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка».

43—45 И занят
серьезным
бизнесом

Свидетельствую (стр. 58)

Беловой автограф в записной книжке 1926 г., № 34:

1 Свидетельствую —
вид индейцев таков:

10—12 Им
Кулидж
пару пальцев суют

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 17, 25 апреля:

10—12 Им
Кулидж
пару пальцев суют

Барышня и Вульворт (стр. 62)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
Заглавие отсутствует.

1—2	I	Гудит Бродвей и в этом гуле вот
	II	Гудит и гремит Бродвеево гулево
	III	Бродвей сдурел бегня и гулево
3—5	I	в небо высаживая труб десант
	II	крыши в небо высаживают десант
	III	с небес обрываясь дома висят
6—7	I	стоит ньюйоркская гордость Вульворт
	II	а посредине Бродвея Вульворт
	III	но даже меж ними заметишь Вульворт
8—9	I	домина этажей под шестьдесят
	II	корсетную коробку этажей в шестьдесят
10—12	I	Вверху телескопы к небесным сводам
	II	Сверху разведывают звезд взводы
	III	В верхнем разведывают звезд взводы
13—15	I	посередине конторы конешыно
	II	между цифры пишут бешено
	III	в средних тописты стрекочут бешено
16—17	I	а внизу конешно дрогс сода
	II	а в самом низу дрогс сода
	III	в самом нижнем дрогс сода
18	I	аптекарский магазин компании нейшонэл
	II	и прочее аптекарство компании нейшонал
19—20	I	в витрине мисс 18-ти лет
	II	Хорошенькая мисс 18-ти лет
	III	А в окошке мисс под осьмнадцать лет
21—22	I	вокруг мисс заржавленные ножи
	II	в окне для рекламы точит ножи
	III	сидит для рекламы и точит ножи
23—24	I	мисс заржавленные ножи жиллет
	II	заржавленное лезвие фирмы жиллет

III ржавое лезвие фирмы жиллет
25—26 I кладет в патентованный новейший зажим
II кладет в патентованный железный зажим
33—35 I но водит по губке усы возомня
II но гладит по губке усы возомня
36—38 I дескать готово возьми и брей
II дескать готово поточил и брей
50 I немного сэкономишь на бритвенной точке
II буржуем не станешь с бритвенной точки
51—52 Идут без бород и без выражений на лице
54—56 Работай на доллар а выдадим цент
56—58 У меня ни усов, ни бород ни шевелюр
62—63 Но я стою и губми шевелю
64—65 в стекло как будто ей по-английски
67—68 I Чего сидишь глазами буржуев охлопана
II сидишь глазами буржуев охлопана
69—70 на что надеешься дура из дур
73 open the door [1]
81—82 I и девушке чудится ай лов ай лов ю
II и чудится девушке ай лов ай лов ю
III и слышится девушке ай лов ай лов ю
86—87 I а бритвы раздай для жирных горл
II и бритвы раздай для жирных горл
88—89 I а чудится девушке май
II а девушке чудится май
90 май герл
96—97 и мнится девушке влюбленный клерк
108—110 готовятся мною стол и квартира
114 I что мне известно другое средство
II что есть на свете другое средство
115—116 I Как влезть рабочим во все этажи
II чтоб влезть рабочим во все этажи
117—119 I без вздохов без свадеб без жданья наследства
II без грез без свадеб без жданья наследства

Журн. «Экран», М. 1925, № 37, 25 декабря и газ. «Красная Татария», Казань 1926, № 31, 7 февраля:

10—12 сверху
разведывают
звезд скопы

[1] Откройте дверь *(англ.)*.

19—20 а в окошке мисс
мнадцати лет
50 буржуем не станешь
с бритвенной точки
54—55 работай на доллар
а выводим цент
62—63 но я подхожу
и губами шевелю
88 А девушке мнится:

В тексте газ. «Красная Татария» отсутствуют строки 36—38.

Небоскреб в разрезе (стр. 66).

Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

1—3 I Взять бы разбольшущий дом в Нью-Йорке
II Взять разбольшущий дом в Нью-Йорке
4—6 I взглянуть бы насквозь на зданье на то
II взглянуть насквозь на зданье на то
7—9 I увидеть старейшие квартирные норки
II увидишь старейшие квартирные норки
10—12 совсем дооктябрьский Елец да Конотоп
13—15 В первом ювелиры караул бессменный
18—20 в сером как из кино полисмены
21—23 I стоят берегут чужое добро
II берегут собаками хозяев добро
24—25 I Спят во втором бюро конторы
II в третьем спят бюро конторы
26—28 их кляксами ест подневольный пот
32—34 на книгах штемпель Иосиф Шпрот

Первоначально строки 35—44 были записаны в таком порядке: 41—44; 35—40.

35—37 I в третьем подсчитав приданные сорочки
II в пятом подсчитав приданные сорочки
41—42 I вздымая грудью ажурные строчки
II вздымает грудью ажурные строчки
43—44 почесывая пышных подмышек меха
45—48 I в 10
II в седьмом над очагом домашним высясь
III Седьмой над очагом домашним высясь
49—50 сберегши силы спортом смолоду
55—57 В десятом медовый пара легла

60—62 читает в Таймсе отдел реклам
63 даешь в рассрочку автомобили
64—66 В тридцатом акционеры сидят увлечены
67—68 I делением
II делят миллиарды жадны и озабочены
69—71 Доходы треста изготовленья ветчины
75—77 в сороковом у спальни опереточной дивы
79—80 на замочной скважине сосредоточив прыть
88—89 I В сороко<вом>
II Засыпает в девяностом и думает одно
95—96 I обтаял с крыши скатертный снег
II а с крыши стаял скатертный снег

В записной книжке № 33 перед началом стихотворения «Бродвей» записано четверостишие, являющееся вариантом строк 103—110 стихотворения «Небоскреб в разрезе»:

103—110 Смотрю разинув рот
Смотрю растопыря глаза
Я проехал на 9 000 километров вперед
и на 7 лет назад.

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 1, 3 января:

88—99 дремлет в девяностом
и думает одно:

Порядочный гражданин (стр. 70)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие отсутствует.

7—9 I приезжай ко мне в Нью-Йорк
II приезжай сюда в Нью-Йорк
11—12 в боли игл от фонарных ежей
18—20 I Видишь мать выгребает мусор
II Видишь вон выгребают мусор
23—24 I чтобы вкось обгоняя бусы
II чтоб в авто обгоняя бусы
27—28 Загляните в окошечки в эти
38—39 с мордой вспухшей на зависть чирю
40—41 у работниц щупает груди
46—48 I грусть сгоню с
II грусть сгоню навсегда с очей
49—50 Будет жизнь вам Куни-Айланд
52—53 Луна парк в миллион свечей

65—66 I через рюмку с религией сблизясь
II через рюмку и с богом сблизясь
78—80 I вашу в миру бубнят добродетель
II в мир твою бубнят добродетель
93—94 I чтобы мог добреть как кулич
II чтобы ты добрел как кулич
95 I смотрит вас сквозь холеные пальцы
II смотрит сквозь холеные пальцы
96—97 I демократ молчальник Кулидж
II на вас демократ Кулидж
III на тебя демократ Кулидж
98—99 I Вон елозя по небьим сводам
II И елозя по небьим сводам
100—102 I стражем ханжества денег
II стражем ханжества центов и сала

Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 49, 26 февраля:

38—39 с мордой
распухшей на зависть чирю
59—60 проститутку
в смолу и перья

Вызов (стр. 73)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие отсутствует.

5—7 лезет в рот и в глаза и внутрь
8—9 I наседает на сердце злоба
II оседая влезает злоба
11—13 сбоку фордами штурмует мрака форт
18—19 Я смеюсь над их атакою тройной
23—26 Я полпред стиха и я с моей страной
29—31 если крошка протухла плеснится
37—39 вашу доблесть закон и вкус
43—46 I дни спущу целковым звенящим
II мне бы кончить жизнь в штанах в которых начал
47—49 I ничего за жизнь не стяжав
II ничего за век свой не стяжав
50—51 I Мне смешна дозволенного зона
II Мне смешны дозволенного зоны
52—54 I Добродетелью законов поражен
II Муж остолбеней цинизмом поражен

III Взвод мужей остолбеней цинизмом поражен
55—57 I Под луною и на солнце над Гудзоном
II Я целую беззаконно над Гудзоном
58—59 I я целую ваших длинноногих жен
II ваших длинноногих жен.
60—62 День мой шумен и вечер пышен
66—68 Пью плюя на ваш прогибишен
69—70 I знамениту<ю>
II ежедневную «белую лошадь»
71—72 И приехав стихом побрататься
73 Я вбиваю в голову мысли
77—80 а за мыслью слова за словами дела
83—85 I в мостовые раскачав
II раскачав в мостовые вбивают тела
86—88 Вандерлипа Рокфеллера Форда
89—91 I А пока за спиной натянувши Бродвей
II Но пока доллар всех поэм родовей
92—94 Обирая лапя и хапая

Газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 36, 14 февраля:

9—10 В грохоте
в огне
стою на Риверсайде

29—31 Если видишь протухло
плеснится

37—39 вашу доблесть,
закон
и вкус

60—62 День мой низмен
и вечер пышен

66—68 Пью, плюя
на ваш прогибишен

71—72 Я,
приехав стихом побрататься

73 в головы
вбиваю мысли

77—80 За мыслью — слова,
за словами — дела

83—85 раскачав
в мостовую
вбивают тела

Газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 45, 22 февраля:

29—31 Если видишь протухло,
плеснится

60—62 День мой низмен
и вечер пышен

66—68 Пью, плюя
на ваш прогибишен

83—85 Раскачав,
в мостовую
вбивают тела.

100°/₀ (стр. 76)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие отсутствует.

1—4 I Даже в грезах мыслью про доллары да проценты
II Даже в думах мыслью про доллары да проценты

5—6 Я Америку не оскорблял в глуши тьмутараканясь

7—8 так мне из рязаней рисовался стопроцентный

10—23 *отсутствуют.*

24—25 Прост его воспитанья вопрос

28—30 лоб расшиб ол райт, нос

32—33 I Папа обиделся трехлетний Джон
II Отец обиделся трехлетний Джон

34—35 не зарабатывает а только играет

36—38 обиделся Джон и вышел вон

40—42 I Идет в Калифорнию
идет в Масачузет
II Из Калифорнии в Масачузет

45—48 I Есть деньги ол райт и нет
ол райт
II Есть хлеб ол райт нет
ол райт

51—52 с под трубки пока сгорает

53—55 I Есть пари пойдем на луну
II Пари предложи попрет на луну

57—58 Нашел одну назвал дорогой

61—62 I одна изменила пошел к другой
II она изменила пошел к другой

64—66 Наследство Джону долларов рой.

73—75 Джона каждый лапчатый гусь

78—80 мотает Джон на бритый ус

82—83 Хозяин обидел. Ну что ж

84—86 Сцепиться с хозяином рад
87—88 Хозяин за браунинг Джон за нож
89—92 Хозяйской пулей Джон сражен
Врач говорит умирает
93—94 I Джон услыхал ругнулся Джон
II Джон услыхал задумался Джон
III Улыбнулись доллары улыбнулся Джон

Строки 96—104 отсутствуют, а вместо строк 104—114 записаны следующие две строфы:

I Но не встретил я американца в Нью-Йорке
II Но не видно Джонов в Нью-Йорке
III Но не вижу Джонов в Нью-Йорке
I Лирикой размоченные как везде
II Лирикой в Нью-Йорке как везде
По Уайт-Уэй фланеры и фланерки
без энергии без спешки и без дел
Разлежались разоспались дома
просыпаясь изредка от собственных икот
зажирели сами скопидомы
их жена собака их и кот
115 I даже я разбесхарактерный до крайности
II я разбезалаберный до крайности
119—121 I Я расхлябанный и то американистей
II Я поэт и то американистей

Американские русские (стр. 80)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
Заглавие отсутствует.

4—6 порты заплатаны как балканская карта
10—12 Вы кажется знаете мой аппартман
16—18 А если кара набита около
19—20 можете сесть на другой трен
21—22 I возьмете без менения пересядок тикет
II возьмете в дантаун с пересядкой тикет
23—24 Прите спокойно будто в телеге
25—26 Слезьте на корнере у дрогс ликет
30—31 Приходите прямо в севен оклок
48—49 и кануло улице в свист
63—65 сможет понимать насочиненное по-русски
66—67 I Горланят по этой Америке самой
II Горланит по этой Америке самой

68—69	I	100 языкий народ оголтец
	II	стоязыкий народ оголтец

Бруклинский мост (стр. 83)

Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:

Заглавие отсутствует.

8—9		хоть вы юнайтет стетс оф
21—22		смиренно всхожу на Бруклинский мост
23—25		Как в сломанный город идет победитель
28—29		Так пьяный славой, жить в аппетите
30—32		взлезаю гордый на Бруклинский мост
51—52	I	встают в прозрачном свечении окон
	II	встают прозрачным свечением окон
64—65		Когда же казалось с под речки начатой
66—68	I	развозит сахар с фабрики лавочник
	II	развозит с фабрики сахар лавочник
78—80		мечта о скупом конструктивном стиле
80—83		религия гаек тяги и стали
84—86		И если придет окончание света
97—99	I	лепились
	II	рождались
	III	тучнели в музеях стоящие ящеры
	IV	тучнеют в музеях стоящие ящеры
105—107		сказал бы вот эта стальная лапа
108—109		соединила моря и прерии
114—116		срывая со скальпом индейские перья
117—119		Орет о машине ребро вот это
120—121		сообразите хватило б рук ли
122—124	I	чтоб стать одной ногой на Мангетен
	II	чтоб стать стальной ногой на Мангетен
125—127		и за губу притягивать Бруклин
137—140		здесь в небо уже влезали по аэро
141—144		здесь жизнь одним была беззаботная
145—147		другим голодный протянутый вой
148—149		отсюдова безработные
156—157		по струнам канатов — аж звездам к ногам
158—160		Я знаю отсюда смотрел Маяковский
163—164		Смотрю как на поезд глядит эскимос
165—166		впиваюсь как в тело впивается клещ.

Журн. «Прожектор», М. 1925, № 24, 31 декабря:

78—80 Мечта
o скупом
конструктивном стиле

81—83 религия гаек,
тяги
и стали
84—86 И если
придет
окончание света
117—119 Напомнит
машину
ребро вот это
137—140 Здесь
люди
уже
взлетели на аэро

Кемп «Нит гедайге» (стр. 88)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
Заглавие отсутствует.

1—2 I Запретить бы вовсе ночи негодяйке
II Запретить совсем бы ночи негодяйке
6—8 вот лежу в палатке кемпа Нит Гедайге
14—15 I будто бы решают выть или не выть
II будто голосуют выть или не выть
16—17 I лучше бы не выли пассажирам сонным
II лучше бы не выть возня народам сонным
22—24 I прямо перед мордой пролетает врем⟨я⟩
II прямо перед мордой пролетает вечность
38—39 чтобы не часы показывали б время
40—42 I а что б время дв⟨игало⟩
II а чтоб время честно двигало б часы
43—45 Ну американец тоже чем гордятся
48—49 I сотня этажишек в небо городятся
II сотни этажишек в небо городятся
52—54 I нами через пропасть мост к социализму
II нами через пропасть прямо к коммунизму
58—60 с этого моста глядим с презрением вниз мы
61—63 к небу нос задрали загордились нет
64—66 Вашей головы мостами не морочим
67—68 Мост без стен без крыши место для простуд
77—83 Знаете ль вы Кулидж среднюю зарплату
Будем откровенны что играться в прятки
плохо с вашим братом нашинскому брату

88—91 I Миллионы фордов сам же Форд в аршин
II Форд с миллионом фордов сам же Форд в аршин
92—94 Разве б для его для высохшего зада
95—97 не хватило б двух удобнейших машин
98—100 дали б остальные сняли б с вас портретик
101—103 даже монументик вылепили б с вас
107—110 дайте без скандалов даст он черта с два-с
114—116 вдруг ракетой сна зажглось унынье это
119—120 I Эко что приснит вам полночь негодяйка
II Ну и сон приснит вам полночь негодяйка
126—128 Песней заставляют мчать в Москву Гудзон

Журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль:

40—42 а чтоб время
честно
двигало б часы

Домой! (стр. 92)

Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33:
Заглавие отсутствует.

11—12 I всю ночь надо мной как будто куют
II всю ночь надо мной ногами куют
15—16 Несется танец и стонет мотив
23—24 I А зачем любить тебя Марките
II А зачем любить меня Марките
25—26 I У поэта даже франков нет
II у меня и франков даже нет
29—30 I за сто франков посылают в кабинет
II за сто франков препроводят в кабинет
31—32 I небольшие деньги поживи хотя б для шику
II небольшие деньги поживи для шику
33—35 I нет интеллигент начнешь стихов
II нет интеллигент начнешь с верхов
44 I низом
II черным низом
III низом шахт серпов и вил
47—49 I я же с туч поэзии бросаюсь в коммунизм
II я с небес поэзии бросаюсь в коммунизм
50—52 I от огромной от несбыточной любви
II потому что нет мне без него любви
53—55 I Все равно по ⟨слался⟩
II Все равно сослался сам я или послан к маме

III Все равно послался сам я или послан к маме
60—62 намокать мне гнить мне и ржаветь
63—64 Вот лежу уеханный на воды
68—70 I А ведь я считал себя заводом
II Но себя советским чувствую заводом
79—80 Мне давал заданья на год
87—88 получало любовь мое сердце
101—102 I чтоб делал доклады Сталин
II перед съездом докладывал Сталин
103—105 Вот так мол и так и до самых верхов
108—110 Коминтерн и Союз в понимании стихов
111—112 I довоенной достигли нормы
II достигли довоенной нормы

Отдельно на 35-й странице записной книжки № 33 записаны две строфы, из которых первая полностью зачеркнута:

Чтобы я мое имя Владимир
I похожее на стон
II похожее на вымер на стон
сменил на чужое имя
и звался мусье Гастон?
Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по чужой стране пройду стороной
как проходит косой дождь.

На обороте 32-й страницы этой же записной книжки записаны четверостишием следующие две строфы:

Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по родной стране пройду стороной
как проходит косой дождь.
I Процентом на время! Как не идти
II Проценты на время! Как не идти
в хороший отданы рост.
Мне 30 уже и у 30-ти
пошел пробиваться хвост.

Журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 1, январь и газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 43, 19 февраля:

60—62 намокать мне,
гнить мне
и ржаветь?

68—70 Но себя
советским чувствую
заводом.
101—102 Перед съездом
докладывал Сталин
103—104 Вот так, мол,
и так...
108—110 Коминтерн
и Союз
в пониманьи стихов
111—112 достигли
довоенной нормы.
Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят,—
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Краснодар (стр. 96)

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 24, 13 июня:
Заглавие «Собачья глушь».
7 будто щек краснота
9 Вымыл грязь февраль
44—45 Это
не собачья глушь

Строго воспрещается (стр. 98)

Газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, Окрисполкома и ОПБ» (вечерний выпуск), 1926, № 931, 24 июня:
10—19 *отсутствуют.*
23—24 Настроение —
радужное.
Как китайская чайница.
25—28 И вдруг
на стене
объявление:
«Контролеру
задавать вопросы

30—31 И сразу —
настроение за удила.
41 И только
подхихикнул
45—46 Еще обидются —
правительства!

Сергею Есенину (стр. 100)

Беловой автограф

Первоначальный порядок строф в автографе: 1—76, 99—175, 77—98, 187—198, 176—186, 199—210; затем сделана перестановка строк, соответствующая печатному тексту.

62—68 Вы бы
в день
писали б
строк по сто.
Верноподданно
и длинно,
как Доронин.

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, № 1152, 16 апреля:

49 Он влиял на вас,

Отдельное издание:

49 Он влиял на вас,

Журн. «Новый мир», 1926, № 5:

49 Он влиял на вас,
51—53 Ну, а класс-то
жажду
утоляет квасом?

Газ. «Ленинградская правда», Л. 1926, № 117, 23 мая и газ. «Смена», Л. 1926, № 117, 23 мая:

49 Он влиял на вас,
96—98 Лучше
увеличить
изготовление чернил!

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! (стр. 106)

Беловой автограф:

Заглавие — I Метод —
оружие.
Дело человечье

бить им
себе
не причиняя увечье

II марксистский метод
дело человечье
бей
своим
не причиняя увечье[1]

III Марксизм оружие
огнестрельный метод
применяй умеючи
метод этот

9—10 I Каждому свое.
Поэт поет.

II Все хорошо
Поэт поет

13—14 I Поэт
из мира черпает свое

II Поэт
из жизни черпает свое

III Поэт
у музы черпает свое

IV У стихотворца
корытце свое

15—16 I Критик
из книжного корытика

II У критика
свое корытико

17—26 I Портной
и сапожник
в молодые года
нуждаются
в образовательном цензе
А [критик] такой
не выучась
читать по складам

---

[1] Второй вариант Маяковский цитирует как начальные строки стихотворения в статье «А что вы пишете?», написанной до опубликования стихотворения в «Журналисте».

берется
за выделку рецензий
II Но есть
не имеющие ничего
окромя
красивого почерка
А лезут в книгу
хваля
и громя
из пушки
критического очерка
42 I а у критика еда и питье
II а у такого еда и питье
64—66 I современности
не больше,
чем огурцов в акации
II смысла
не больше
чем огурцов в акации
67—69 I Целые
хоры
стройн<ых>
II Целые
хоры
небесных светил
77—78 I Лермонтов
массам
II Признаю
что он
III Признаем
что он
IV Признаю
что Лермонтов
88—89 I а также
и без руля
II а некоторые
и без руля.
90—92 I Разве так
разрабатывают
важнейшую из тем?

II Но так ли
разрабатывать
важнейшую из тем?

98—100 I Нам
довольно
соглашательских легенд
II Довольно
этих
божественных легенд

После 107 строки следуют зачеркнутые строки:

А понятен ли
он
широкой массе?
Ни для полотера
ни для водопроводчика
ни тете Соне
ни дяде Васе
Лермонтов не понятен —
точка.

118—120 I Степа
кирпич
грядущего здания
II Степа
кирпич
из какого-то здания

121—122 I Он
не разговаривает вкривь
II Он
не разговаривает вкось и вкривь
III Не ему
разговаривать
вкось и вкрив

126—127 I без волокиты
без аллитераций и рифм.
II без волокиты
аллитераций и рифм.

131—133 I заменяет
инстинктивный
классовый разум

II Заменяет
инстинктивный
массовый разум
134—135 I Так как
прачка мамаша их.—
II Потому что
из батрачек
мамаша их.—
III Потому что
батрачка
мамаша их.—
144—146 I И эти
горы
мистического вздора
II И эти
горы
нехитрого вздора
147—148 I эти
называют
марксизмом
II такие
называют
марксизмом
III некоторые
называют
марксизмом
151 в доме повешенного
156—157 а Вешнев
он
про Лежнева

Первомайское поздравление (стр. 111)

Беловой автограф:
12—13 I вещают
о грядущем счастье людей
II зовут
к борьбе за счастье людей
14—16 I а кругом
толпа беспризорных
II а кругом
пока
толпа беспризорных

17—18 где несправедливость
злей и лютей
22 I словами бессеребренников затканы
II словами бессеребряными затканы
29—31 I Сегодня
по праву
без дел ходите!
II Сегодня
по праву
стойте, ходите!
41 I и точно так
II вот точно так
43—44 I распирает
II У на<с>
III Распирает
у нас.
51—52 Рядом
с делами гигантского роста
53—54 I целые тучи
подвохов и недочетов
II целая коллекция
прорех и недочетов
58—59 I влезь
жги
и не пяться на попятный
II и не пяться на попятный

Авторизованная машинописная копия:

17 Где несправедливость
23—24 а у скольких вокруг
52 с делами гигантского роста
53—54 целые коллекции прорех и недочетов.

Четырехэтажная халтура (стр. 112)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (апрель—май):[1]

Заглавие *отсутствует.*
1—34 *отсутствуют.*

---

[1] Последовательность строф установить затруднительно, так как записи сделаны и в горизонтальном и в вертикальном направлениях и представляют собой, повидимому, один из первоначальных этапов работы над стихотворением.

35—37	I	А читатели сидят в жилищной яме
	II	А читатели сидят в своей уездной яме
52—53	I	С грудами стихов поверстных
	II	развернув рулоны рифм поверстных
56—58	I	стал богемцем десять лет назад
	II	Вы с богемой слились 9 лет назад
59—60	I	Вы скажите уважаемый пролет
	II	Расскажите уважаемый пролет
70—72		Это нарядившись в лапти выступают дачники
73—74		под заглавьем пролетарские писатели
75—80		*отсутствуют. К ним заготовка:*
		замертво
		гекзаметром
81—82		Рассиявши лысины лачки
83—85	I	. . . . в ручку ручки
	II	Убежденно взявши ручку в ручки
93—94	I	рядышком с Толстым почти что был не виден
	II	рядышком с Толстым почти не виден
95—96	I	ну скажите мне в какой бы телескоп
	II	ну скажите мне в какой же телескоп
105—107		И орут до хрипоты писатели о быте
120	I	фыркающих улицею окон
	II	улицею фыркающих окон
129—130	I	Литература по ветру пущена
	II	На ветер литература пущена

Английскому рабочему (стр. 116)

Авторизованная машинописная копия:

30	I	шлепает дворцовая челядь
	II	слышу расступается челядь
31	I	к Болдуину
	II	к своему хозяину
63	I	наша копейка
	II	наши копейки

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926 г., № 104, 8 мая:

30	слышу расступается челядь
31	К своему хозяину

Разговор с фининспектором о поэзии (стр. 119)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (апрель — май). Строки: 1—21, 76—84, 131—141, 46—55, 33—45, 195—203,

300—310, 22—32, 95—112, 122—130, 113—121, 142—161, 204—216, 277—288, 259—267, 250—258, 268—276, 217—249, 162—181, 289—299[1].

Заглавие отсутствует.

6—8	I	У меня разговор особого свойства
	II	У меня к вам дело деликатно⟨го⟩ свойства
9—11		казну поусовестить лапастую
12—14	I	как всякий имеющий лавки или угодья
	II	как всякий имеющий лавки и угодья
	III	Вместе ⟨*строка не окончена*⟩.
	IV	В ряду имеющих лавки
	V	В ряду имеющих лабазы и угодья
15—16	I	должен и я облагаться и караться
	II	и я обложен и должен караться
17—19	I	И вот я обложен на пятьсот в полугодие
	II	И вот вы требуете пятьсот в полугодие
26—32		Посмотрим сколько я потерял Какие издержки у меня в производстве И сколько я трачу на материал
33—35	I	Вам должно быть известно существо⟨вание рифмы⟩
	II	Вам должно быть известно явление рифмы
36—39	I	Скажем строчка окончена словом отца
	II	Если строчка окончена словом отца
40—42		то через строчку конец повторив мы
46—55		Что такое рифма рифма вексель учесть через строчку мое распоряжение сколь понапортишь суффиксов и флексий сколько тратишь склонений и спряжений
76—82		Где найти на какой тариф рифмы чтоб в раз убивали нацеля может таких пяточек рифм
95—96		Поэзия сходна с добычей радия
97—98	I	На грамм металла год труда
	II	В грамм введешь годовые труды

---

[1] Последовательность записи строк (76—84, 131—141, 46—55, 33—45, 195—203, 300—310, 22—32) указана предположительно.—

99—100		Разрабатываешь единого слова ради
103—108	I	И как ослепительно слов этих жжение рядом с мерцанием слова — сырца
	II	И как испе<пе>ляюще слов этих жжение рядом с тлением слова — сырца.
109—110		И это слово приводит в движение
115—116		Например у Безыменского легкость руки
117—121		Тянет как фокусник строчки изо рта у кого попадется у себя и у других
122—123	I	А есть такие лирические кастраты
124—126	I	Что лирику чужую вставит и рад
	II	Что строчку чужую вставит и рад
127—129		Так ведь это обычные воровство и растраты
131—133	I	И всех кто еще стихи и оды
134—135	I	Пишет и читает ревмя ревя
	II	пишет и читает ревя ревмя
136—138	I	Лишь будут упомянуты как накладные расходы рядом
	II	В историю войдут лишь как накладные расходы
142—149		Пуд съедите соли столовой Сотней папирос в разговоре клуби Чтобы достать драгоценное слово
152—154	I	И сразу снижается налога рост
	II	И сразу ниже налога рост
155—157		Скиньте с обложения нуля колесо
158—159	I	рубль шестьдесят кор<обка>
	II	рубль девяносто сотня папирос
160—161		и руб<ль> шестьдесят столовая соль
166—168		А что если я с полсотни пегасов
180—181	I	и я же класса верный слуга
	II	и я же народа верный слуга
195—196		Все меньше любится меньше дерзается
207—209		Пройдет над грядущим без нищих и без калек
214—216	I	в подражание сотне моих коллег
	II	рядом с сотне<й> моих коллег
217—219	I	Подведите мой посмертный баланс
	II	Подведемте ж мой посмертный баланс
220—221	I	Я утверждаю и знаю что не налгу
	II	Я утверждаю и знаю не налгу
222—224	I	Что на фоне сегодняшних дельцов и пролаз

II На фоне сегодняшних дельцов и пролаз
228—230 Наш долг реветь медногорлой сиреной
236—239 I платящий штрафы проценты и пени
II платящий по горю проценты и пени
243—244 перед вами геленджикские небеса
253—254 I целься рифмой и ритмом ярись
II чтобы целься рифмой и ритмом ярись
255—256 Слово поэта ваше воскресение
261—262 I строчку прочти и время верни
II строчку возьми и время верни
266—267 I б⟨леском⟩
II в⟨блеске⟩
III с блеском чудес и с вонью чернил
269—271 выправьте в энкапеэсе на бессмертье билет
282—284 I Нет и сегодня дело поэта
II Нет и сегодня слово поэта
III нет и сегодня рифма поэта
289—290 Гражданин фининспектор оставьте пять
303—304 пользоваться даровыми словесами
305—307 то вот вам уважаемый мое стило

Авторизованная машинописная копия:

6—11 I У меня к вам
дело
особого свойства
о месте
поэта
в человечьем строю
II У меня к вам
дело
деликатного свойства:
О месте
поэта
в рабочем строю.
92—94 I Вся поэзия
езда в незнаемое
II Поэзия
— вся! —
езда в незнаемое
134—135 в аплодисментах
ревущие ревмя,

207—208 I Пойдет
над грядущим
II Взойдет
над грядущим
214—216 I рядом
с десятками моих коллег
II рядом
с десятком
моих коллег.
243—244 I перед вами
багдадские небеса
II перед вами
тифлисские небеса

Отдельное издание:

63—64 поэту
в копеечку встают слова.
134—135 в аплодисментах
ревущие ревмя
243—244 перед вами,
тифлисские небеса,
305—307 то вот вам,
товарищ,
мое стило,

Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 6, август:

1—227 *отсутствуют.*
243—244 перед вами,
тифлисские небеса,
229—310 *отсутствуют.*

Журн. «Новый мир», М. 1926, № 10, октябрь:

134—135 в аплодисментах
ревущие ревмя

Передовая передового (стр. 130)

«Красная газета» (вечерний выпуск), Л. 1926, № 122, 26 мая:

108—109 Довольно
изделий ловких кустарничанья рук [1]

---

[1] Повидимому, ошибочная редакция. Можно предположить наличие варианта: «Довольно
кустарничанья ловких рук». — *Ред.*

110 Федерация искусств

Журн. «На литературном посту», М. 1926, № 4:

110 Федерация искусств

Взяточники (стр. 134)

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 30 мая:

21 к кому
  ему
    устроить куму,
32 кому подставить подножку
36—37 невесте —
в тресте,
156—158 в обломках
  пока что
    одна нога,—

В повестку дня (стр. 139)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1926, № 123, 30 мая:

54—56 Коммуна —
  это все, что мое —
    твое

Протекция (стр. 142)

Авторизованная машинописная копия:

24 I А шофер Петров
II А Петров говорят
44 I А замшвейцар,—
II А главшвейцар,—
56 I Ловили царей на такую аферу
II Кого не ловили на такую аферу?
57 I Куда удержаться простаку-шоферу?
II Куда ж удержаться простаку-шоферу?
61 Персонье лицо весной расперсонится.
63 I извинений тысяча...»
II извинений тысячка...»
89 I А самых главных
II А разных главных

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 6 июня:

61 Персонье лицо весной расперсонится.
87—88 невинность блюдя
  не подпустят близко

108—109 протекции
и волокит.

Любовь (стр. 146)

Авторизованная машинописная копия:

8—9 о женщинах,
о любви...
14 I выходя на митинг
II если митинг
50 I и мечется
II мечется...
54—55 это —
алиментщицы.
83 I простой туфли Мосторга.
II простой туфлишки Мосторга!
89 уловленье
96—110 I Как в основном источнике
II Для простенького хлопца
долго ль
в шелковую барыньку влопаться?
Он работает,
а женин хвост
подметает
Кузнецкий мост.
А за барыней
кавалеры,
бульвара бульварней!
Муж пришел.
Хорошо.
Тишина.
Дует горькую,
вдумчив и тих.
«Для кого ж
у меня
завелась жена:

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 134, 13 июня:
Публикация идентична машинописной копии с учетом сделанных поправок.

Фабрика бюрократов (стр. 157)

Авторизованная машинописная копия:

18—19 I Он
тратит сердечный пыл...

II вздувает
сердечный пыл...
33 циркулярчики
80 римским папою
97 I и молодечество?
II и молодчество?

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, 20 июня, № 140:

Публикация идентична машинописной копии с учетом сделанных поправок.

Товарищу Нетте пароходу и человеку (стр. 162)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37: строки 1—53, 64—85, 54—63, 86—94.

Заглавие отсутствует.

3—5 I в воду порта
II в порт горящий как расплавленное лето
6—9 I выворачивался и входил огромный Теодор Нетте
II выворачивался и входил товарищ Теодор Нетте
24 I распивая чаи
II ты пивал чаи
26 I Ты не спал
II Медлил ты
35—37 I Спал к утру аж палец на курке свело
II Засыпал к утру курок аж палец свел
III Спал к утру курок аж палец свел
49—51 I будто навек за собой из теми коридоровой
II будто навек за собой из битвы коридоровой
54—55 В коммунизм из книжки веришь средне
56—58 мало ли что можно в книге намолоть
70—73 только чтобы в мире без Россий без Латвий
74—75 I жить единым человечьим общежитьем
II жить одним работающим общежитьем
78—79 I Мы живем сквозь
II Мы идем сквозь револьверный лай
83—85 I в пароходы и в другие вечные дела
II в пароходы и в другие долгие дела
86—87 I Мне бы жить и жить го<дами мчась?>
II Мне бы жить и жить сквозь годы мчась

Авторизованная машинописная копия:

55 I веришь средне
II верят средне

Ужасающаяся фамильярность (стр. 165)

Черновые записи в записной книжке 1926 г., № 37: строки 44—53, 10—16, 1—5, 21—23.

Заглавие отсутствует.

1—5 Куда ни ездий
как ни ерзай
и где ногой ни ступи
10—11 Где я
в Омске
или в Туле
44—53 Я к великим не суюсь в святые лики
Но пускай я даже миллиардный
Я взываю к вам от всех великих
Милые не обращайтесь с нами так фамильярно

Авторизованная машинописная копия:

51 I от всех великих:
II за всех великих:
53 I не обращайтесь с нами фамильярно!—
II не обращайтесь с ними фамильярно! —

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 196, 27 августа:

49—54 Но и я
взываю к вам
за всех великих:
— Милые
не обращайтесь с ними фамильярно!—

Беспризорщина (стр. 170)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37: строки 1—8, 56—63; заготовки рифм к строкам 21—25, 41—45.

Заглавие отсутствует.

3—4 Смотрите котлам в разинутый зев
56—60 I Привыкшие к щебету ангельских ротиков
вдумайтесь
II Привыкшие к щебету ангела ротика
слов беспризорных о<б>думайте жуть
61 Отдайте сумку товарищ тетенька

«МЮД» (стр. 173)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37: строки 43—50, 34—42.

Заглавие отсутствует.

36—37 I день

II Нэповский день

тих

49—50 Он не был

в жизни юношей

Авторизованная машинописная копия:

I Двадцатилетний люд —

46 I сидит пригорюнившись

II сидит пригорюнивши

52 I смертельно вырос

II из жизни вырос

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926 г., № 204, 5 сентября:

Двадцатилетний люд —

Две Москвы (стр. 176)

Авторизованная машинописная копия:

38 I пивные двери ляскают,

II пивные двери лязгают

39—40 I Есенины по кабакам

II Хулиганье по кабакам

51—52 I никчемный

черный Кремль

II суровый

старый Кремль

59—62 I И там

и тут

то громоздится лесами почтамт,

то Ленинский институт.

II Великая стройка уже начата.

И в небо

лесами идут

там

почтамт,

здесь

Ленинский институт.

Сочинения, т. 5:

Публикация идентична машинописи без поправок.

Хулиган (Республика наша в опасности) (стр. 180)

Авторизованная машинописная копия:

1 I Республика в дикой опасности.
II Республика наша в опасности.
6—7 на лапах —
два кулака.
33 I Врежь фонари
II Враги — фонари.
38—40 I Враг
всем
живущим трудом.
II Враг —
всяк,
живущий трудом.
68 I от нарванной груды
II от рваной груды
117—118 I Об этом
последнем бреде.
II Об этой
последней беде.

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 216, 19 сентября:

6—7 на лапах —
два кулака.

В мировом масштабе (стр. 187)

Авторизованная машинописная копия:

Заглавие: «Хулиганы в мировом масштабе».

Не время ль
85—86 I штыком причесать?
Не время ль
II их причесать?

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 222, 26 сентября:

Заглавие: «Хулиганы в мировом масштабе»

Разговор на Одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» (стр. 190)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37:

Заглавие отсутствует.

1—2 I Перья облака в закат расканарейте

II Перья облака закат расканарейте
5—7 I два
II пара пароходов говорит на рейде
14—16 I Красный раз другой моргнет зеленый
II Красный раз угаснет и зеленый
29—31 а в ответ коварная она
35—39 I Я теперь товарищ влюблена
в гордый Коминтерн трехтрубный крейсер
II Я теперь по мачты влюблена
в серый Коминтерн трехтрубный крейсер
40—42 I Сволочь бабы трясогузки и канальи
II Все вы бабы трясогузки и канальи

Заготовка к строкам 49—58:

И слеза размером в Черноморский округ
мокро
броня
ронять

49—54 I Скушно тут нехорошо и мокро
тут от скуки отсыреет и броня
II Скучно здесь нехорошо и мокро
Здесь от скуки отсыреет и броня

Праздник урожая (стр. 200)

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 230, 6 октября:

18—19 Одно
из наших великих начал —
40—49 Оружия много,
но самое веское —

амбар,
ломящийся от хлебных груд.
Поэтому
в почете —
дело деревенское

в почете —
крестьянский труд

57—58 и можешь
думать о новом фордзоне
62—63 за книгой
рубль покатился, звеня

Искусственные люди (стр. 203)

«Красная газета» (вечерний выпуск), Л. 1926, № 238, 9 октября:
Заглавие «Механические люди».

25 определенных выражений
75—77 Надо уничтожить их —
«если не везде,
то во всех местах».

Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому (стр. 206)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36 (июль—сентябрь): строки 218—228, 1—11, 22—29, 12—21, 30—40, 161—171, 60—68, 41—42, 199—208, 115—121, 188—198, 148—160, 183—187, 209—217, 172—182, 83—91, 69—70, 99—114, 71—82, 122—142, 51—59, 43—50.
Заглавие отсутствует.

33—35 I Добрые
а наш народ
бесстыж

II Добряки
а пишущий бесстыж
41—42 чем гордиться
что годится
49—50 Написал молебен о цементе

После 50-й строки — не вошедшая в окончательный текст строфа:

I Пять увесистых томов
II Столько-то увесистых томов
Как столько-то колов
Русью загоняет в Русь Романов [1]
Издается много для пустых голов
но для оттопыренных карманов
55—57 I Кстати говорят что это вы открыли мощи
II Кстати говорят что вы открыли мощи

После строки 59 неиспользованная рифма: чтение — мое почтение.

60—61 I Мало знать чистописаниев ремесла

---

[1] П. Романов — писатель, автор трехтомного романа «Русь», получившего отрицательную оценку в критике.

62—63	I	опи<сать>
	II	расписать закат или цветенье редьки
71—73		Что горенья даже нет и тленья
74—76	I	В их стихах
	II	В их стихе холодном и лядащем
80	I	ну и печатают в журнале исходящем
	II	и печатают в журнале в исходящем
99—102	I	ласковость болоночки дворовой деятельность блюдо рубле и других подобных лиз
	II	приспособленность и ласковость дворовой деятельность блюдо рубле и тому подобных лиз
106		и мы в быту
117		годы на спины грузя
120—121		мы и наши друзья
122—124		Мы не ласкаем ни глаз ни слуха
132—133		просто строим завтрашний мир
138—140	I	но рядом ведет инстинкт многогласый
	II	но верно ведет их инстинкт многогласый
	III	но врезал инстинкт в оркестр разноголасый
141—142	I	на штурм культуры веков
	II	в культуру рабочих веков
	III	и пы<ль?>
	IV	и слово грядущих веков
152—154		Вам дали все б от любви до квартир
155—157		прозаики сели пред вами б на парте
169		Я крикну ему
183—184		говорят защитники товарец ходкий
188—190	I	И вы в Европе и
	II	И вы в Европе где каждый из граждан
191—193		смердит покоем едой и валютцей
194—195	I	не лучше ль наш воздух
	II	не чище ль наш воздух

Первоначальный вариант рифмы строк 201, 205: грудами — Эдмундович

202—203	I	лысину южным теплом озарив
	II	лысину южным лучом озарив
214—215	I	и соколов сталь в моторном клекоте
	II	и соколы — сталь в моторном клекоте

218—220 делами кровью и строчкой этою
223—224 Мы славим взвитое красной ракетою

Автограф в записной книжке 1926 г., № 37. Строки: 92—98, 164—171.
Заглавие отсутствует.
164—168 и если заявится этот артист
у нас собирать рублик<н>

Журн. «Новый ЛЕФ», М. 1927, № 1, январь:
49—50 написал молебен о цементе
117 годы на спины грузя
181—182 вами
сочиненные ужи?
191—193 смердит покоем,
едой,
валютцей!
202—203 ..лысину
южной зарей озарив
218—220 Делами,
кровью,
строкою этою
223—224 мы славим
взвитое красной ракетою

Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем (стр. 213)

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 241, 19 октября:
97—99 Парь,
веселись,
зови гостей

«Красная газета» (вечерний выпуск), Л. 1926, № 246, 19 октября:
Заглавие «О выигрышном займе».
15 говори кассиру
17—44 *отсутствуют.*
57—66 *отсутствуют.*
97—101 *отсутствуют.*
120—124 *отсутствуют.*

Тип (стр. 225)

Журн. «Крокодил», М. 1926, № 38, октябрь:
Заглавие — «Три хулигана»
После 7: Из мордоворотной плеяды их
я выбираю троих.
122—129 *отсутствуют.*

Долг Украине (стр. 229)

Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 252, 31 октября:

85—88 Чтобы стали
всех стихов слова

Октябрь (1917—1926) (стр. 232)

Журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 11, ноябрь:

92—94 не дряхлел,
не стыл
и не молк,

Не юбилейте (стр. 235)

Авторизованная машинописная копия:

Заглавие I Не юбилей
II Не юбилейте!
3 I не в колокол позванивая
II не в колокол названивая
26 I к революции любовь
II революцию — любовь
56 I полустанок в пути,—
II ремонт в пути,—
59—63 I Остановка для нас,
для нас
юбилей —
Это
счет сбереженных рублей.
II Остановка для вас,
для вас
юбилей —
А для нас подсчет рублей.
67—69 I Остановка для нас,
для нас
юбилей —
II Остановка для вас,
для вас
юбилей —
70—71 I Это новые домны лей
II Это новые дымы лей
III а для нас расплавы лей.
IV это снова сплавы лей.
V А для нас это сплавы лей.

77—79 I Юбилей
для нас
подсчет работ,
II Юбилей!
А для нас
подсчет работ,

Стоящим на посту (стр. 240)

Авторизованная машинописная копия:

72 I А если ты качнешься
II А ты качнешься
110—111 I в центре — огни,
на окраине — ночи.
II чем дальше от центра,
тем глубже ночи.

Еврей (товарищам из ОЗЕТА) (стр. 244)

Авторизованная машинописная копия:

2 I заговори о вопросе еврейском
II начни о вопросе еврейском
21 I рабочих врагов голоса
II рабочим врагов голоса
43 I уставив глаз
II уставив зрачок
46 I чуть не заплакав
II едва не заплакав
50—52 I и немцам
и русским
и шайкой поляков.
II и немец
и русский
и шайки поляков.
88 I пошел солончак
II шел солончак.
113 I хоть разов с семи
II хоть раз из семи

О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки (стр. 248)

Авторизованная машинописная копия:

68 I предъявив пропуска
II предъявь пропуска

76 I недоступнее Сухаревой башни,
II величественнее Сухаревой башни,
77 I сидит
II вдали
110—111 I Чтоб не паслись
бюрократы
II Чтобы не пасся
бюрократ

Наш паровоз, стрелой лети (стр. 252)

Авторизованная машинописная копия:
Заглавие: I Наш паровоз, лети стрелой...
II Наш паровоз, стрелой лети...
11—12 I Одни груженые,
одни товарные...
II все груженые,
все товарные...
III и все груженые
и все товарные...
26—27 I Первым гроссбух,
приличный том,
II Несут гроссбух,
приличный том,
90 I никому не провесть,
II никому не прочесть.

Рождественские пожелания и подарки (стр. 255)

Авторизованная машинописная копия:
57 I не сожрет и Чемберлена
II не сожрет Чемберлена
66—67 миллионом вольт
неслась в провода

Наше новогодие (стр. 258)

Авторизованная машинописная копия:
50 I Кто нынче
II кто и нынче
58 I Марьям Андреевнам?
II Марьям Андревнам?
83 I из конца в конец растянем.
II из края в край растянем

ОЧЕРКИ

Мое открытие Америки (стр. 265)

Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь (очерк «Мексика»):

Стр.	265	*строка*	14	Я был чересчур мало,
»	»	»	16	Я был достаточно мало,
»	266	»	1—2	белым заштурмовал небо
»	267	»	6	*слова* «начинающие искусство» *отсутствуют.*
»	»	»	10	воротники на мне те же,
»	268	»	13—15	Но медяки, кидаемые первым и вторым в шляпы третьего, собирал в свою пользу.
»	269	»	33—34	сплошная вода с маленькой прослойкой воздуха.
»	271	»	30	двоюродный дядька позвал в Америку.
»	»	»	32—33	Звали вашего доктора. Не пришел. Вызвал к себе.
»	»	»	37	Мы третьи... классы!
»	272	»	4	марширует по берегу.
»	273	»	16—17	А вы, если перед вашими носами звенят серебряным, даже золотым мешком, разве не покуситесь?
»	»	»	32	А кто знает, кто знает.
»	276	»	15	Соединенные Штаты — дирижер и Мексики.
»	277	»	6—7	лирические вещи со сладострастиями, со стонами и с шторами,
»	278	»	7—8	выводил невозможные рулады,
»	279	»	28—29	и лошади пикадоров секунду бросаются с вывалившимися кишками,
»	»	»	32	и стал сам взвивать ее перед бычьим носом.
»	280	»	28—29	Никакого усатого или бородастого Сервантеса
»	281	»	15—17	вроде брата Нотр-Дама — Кафедраля на площади Сокола, да маленькой церковки

Стр.	281	*строка*	31	в объятие любовника
»	282	»	2—3	Эти домики лепятся друг к другу как клетки для галош в Художественном театре.
»	»	»	30—31	по последним техническим словам.
»	283	»	12	*слово* «прямо» *отсутствует.*
»	»	»	41	*слова* «самые солидные» *отсутствуют.*
»	289	»	4—5	в реку, делящую два Ларедо. Стреляли из кольтов с лодок.
»	»	»	9	Много идей взлетают искрами
»	»	»	32	Мексиканец оставил костыли
»	290	»	41	сделаем знамя — арбузом,—

Журн. «Красная нива», М. 1926, № 6, 7 февраля (очерк «Встреча с Диего де Ривера»):

Стр.	276	*строка*	28	после — манго — пародия на банан с волосатой косточкой.

Журн. «Новый мир», М. 1926, № 2, февраль (очерк «Нью-Йорк»):

Стр.	294	*строка*	24	*фраза* «Многие прямо на тот свет эмигрировали» *отсутствует.*
»	»	»	9—10	выиграл в карты какую-то сумму.
»	»	»	34	он — уважаемейшее лицо в городе:
»	296	»	14—15	и все это без малейшего представления обо мне,
»	»	»	22	*слово* «несуществующим» *отсутствует.*
»	297	»	25	где 20 лет назад
»	298	»	3	летит по Гудзоньеву берегу
»	»	»	16—17	как будто уже щекой трешься об этот камень
»	300	»	25	бесчисленные голосейки
»	302	»	18	и двадцать тысяч бланков
»	»	»	37	и яичницу «хэм энд эггс»
»	303	»	5—6	по столам валяются
»	305	»	6—7	Можно читать газету и петитом, и у соседа, и на иностранном языке.
»	»	»	39	приведенном в порт штрейкбрехерами,
»	306	»	9	Авеню, прилегающее к пристаням,
»	»	»	11	зовется здесь
»	»	»	15	загонять кассира в угол

Стр.	306	*строки*	24—25	но и бандиты организованы неплохо.
»	307	»	7—8	то близлежащие и лавочник, и молочник,
»	»	»	29—30	и в котором все-таки живут
»	308	»	39	скалить в улыбке лошажьи зубы
»	309	»	38—39	это помесь американского шампанского
»	311	»	35—36	не посыпятся искры.
»	»	»	37—38	вызывала такую радость.
»	312	»	1—2	окончательно решили вопрос
»	314	»	1—2	не скажет вам безразлично:
»	»	»	28	детская изобретательность растет.
»	315	»	28—29	положив деньги на бочку, считается возможным купить все.
»	316	»	31—33	«фифти-фифти», в общем, какая разница?
»	317	»	7—8	Сравните с этим Браунингом, развлекающимся в Нью-Йорке

Газ. «Бакинский рабочий», 1926, № 43, 19 февраля (очерк «Я люблю Нью-Йорк»):

Стр.	300	*строки*	11—12	Я люблю Нью-Йорк в осенние деловые будни.
»	»	»	23—24	(остров, на котором расположен Нью-Йорк).
»	»	»	24	от океана до Гудзона.
»	»	»	29	развезенных грузовиками
»	»	»	32—33	торопливо запихивая в рот первое топливо — стакан паршивого кофе
»	»	»	34	в тысячах экземплярах
»	»	»	35	в кипящий, плюющий котел сала
»	»	»	36	Вокруг сплошной человечиной течет
»	301	»	4—5	заливает дыры подземок, выпирает в крытые ходы
»	»	»	5—9	несется по воздуху двумя в высоту и тремя параллельными воздушными курьерскими поездами.
»	»	»	10	*слово* «эти» *отсутствует.*
»	»	»	14—15	опустил в высокую (тумбу) копилку-кассу 5 центов,
»	»	»	15—16	показывает сидящему в будке меняле — на, мол, никакой фальши.

Стр.	301	*строки*	22	грохот грузовоза перед носом
»	»	»	31—34	по бесчисленным нортовым работам, а к 8 утра улицы заполняются новой бесчисленностью более чистых и холеных работниц контор, канцелярий и магазинов с подавляющей примесью стриженых, голоколенных, с закрученными чулками сухопарых девиц.
»	»	»	36—38	по всем этажам небоскребов Дантауна (так называется деловая часть Н.Й.) десятки лифтов по бокам парадных ходов.
»	»	»	40—41	в каждом этаже и десятки курьерских без остановок до семнадцатого. Своеобразные часы указывают нам этаж,
»	302	»	2—3	лампы отмечают красным светом спуск, а белым — подъем.
»	»	»	4—7	Если у вас два дела — одно в 7-м, а другое в 39-м, вы берете местный лифт (локал) до 7-го, вылазите, потом таким же лифтом дотаскиваетесь до 17 и чтобы не терять ни минуты в 17-м пересаживаетесь на экспресс.
»	»	»	10—23	*отсутствуют.*
»	»	»	26—41	*отсутствуют.*
»	303	»	1—16	*отсутствуют.*
»	»	»	26	способность увлекаться
»	»	»	35	тысяч катящихся автобусов,
»	»	»	36	*слово* «прошедшим» *отсутствует.*
»	»	»	37—38	десятки тысяч автомобилей, рвущихся в обе стороны семью, восемью рядами.
»	304	»	4	и дорогу боковым
»	»	»	9	пересечь улицу немедля
»	»	»	14	это хорошая ручка
»	»	»	20	так говорили мне испытавшие «клоб» товарищи.

Стр.	304	*строка*	24	много трудней, чем в Баку.
»	»	»	28—29	значит пройди 45 кварталов и сверни направо, до угла 2-й и через две улицы будет вторая авеню. Таким образом вы всегда знаете даже расстояние, которое вам нужно пройти. 45 кварталов, 45 минут да дойти до второй три. Итого 47.
»	»	»	31—32	мы с вами живем рядом — оба на Бродвее.
»	»	»	34	Впрочем у американцев каждому предприятию приставка «грет» великий или «феймус» — знаменитый.
»	»	»	35	Путь действительно белый,
»	»	»	38	свет фонарей, горящих для света,
»	305	»	1—3	свет несущихся авто и элевейтеров (воздушных ж. дорог), свет мелькающих под ногами в стеклянных окнах тротуара подземных поездов,
»	»	»	6—7	Можно читать газету, даже петитом, даже у соседа и даже на иностранном языке.
»	»	»	9—15	*текст отсутствует.*
»	»	»	16	Кто поверит, что в богатейшем Нью-Йорке стоят ящики со всевозможными отбросами
»	»	»	22—23	*текст отсутствует.*
»	»	»	31—32	не допускают штрейкбрехеров.
»	»	»	39	приведенном в порт штрейкбрехерами
»	306	»	1—2	членов Ай добль-добль-ю (индустриальные рабочие мира союз) свистели ему с берега.
»	»	»	8	размером приблизительно в два-три бакинских приморских бульвара.
»	»	»	9	Авеню, прилегающая к пристаням,
»	»	»	11—12	зовется здесь «Авеню смерти»
»	»	»	14	в отелях вырезывают из-за долларов целые семьи.
»	»	»	15	в подземках загоняют кассиров в углы меняльной будки.

Стр.	306	*строка*	16	кстати меняя доллары
»	»	»	19	Но при деньгах можно и вывернуться.
»	»	»	28	уплаченных в разное время за разных грабителей.
»	»	»	29	об одном бандите 42 раза выходящем из тюрьмы под залоги.
»	307	*после 4-й строки*:		Не соединенные ли это Штаты международных эксплуататоров, помахивающих перед носом выжимаемых рабочих надеждой на лишний костюм, граммофон и свой дешевенький автомобиль форд?

Журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль (отрывок «Америка»):

Стр.	321	*строки*	7—8	*фраза*: «В переводе на русский: гони монету получишь летчиков» *отсутствует.*
»	322	»	4	потрясаемо бессмысленной, глупой возней.
»	»	»	5—6	опускают выстланные в потолок кровати,
»	»	»	25	прижать вплотную (по-египетски)
»	»	»	29	*слова* «и приведения вагона в «сидящий вид» *отсутствуют.*
»	323	»	22—23	завоевательского характера
»	»	»	25	*слово* «техники» *отсутствует.*
»	324	»	9—10	*слова* «и подлежащим разрушению по окончании быстрой надобности» *отсутствуют.*
»	»	»	35—36	двадцатиэтажные, чтоб тридцати, тридцати, чтобы — сорока и т. д.
»	325	»	6	*слово* «фермчатый» *отсутствует.*
»	326	»	25	*текст отсутствует.*
»	327	»	4—8	Рядом с этой теплой компанией очень странно существование легализованной рабочей партии Америки и осмелившихся на борьбу профессиональных союзов.
»	329	»	1	американцами считают этих,
»	»	»	28	контор не занимает,

Стр.	329	*строка*	30	виски, и то не американский, а привозной.
»	»	»	40	не дает им времени ждать,
»	330	»	12—13	но острокрыший, выкрашенный для красоты золотом.
»	331	»	8—9	поэт Карл Самборг
»	»	»	11—12	этот самый Самборг
»	»	»	40	*после слов* «мебельный центр» *следует фраза*: «Самый большой хлебопроизводитель».
»	332	»	3	*текст отсутствует.*
»	»	»	6	большой центр рассылки покупок по почте.
»	333	»	18	зацепив их за их живую ножку,
»	»	»	27	пароходами идет ветчина
»	334	»	29—30	названий и серий бесчисленных акций
»	»	»	36	чем его однофамилец Вудро.
»	335	»	12—15	он напрасно пускает в Соединенные Штаты только служителей долларов, что рано или поздно — а придется пустить.
»	337	»	8	к Советской России.
»	»	»	39—40	о моментальном приеме нанявшихся русских белых.
»	338	»	33—34	фордарь — популярнейшее слово
»	339	»	27—28	вид у анкетчиков и провожающих, как у состарившихся,
»	342	»	30—31	уехавшая без французской визы
»	»	»	40	за день до прибытия,
»	343	»	16	и вытаскивал женщин на палубу
»	»	»	26—28	опять отпраздновали томболу. Я старался оформить основные американские впечатления.
»	»	»	36—37	Перед работниками искусства встает задача: не воспевание техники, а обуздание ее
»	344	»	39—40	для каждого проезжающего Америки.
»	345	»	23—24	Роман «Борьба двух миров».

Газ. «Киевский пролетарий», 1926, № 21, 31 января (очерк «Чикаго»):

Стр.	330	*строка*	34	в 20 году.
»	332	»	10—11	Самая лучшая система бульваров во всей земле.
»	»	»	14	Что же этот город Чикаго?
»	333	»	18	зацепив их за их живую ножку,
»	»	»	18—19	перекидывает на непрерывную цепь
»	»	»	39	судите о других по охвату и мощи его предприятия.
»	334	»	16—18	Погоня за новыми барышами. Армор сбагривал четырехлетние яйца
»	»	»	20	Наивные люди, желая смотреть столицу
»	»	»	27—30	пустить на воздух к чертям свинячим всю эту уличку? Не поможет, в воздух взлетят только книги записей вкладов названий и серий

Газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 21, 28 января (очерк «Детройт»):

подзаголовок				Форд.
то же				Из книги «Мое открытие Америки».
Стр.	337	*строки*	1—2	русская и еврейская газеты рабочей (коммунистической) партии Америки.
»	»	»	7—8	внимательно относящиеся к Советской России.
»	»	»	9	группа врангелевцев,
»	»	»	13—14	которую американцы называют «принцесс Серил»
»	»	»	27—28	От этой борисовской работы
»	»	»	32—33	Вновь привезенные не ученые белогвардейцы еще тычутся по предприятиям.
»	»	»	36—37	показывают таких русских новичкам:
»	»	»	38—39	Есть у Форда какой-то бессовестный приказ
»	338	»	29	шестьюдесятью тысячами. Да еще в Дирборне
»	339	»	27—28	Вид у анкетчиков и провожающих, как у состарившихся,
»	340	»	3	рабочие из-под цепи снизу
»	»	»	14—15	выходим на Вудворд улицу.

Стр. 340	*строки*	19—20	вот я бы вас повел в кузницу на Ривер Руж,
» »	»	32—33	глаз от них все равно портится года через два,

Отдельнсе издание:

Стр. 266	*строки*	38—39	за грошевые побрякушки спутники спутников Колумба.
» 277	»	26—27	издают лубочные листки с поэмкой
» 281	»	31	в объятие любовника
» 283	»	41	*слово* «самые» *отсутствует.*
» 289	»	32	Мексиканец оставил костыли,
» 296	»	14—15	и все это без малейшего представления об мне,
» 297	»	35	неэкономное электричество
» 298	»	16—17	как будто уже щекой трешься об этот камень.
» »	»	27—28	белыми плитками, выстилавшими безоконные галереи
» 302	»	17—18	двадцать тысяч бланков
» 312	»	37—38	уважают как веселого «атта боя».

Текст от стр. 319 *строки* 25 *до стр.* 320 *строки* 17 *отсутствует.*

Стр. 320	*строки*	19—20	воображению представляется.
» 323	»	22—23	завоевательского характера американского развития
» 324	»	35—36	двадцатиэтажные — чтоб тридцати, тридцати — чтоб сорока и т. д.
» 329	»	30	виски, и то не американский, а привозной.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В СЕДЬМОЙ ТОМ

Открытие Америки. Изд. «Нью Уорлд пресс», Нью-Йорк, 1925, 32 стр., рисунки Д. Бурлюка (вышло в октябре).

Сергею Есенину. Изд. «Закклига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в апреле).

Первый первомай (Откуда повел рабочий класс 1-е мая в первый раз). Изд. «Прибой», Л. 1926, 16 стр. (вышло в мае).

Разговор с фининспектором о поэзии. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в июне).

Сифилис. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в июне).

Мое открытие Америки. Гиз, М. 1926, 142 стр. (вышло в августе).

Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка. Гиз, М. 1926, 93 стр. (вышло в августе).

Избранное из избранного. Изд. «Огонек», М. 1926, 54 стр. (вышло в октябре).

Мы и прадеды. Изд. «Молодая гвардия», М. 1927, 35 стр. (вышло в марте).

Сочинения. Т. 5, Гиз, М. 1927, 435 стр. (вышел в июне).

Школьный Маяковский. Гиз, М. 1929, 104 стр. (вышло в сентябре).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи об Америке (1925—1926)

Этот цикл из двадцати двух стихотворений Маяковский создал в результате поездки в Америку в 1925 году. 25 мая поэт покинул Москву и после трехнедельного пребывания в Париже сел во французском порту Сен-Назер на пароход «Эспань», отправлявшийся в Мексику. Отплыв 21 июня из Франции, пароход на следующий день зашел на несколько часов в испанский порт Сантандéр. В тот же день Маяковским было написано стихотворение «Испания», за которым последовал ряд произведений, составивших своеобразный поэтический «дневник» путешествия.

5 июля, после двухнедельной поездки через Атлантический океан, пароход прибыл в порт Гавану (остров Куба), где стоял в течение суток. Наконец, 8 июля Маяковский сошел на мексиканский берег в порту Вера-Круц (Веракрус) и на другой день приехал в столицу страны — Мéхико. В Мексике поэт находился около трех недель.

27 июля, с трудом получив визу, Маяковский пересек границу Соединенных Штатов Америки [1]. 30 июля поэт прибыл в Нью-Йорк и прожил здесь почти три месяца, выезжая в крупнейшие города восточных штатов (Кливленд, Детройт, Чикаго, Филадельфия, Питсбург) и выступая на многочисленных вечерах и митингах.

В течение всего путешествия Маяковский не прекращал большой творческой работы; к моменту отъезда из США «американская» записная книжка поэта содержала семнадцать стихотворений.

В США он читал большинство из этих стихотворений, неизменно

[1] Не без оснований опасаясь проверки своих рукописей, которая могла дать повод к запрещению въезда в США (см. очерки «Мое открытие Америки»), Маяковский предварительно зачеркнул «опасные» места в текстах уже написанных им стихотворений о путешествии, а именно: слово «Исусе» в антирелигиозном стихотворении «6 монахинь» (строка 101); относящиеся к Америке слова «закрыл, слегка почистил» и «опять открыл вторично» в стих. «Христофор Коломб» (строки 261—265); слова «надо обращаться в Коминтерн, в Москву» в стих. «Блек энд уайт» (строки 140—142); имена мексиканских революционеров Запаты, Гальвáна, Морéно, Карúо в стих. «Мексика» (строки 275—279). В тексте последнего стихотворения зачеркнут также ряд слов в строфах о революционной борьбе мексиканского народа: слова «сытый», «запирает», «борьбе», «камарада» (строки 248—261) и «багровое знамя» (строка 288). Впоследствии поэт восстановил все зачеркнутые места (в записной книжке 1925 года, № 33).

встречавших горячий прием аудитории. В газетном отчете об одном из его вечеров в Чикаго говорится: «...Публика едва не сорвала крышу неистовыми криками восторга от его стихов, посвященных Америке: «Открытие Америки», «Вульворт и барышня», «Вилли из Гаваны». Пятьсот экземпляров его стихов были распроданы на месте» («Дейли Уоркер». Чикаго, 1925, № 206, 5 октября).

28 октября Маяковский отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Рошамбо» и 5 ноября прибыл в Гавр (Франция). На пароходе было начато стихотворение «Домой!», которое тематически завершало стихи о поездке в Америку. 22 ноября 1925 года поэт возвратился в Москву.

В тот же день в беседе с корреспондентом он сказал: «Слухи о моих успехах в Америке нисколько не преувеличены. Я нахожу, что иметь аудиторию в полторы тысячи человек в течение ряда недель — это, конечно, успех. Думаю, что, кроме литературного, мои лекции имели некоторое значение еще и в смысле революционном...

Для печати я привез книгу стихов о Мексике, об Испании и об Атлантическом океане. Есть у меня и новая книга о Соединенных Штатах» («Новая вечерняя газета», Л. 1925, № 213, 23 ноября).

За границей Маяковский опубликовал два стихотворения: «Испания» (в Нью-Йорке) и «Христофор Коломб» (в Нью-Йорке и Париже). Ранее, еще в середине июля, находясь в Мексике, поэт послал в Москву Л. Ю. Брик четыре стихотворения — «Испания», «6 монахинь», «Атлантический океан» и «Христофор Коломб» — с просьбой передать их в журналы и газеты[1]. До возвращения поэта в Москву эти стихи — за исключением стихотворения «Испания» — были опубликованы в советской печати (см. прим. к этим стихотворениям).

В течение декабря 1925 — февраля 1926 года Маяковский опубликовал в газетах и журналах остальные пятнадцать стихотворений. Кроме того, 3 января 1926 года поэт сдал в Госиздат сборник «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» (вышедший в том же году), в который вошли все «американские» стихи, за исключением стихотворения «Вызов».

Но работа поэта над стихами об Америке на этом не прекратилась. Весной 1926 года Маяковский в статье «А что вы пишете?»

---

[1] В письме Маяковского говорится по этому поводу: «Шлю стихи и беспокою тебя страшными просьбами:

1. «Открытие Америки» дай Лефу.
2. «Испанию» дай «Огоньку».
3. «Монашек» попробуй «Известиям». } или наоборот.
4. «Атлантический океан» — «Прожектору»: }
5. Все вместе предложи «Радио Роста».

говорит, что он продолжает «дорабатывать стихи об американском путешествии» (см. т. 12 наст. изд.). В течение весны — лета 1926 года Маяковский закончил и опубликовал еще четыре стихотворения об Америке: «Сифилис», «Свидетельствую», «Мексика — Нью-Йорк», «Тропики».

Следует отметить и неосуществленный замысел, о котором он упоминает в статье «Как делать стихи»: «Есть темы разной ясности и мутности. 1) Дождь в Нью-Йорке. ...» (см. т. 12 наст. изд.). Кроме того, по свидетельству американской газеты, поэт собирался написать стихи о Детройте (см. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, № 561, 28 сентября).

В 5 том своего Собрания сочинений Маяковский включил все стихи, связанные с поездкой, кроме стихотворения «Вызов», и объединил их в разделе «Стихи об Америке». Этот раздел представляет цикл, последовательно рассказывающий о путешествии поэта.

В данном томе, в соответствии с общим построением томов настоящего Полного собрания сочинений, стихи об Америке размещаются в хронологическом порядке их написания. Но четыре стихотворения, написанные в 1926 году, расположены в той последовательности, какая была установлена для них самим автором в 5 томе его Собрания сочинений.

Большинство стихотворений, написанных в США, поэтом не датировано. В то же время можно почти с полной уверенностью сказать, что порядок размещения черновиков этих стихотворений в записной книжке поэта точно соответствует последовательности их написания. Первое («Бродвей») и последнее («Кемп «Нит гедайге») из написанных в США стихотворений датированы; это позволяет установить, что стихотворения о Соединенных Штатах написаны в Нью-Йорке в период с 6 августа по 20 сентября.

Публикуя стихи об Америке, Маяковский в ряде случаев давал к ним примечания. Эти примечания воспроизводятся в комментариях к отдельным стихотворениям.

Ряд важных пояснений к стихотворениям читатель найдет также в очерках «Мое открытие Америки», помещенных в данном томе.

При подготовке текстов стихотворений (а также очерков) об Америке были упорядочены некоторые написания иностранных слов и собственных имен. Одни из этих написаний выправлены по рукописям и авторизованным публикациям произведений Маяковского, другие уточнены в соответствии с современными правилами транскрипции. Изменения эти (за исключением отдельных случаев) не оговариваются.

Испания (стр. 7)[1]. Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, № 871, 14 августа; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5.

Написано на борту парохода «Эспань» и датировано в записной книжке: «22.VI. Santander».

В газете «Новый мир» — органе русской секции Рабочей (коммунистической) партии США — было напечатано вместе с приветствием Маяковскому на странице, специально посвященной его приезду в Америку.

Поэт неоднократно читал это стихотворение после возвращения из Америки во время своих выступлений в различных городах СССР. (В афишах оно иногда названо по последней строке: «Как собаке здрасите».) По свидетельству организатора этих выступлений П. И. Лавута, Маяковский обычно перед чтением этого стихотворения говорил:

« — Я должен сказать вам несколько слов по поводу этой самой Испании. Ко мне часто обращаются, особенно девушки: «Ах, какой вы счастливый, вы были в Испании, какая очаровательная страна! Там тореадоры, быки, испанки и вообще много страсти». Я тоже был готов к тому, чтобы увидеть что-нибудь в этом роде. Но ничего подобного. Пароход подплыл к испанскому берегу, и первое, что мне бросилось в глаза, это довольно прозаическая вывеска грязного склада «Леопольдо Пардо». Правда, веера у испанок есть,— жарко, вполне понятно. А так ровно ничего примечательного, если не считать, что по-русски—телефон, а по-испански—телефонос...» (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, № 4-5, стр. 202).

Santander (Сантандéр) — портовый и курортный город в Испании на берегу Бискайского залива. В письме, отправленном отсюда в Москву, Маяковский писал: «Так как показалась Испания, пользуюсь случаем известить вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, смотри на карте Santander» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника.

---

[1] При составлении примечаний к этому стихотворению и к ряду других стихотворений американского цикла («Мелкая философия на глубоких местах», «Мексика», «Барышня и Вульворт», «100%», «Бруклинский мост» и «Кемп «Нит гедайге»), а так же к очеркам «Мое открытие Америки» были использованы материалы, предложенные С. С. Кэмрадом.

Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 231).

Строка 4. *Бард* — странствующий поэт, певец.

6 м о н а х и н ь (стр. 9). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Прожектор», М. 1925, № 16, 31 августа (под названием «Монашки» и с обозначением места написания: «Атлантический океан. Пароход «Эспань»); «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5; сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Ньюйоркская газета «Новый мир» (1925, 3 октября) сообщала: «Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала «Спартак»... Среди разнообразного материала имеется неизданное еще стихотворение Владимира Маяковского». По свидетельству советского литературоведа М. О. Мендельсона, в то время находившегося в Америке, в журнале «Спартак» (Нью-Йорк, 1925, № 1, октябрь) было опубликовано стихотворение «6 монахинь».

Строки 64 и 92 печатаются по текстам записной книжки и журн. «Прожектор»: «и ночью, и в утра, и в полдни» вместо: «и ночью, и в утро, и в полдни»; и: «почему вы не летаете?» вместо: «то почему вы не летаете?»

В записной книжке дата: «26/VI. Атлантический океан».

Маяковский читал стихотворение на многих своих вечерах и сопровождал его, как свидетельствует П. И. Лавут, таким комментарием: «На пароходе «Эспань»... я наблюдал совершенно чудовищных монашенок. Если сам не увидишь, не поверишь, что такие существуют в природе. Вот о них я вам и прочту. Здесь встречается не всем понятное слово «квота». «Квота» — это норма, по которой американцы впускают к себе эмигрантов» (П. Л а в у т, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, № 4-5, стр. 201).

10 июня 1929 года Маяковский прочитал стихотворение «6 монахинь» на II съезде Союза воинствующих безбожников в Москве. Заседание съезда транслировалось по радио.

Строки 48—49. *...медали со Львом и с Пием.*— Повидимому, речь идет о медалях с изображениями римских пап Льва XIII и Пия IX.

Строки 55—58. *...оркестром без дирижера шесть дорожных вынимают евангелишек.*— В 1920-е годы в Москве был популярен так называемый «Персимфанс» (Первый симфонический ансамбль) — оркестр, выступавший без дирижера.

А т л а н т и ч е с к и й о к е а н (стр. 12). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); беловой автограф (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); фонографическая запись авторского чтения (БММ); газ. «Известия ЦИК», М. 1925, № 185, 15 августа; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5; «Школьный Маяковский».

Написано на борту парохода «Эспань». Датировано в машинописной копии: «2.VII. Океан».

Читая стихотворение на своих вечерах, Маяковский, по свидетельству П. И. Лавута, говорил:

« — Я вам сейчас прочту стихотворение, которое называется,— и подчеркнуто громко объявлял: — «Атлантический океан».

Начало он читал медленно и немного растянуто. Затем, говоря «за океан»:

«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться»,

покряхтыванием и покачиванием всего корпуса и голосом он передавал впечатление неуклюжей громады. К концу он снова замедлял и чеканил, усиляя голос:

По шири,
по делу,
по крови,
по духу —
моей революции...

(и, резко обрывая последнюю строку, поднимал вверх руки)

...старший брат».

(П. Л а в у т, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, № 4-5, стр. 200—201).

Строки 1—17. *Испанский камень слепящ и бел... Европа скрылась, мельчась.*— В этих строках говорится об отплытии из испанского порта Ла Корунья. В очерках «Мое открытие Америки», указывая маршрут своего путешествия, Маяковский дал французское название этого порта — «Ла-Коронь» (см. стр. 265 данного тома). Порт Ла Корунья расположен на берегу Атлантического океана, на крайнем западе Европы.

Строка 78. *...порфиру пены в клочки изодрав.*— Порфира —бархатная мантия, подбитая горностаем, — символ монархической власти.

Строка 92. *Цик* — Центральный Исполнительный Комитет Советов — верховный орган Советской власти до 1936 года — до принятия новой конституции СССР.

Мелкая философия на глубоких местах (стр. 17). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Вечерняя Москва», М. 1925, № 285, 14 декабря; газ. «Киевский пролетарий», Киев, 1926, № 25, 2 февраля; журн. «Лава», Ростов н/Д., 1926, № 2, февраль; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

В мае 1926 года Маяковский опубликовал в ленинградской «Красной газете» (вечерний выпуск, № 117, 20 мая) другую редакцию стихотворения. Однако в Собрание сочинений вошла первоначальная. (Вторую редакцию см. стр. 367).

Написано на борту парохода «Эспань». В записной книжке дата: «3 июля. Атлантический океан». В этот же день поэт писал в Москву:

«Жара несносная. Сейчас как раз прем через тропик... Направо начинает выявляться первая настоящая земля Флорида. (Если не считать мелочь вроде Азорских островов...)

Нельзя сказать, чтоб на пароходе мне было очень весело. 12 дней воды это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей, а для сухопутных это много...» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 231—232).

При опубликовании стихотворения в «Вечерней Москве» фамилия бывшего редактора газеты «Известия ЦИК» Стеклова (строка 22) была заменена точками. Выступая в тот же день на диспуте «Больные вопросы советской печати», Маяковский сказал по этому поводу:

«Сегодня появилось в «Вечорке» мое стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах». Редактор спросил: Можно ли не включать слова: «А у Стеклова вода не сходила с пера»? Если бы я тогда, когда писал, знал, что Стеклов не является уже редактором «Известий», я бы вычеркнул эти слова сам, они были для меня ценны в работе. Я не протестовал, черкайте, потому что каждый включит свою фамилию на место вычеркнутого Стеклова, если захочет. Каждый может поставить себя: «а у Луначарского вода не сходила с пера», «а у такого-то вода не сходила с пера» и т. п. Это одно и то же. И если я не протестовал, то только из затаенного желания досадить сразу 30 человекам, а не только одному» (см. т. 12 наст. изд.).

Стеклов Ю. М. (1873—1941) — публицист и общественный деятель, первый редактор «Известий ЦИК» (1917—1925). Его длинные статьи — передовицы Маяковский иронически называл «стекловицами».

Строка 45. *Вроде рыбьего Бедного...*— Демьян Бедный (1883—1945), известный советский поэт.

Строки 55—56. *В сущности говоря, где птички?* — «Одно время, в 1923 году,— рассказывает Л. Ю. Брик, — Маяковский увлекался птицами и накупил их массу, самых разнообразных. Они быстро надоели ему, и он всех их выпустил на волю. Пришел к нам как-то обедать отец Осипа Максимовича Брика и направился прямо к птичкам. Их не оказалось. У него сделалось страшно удивленное лицо, он оглянулся на Маяковского и недоуменно спросил его: «В сущности говоря, где птички?» Вопрос этот показался Маяковскому необычайно забавно-глубокомысленным. Он долго носился с этой фразой, пока, наконец, не нашел ей место в «Мелкой философии на глубоких местах» (Л. Брик, Из воспоминаний о стихах Маяковского, журн. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 233).

Строки 63—65. *Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова.*

В воспоминаниях одного из современников поэта приводится шутливый рассказ Маяковского: «Я огибаю Азорские острова. И, как это ни странно, мне впервые в жизни взгрустнулось, никогда не грустящему. Здесь я плыву. А дальше? И Азорские плывут... И на самом этом месте я написал неглубокую философию на глубоком месте» (И. Кривошеев, Два вечера, газ. «Красная Мордовия», Саранск, 1940, № 86, 14 апреля).

Блек энд уайт (стр. 20). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь (с подзаголовком «Черные и белые»); «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5; «Школьный Маяковский».

Строка 36 печатается по тексту записной книжки и журн. «Красная новь»: «портово́й инспектор» вместо: «портовый инспектор».

Датировано в записной книжке: «5.VI. Гавана». Месяц указан неправильно. Поэт находился в Гаване в начале июля, и стихотворение, очевидно, написано 5.VII 1925 года.

Читая стихотворение «Блек энд уайт» на литературных вечерах, поэт нередко изменял его заглавие. Известны следующие варианты: «Негр Вилли», «Вилли из Гаваны», «Сахарный король», «Черные и белые», «Черное и белое».

В сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» стихотворение опубликовано с примечаниями самого поэта. Они воспроизводятся ниже — см. примечания к строкам 10, 11, 52 и 98.

Заглавие. *Блек энд уайт.* — Черное и белое (англ.).

Строка 2. *Гавана* — столица республики Кубы.

Строка 8. *Фламинго* — птицы из отряда аистообразных.

Строка 10. *Коларио* — гаванские цветы.

Строка 11. *Ведадо* — загородный квартал богачей.

Строка 20. *«Энри Клей энд Бок, лимитейд»* — крупная табачная фирма.

В 1947 году в Берлине был издан на немецком языке сборник произведений Маяковского, в который вошло и «Блек энд уайт». Сын упоминаемого в стихотворении «сигарного короля» Энри Клея, генерал Люшьес Клей, занимавший пост верховного комиссара США в Германии, отдал приказ об уничтожении всех экземпляров этого сборника в американской зоне оккупации (см. «Литературная газета», М. 1949, № 14, 16 февраля, стр. 4).

Строка 52. *Прадо* — главная улица Гаваны.

Строка 69. *Масео*, Антоньо (1845—1896) — один из руководителей борьбы кубинского народа за независимость.

Строка 98. *Ай бэг ёр пардон* — прошу прощения.

Сифилис (стр. 24). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); авторизованная машинописная копия (хранится у В. А. Катаняна); журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 4, апрель; отдельное издание; Сочинения, т. 5; сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Строка 189 печатается по тексту записной книжки: «узор непонятный вплетен» вместо: «узор непонятный влеплен». Строка 191 печатается по тексту журнала: «у матери в животе» вместо: «у матерей в животе».

Написано после возвращения из Америки, в январе — марте 1926 года.

Весной 1926 года Маяковский, рассказывая о своих творческих планах, писал: «Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас; такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях...» (статья «А что вы пишете?», см. т. 12 наст. изд.).

Христофор Коломб (стр. 31). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); отдельное издание; газ. «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1925, № 270, 6 ноября (под заглавием «Открытие Америки»); газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 162, 13 ноября

(под заглавием «Открытие Америки» и с подзаголовком «Поэма»): «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка». Сочинения, т. 5.

В текстах записной книжки и машинописной копии, сделанной, повидимому, в Нью-Йорке (текст переписан на американской бумаге), эпиграф отсутствует и вместо «Коломб» везде дано общепринятое начертание «Колумб». С этим начертанием стихотворение было еще в середине июля 1925 года послано Маяковским из Мексики в Москву для опубликования в журнале «Леф». Но «Леф» в это время перестал выходить, и стихотворение было напечатано лишь 6 ноября в ленинградской «Красной газете».

Между тем еще в первой половине октября стихотворение вышло отдельным изданием в Нью-Йорке. Готовя текст к этому изданию, Маяковский предпослал стихотворению шутливый эпиграф [1] и ввел начертание «Коломб», которое, по всей вероятности, исходит из американского произношения имени великого мореплавателя. Все последующие авторизованные публикации стихотворения давались с этим последним начертанием.

Стихотворение написано на борту парохода «Эспань» и датировано в машинописной копии: «7.VII. Атлантич<еский> океан».

В письме от 3 июля поэт, сообщая о том, что он приближается к американскому континенту, шутил: «Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как за неимением одесситов трудно узнать, как уменьшительное от Христофор[2]. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое...» (см. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 230).

Строка 14. *Сион* — «священная» гора в Иерусалиме, столице древнееврейского государства.

Строка 72. *Флорины и пезеты* — флорентийские и испанские монеты.

Строка 114. *Жижон* — французское название испанского порта Хихон.

Строка 144. *...пучки травы волокли.* — Сарагоссово (точнее — Саргассово) море изобилует пловучими водорослями.

Строка 153. *Сан-Сальвадор* — остров в Саргассовом море принадлежащий к группе Багамских островов. Предполагают, что Сан-Сальвадор был первым островом, открытым Колумбом во время путешествия.

[1] В действительности Христофор Колумб — сын генуэзского ремесленника.

[2] См. первоначальный вариант строки 6 (стр. 406).

Строки 193—195. *...фокус со знаменитым Колумбовым яйцом.*— Имеется в виду предание о находчивости Колумба, который сумел поставить яйцо стоймя, надколов его снизу.

Строка 231. «*Мажестик*» — название одного из крупнейших трансатлантических кораблей первой четверти XX века.

Тропики (стр. 39). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36 (БММ); газ. «Красный Крым», Симферополь, 1926, № 156, 11 июля; журн. «Красная нива», М. 1926, № 36, 29 августа (вместе с тремя рисунками Маяковского, сделанными в Гаване и в Мексике); Сочинения, т. 5.

Написано после возвращения из Америки в мае — начале июля 1926 года.

В статье, опубликованной в мае этого же года, поэт привел одну из рифм стихотворения в качестве примера «поэтической заготовки».

«Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас поэтических заготовок.

Например...

(окрашены) *нагусто*

(и дни и ночи) *августа...*

Способ грядущего их применения мне неведом, но я знаю, что применено будет все» (см. «Как делать стихи», в т. 12 наст. изд.).

Строка 25. *Шантеклер* — петух (франц.); персонаж из одноименной аллегорической пьесы французского драматурга Э. Ростана (1868—1918).

Мексика (стр. 41). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Огонек», М. 1926, № 1, 3 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 77 печатается по тексту записной книжки: «сомбреро нахлобуча» вместо: «сомбреро нахлобучив».

В т. 5 Сочинений стихотворение датировано: «Мехико-Сити. 20/VI—1925». Месяц указан неправильно. Маяковский находился в Мексике с 8 по 27 июля, и стихотворение написано, очевидно, 20 июля 1925 года.

Газета «Эксцельсиор» (Мехико, 1925, 10 июля) напечатала интервью с Маяковским, в котором, ссылаясь на слова самого поэта, писала о его творческих планах: «...Он постарается выразить в

своих стихах национальный дух нашего народа» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 234).

В афише об одном из выступлений поэта в декабре 1925 года стихотворение «Мексика» было объявлено под заглавием «Индейская история». Заслуживает внимания также выдержка из другой афиши (Москва, 19 декабря 1925 года): «...Моктецума — ястребиный коготь. Сто этажей. Маркита. Гав-ду-ю-ду. Бой быков...» Повидимому, речь идет здесь о двух частях стихотворения «Мексика»: первая из них — «Моктецума — ястребиный коготь» — посвящена историческому прошлому, а вторая — «Бой быков» — современной Мексике.

В журнале «Огонек» стихотворение было опубликовано вместе с шестью фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики, и очерком, который представляет расширенный комментарий к стихотворению и фотографиям. Этот очерк публикуется отдельно (стр. 347). Читатель найдет в нем данные поэтом объяснения некоторых мексиканских выражений и собственных имен, вошедших в текст стихотворения (Кетцаль, пульке, Гватемок, Моктецума, Кортес, Чапультапек и др.).

В сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» Маяковский также сделал к этому стихотворению несколько примечаний, которые воспроизводятся ниже — см. примечания к строкам 60, 67, 215, 277—279 и 286—288.

Строка 1. *О, как эта жизнь читалась взасос!* — В детстве Маяковский увлекался романами из жизни индейцев. «Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду»,— вспоминал он впоследствии (см. стр. 272).

Строка 6. *Лассо* (испанск.) — аркан для ловли животных.

Строка 8. *Мустанг* — одичавшая лошадь в степях Америки.

Строка 16. *Мокассины* — род обуви у индейцев.

Строка 18. *Бульдог* — система револьвера.

Строки 33—35. *И берет набитый «Лефом» чемодан.*— Стремясь познакомить прогрессивных зарубежных деятелей культуры с редактируемым им журналом «Леф» («Левый фронт»), Маяковский во время поездок за границу обычно брал с собой большое число экземпляров этого журнала.

Строки 36—43. *Монтигомо Ястребиный Коготь... «Бледнолицый Брат».*— Прозвища увлекавшихся «индейскими» романами гимназистов — героев рассказа А. П. Чехова «Мальчики».

Строки 48—50. *...стрелами, отравленными в Кутаисе...*— В г. Кутаисе (Кутаиси) прошли отроческие годы поэта.

Строка 60. *...гачупины с гринго*—испанцы, американцы —презрительные мексиканские прозвища.

Строка 67. *Пульке* — полуводка.

Строка 69. *Сантим* (точнее — сентаво) — мелкая монета в Мексике.

Строка 77. *Сомбреро* — широкополая шляпа.

Строка 105. *...вторая сестра Элладова.*—Эллада—древняя Греция.

Строки 112—114. *...Изабелла, жена короля Фердинанда.*—Имеются в виду завершившие объединение Испании арагонский король Фердинанд (1452—1516) и кастильская королева Изабелла (1451—1504), в годы царствования которых началась испанская колонизация Америки.

Строка 132. *...двумордые идолы* — индейские боги ветра, изображаемые с двумя лицами.

Строки 154—157. *Он умер, чтоб в бронзе веками стоять наискосок от полпредства.*— Около памятника Гватемоку помещалось здание советского полпредства (полномочного представительства) в Мексике.

Строки 186—189. *...в какой трущобе теперь найдешь сарапе и Гвадалупу?* — Сарапе — старинная национальная верхняя одежда мексиканцев. Гвадалупа (точнее — Гвадалупе) — здесь: название традиционного в Мексике образа богоматери.

Строки 190—191. *Что Рига, что Мехико — родственный жанр.*— За три года до поездки в Америку Маяковский посетил Латвию, которая в то время была буржуазным государством.

Строка 197. *«Смит и Вессон»* — система револьвера.

Строка 215. *Чапультапек* — сад в Мехико.

Строка 261. *Камарáда* (испанск.) — товарищ.

Строки 268—270. *...ацтек, метис и креол.*— Ацтеки — индейская народность, сыгравшая большую роль в истории страны; креолы — потомки испанцев, завоевавших Мексику; метисы — потомство от смешанных браков между индейцами и испанцами, составляют основную часть населения страны.

Строка 276. *Запата* (точнее—Сапата), Эмильяно (1877—1919)— один из вождей крестьянского революционного движения в Мексике, предательски убитый реакционерами.

Строки 277—279. *Гальван, Морено, Карúо* — коммунисты Мексики.

Строки 286—288. *Скорей над мексиканским арбузом, багровое знамя, взметись!* — Цвета мексиканского знамени — цвета арбуза: зеленый, белый, красный.

Богомольное (стр. 49). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 46, 23 февраля; журн. «Новый мир», М. 1926, № 6, июнь; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка», сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Написано, как это можно установить по расположению автографа в записной книжке, между 20 и 27 июля в Мексике.

На литературных вечерах поэт иногда изменял заглавие этого стихотворения, называя его «Собор» и «Донна Эсперанца Хуан де Лопец».

Строка 18. *Кафедраль* — центральный собор епархии.

Строка 27. «*Площадь Сокола*» — точнее площадь Сóкало (от испанск. zócalo — цоколь, пьедестал). На этой площади в течение долгого времени оставался пьедестал разрушенного народом памятника испанскому королю Карлу IV.

Строка 30. *Пакард* — марка автомобиля американской фирмы.

Строка 85. ... *в пумовой ярости.*— Пума — хищное животное из семейства кошачьих.

Мексика — Нью-Йорк (стр. 53). Журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 25, 26 июня (под названием «От кактусов до железа»); Сочинения, т. 5.

Строка 35 печатается по тексту журнала «Шквал»: «шпалы сыпятся» вместо: «шпалы сыплются».

Написано в январе — начале июня 1926 года. (В середине июня Маяковский сдал это стихотворение в журнал «Огонек», но там оно не было опубликовано.)

Строка 10. *Ларедо* — город на границе Мексики и США; пограничная река делит его на две части — мексиканскую и американскую.

Строки 26—31. *И сразу рябит тюрьма решета вам для знакомства для первого.*— В Ларедо Маяковский провел несколько часов в «комнате с решетками» (см. стр. 292).

Следует отметить, что в эти строки, возможно, вкралась ошибка при опубликовании стихотворения (рукопись его не сохранилась). Можно предположить, что они должны быть прочитаны так: «И сразу рябит тюрьма-решето»...

Строки 46—48. *«Сан Луис»*, *«Мичиган»*, *«Иллинойс»* — названия штатов.

Строки 55—56. *«Твенти-сенчери экспресс»* — экспресс «Двадцатый век», название поезда.

Строка 58. *Рапид* — скорый поезд.

Бродвей (стр. 55). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная нива», М. 1926, № 4, 24 января вместе с двумя фотографиями, привезенными Маяковским из Америки; «Испания, Океан, Гавана, Мексика, Америка»; Сочинения, т. 5.

Датировано в журнале «Красная нива»: «6 августа. Нью-Йорк».

Впервые прочитано поэтом на вечере в Нью-Йорке 14 августа 1925 года под заглавием «Нью-Йорк». Из афиш выступлений Маяковского известны также другие варианты заглавия: «Гав-ду-ю-ду» и «Мать моя мамочка».

Напечатано в журнале «Красная нива» с примечаниями Маяковского, которые воспроизводятся ниже — см. примечания к строкам 32, 34, 45, 51, 53, 73—75 и 90.

Строка 32. *Чуингам* — жвачка, которую жует вся Америка.

Строка 34. *«Мек моней?»* — «Делаешь деньги?»— вместо привета.

Строка 45. *Бизнес* — дело.

Строка 51. *Собвей* — подземная городская железная дорога.

Строка 53. *Элевейтер* — воздушная городская железная дорога.

Строка 65. *Гудзон* — река, при устье которой стоит Нью-Йорк.

Строки 73—75. *Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроп.*— Реклама Нью-Йорка: «Кофе Максвел хорош до последней капли».

Строка 90. *Гау ду ю ду* — привет при встрече.

Свидетельствую (стр. 58). Беловой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); журн. «Красная нива», М. 1926, № 17, 25 апреля; Сочинения, т. 5.

Напечатано в журнале с двумя фотографиями: 1. Индейцы в Нью-Йорке (на снимке — индейцы на крыше небоскреба); 2. Современная Америка. Улица в Детройте. Новые небоскребы.

Написано после возвращения из Америки, в январе — апреле 1926 года.

Строка 9. *«Пенсильвэниа Стейшен»* — Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке.

Строки 10—12. *Им Кулиджи пару пальцев суют.*— Поэт иронизирует над одной из формально-демократических традиций в США: каждый американский гражданин имеет право в определенный день посетить президента и пожать ему руку. Кулидж, Калвин — президент США в 1923—1929 годах.

Строки 39—42. *Тишь да гладь да божья благодать — сплошное луначарство.* Маяковский имеет в виду, что А. В. Луначарский, известный широтой своих эстетических взглядов, порой одинаково благожелательно относился к представителям полемизировавших друг с другом литературно-художественных группировок.

Строка 51. *Жаров* А. А. (р. 1904) — советский поэт.

Строки 55—60. *Придет и расскажет на весь вигвам, в чем красота жизни.* — Вигвам (род шалаша) — жилище североамериканских индейцев. В этих строках, возможно, содержится намек на состоявшийся 17 марта 1926 года в Москве публичный диспут на тему «В чем красота и смысл жизни?»

Строки 80—81. *...деда, искателя скальпов.*— Скальп — кожа с волосами, снятая с головы побежденного врага.

Барышня и Вульворт (стр. 62). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Экран», М. 1925, № 37, 25 декабря; газ. «Красная Татария», Казань, 1926, № 31, 7 февраля; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с двумя фотографиями: 1. «Вульворт, самый высокий небоскреб в Нью-Йорке (57 этажей), сплошь занятый конторами»; 2. «...И чудится девушке...» (на снимке — Маяковский у витрины магазина. За стеклом сидит девушка).

Строки 3 и 88 печатаются по тексту записной книжки № 33: «Бегня и гулево» вместо: «Бегня и гуллево» и: «Девушке мнится» вместо: «Девушке снится».

Строка 14 печатается по тексту журн. «Экран»: «тайпистки» вместо: «тописты».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 10 сентября 1925 г. (10 сентября впервые прочитано на вечере в Нью-Йорке).

12 сентября прочитано вторично во время выступления в Куни-Айланде. В газетном отчете по этому поводу говорится: «Маяковский

прочел одно из своих последних стихотворений «Вульворт бильдинг», и это вызвало шумное одобрение» (еврейская коммунистическая газета «Фрайгайт», Нью-Йорк, 1925, № 170, 20 сентября).

Напечатано в журнале со следующими примечаниями Маяковского:

Строка 14. *Тайпистки* — машинистки.

Строки 17—18. «*Дрóгс сода грет энд феймус кóмпани нейшенал*».— «Великая и знаменитая национальная компания шипучих напитков»—название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется стойка для питья вод и еды мороженого.

Строки 72—73. «*Óпен, óпен ди дор*» — Открой, открой дверь.

Строка 82. «*Ай лов ю*» — Я люблю вас.

Строка 90. «*Май гёрл*» — Моя девочка.

Строка 101. *Волстрит* — улица банков в Нью-Йорке.

Небоскреб в разрезе (стр. 66). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная нива», М. 1926, № 1, 3 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 46 печатается по тексту записной книжки: «над очагом» вместо: «под очагом».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 10 сентября 1925 года (10 сентября Маяковский впервые читал эти стихи под заглавием «Внутри небоскреба» на вечере). В записной книжке под текстом имеется дата: «16/X—21». Дата, проставленная фиолетовыми чернилами (текст стихотворения написан черными), либо вообще не имеет отношения ко времени окончания стихотворения, либо является результатом ошибки. В последнем случае ее можно понять как «16 августа».

В начале августа (не позже 8 августа) Маяковский в беседе с американским писателем Майклом Голдом высказал некоторые идеи, легшие в основу стихотворения «Небоскреб в разрезе» (запись этой беседы см. в т. 13 наст. изд.).

Кроме того, уже в первые дни по приезде в Нью-Йорк Маяковский внес в записную книжку набросок строфы, который представляет начальный вариант заключительной строфы стихотворения «Небоскреб в разрезе» (см. в разделе «Варианты и разночтения», стр. 420). Этот вариант записан перед черновиком стихотворения «Бродвей», законченного 6 августа 1925 года.

В афише одного из литературных вечеров поэта стихотворение было объявлено под заглавием «Сто этажей».

Строки 81—82. *...чтоб Кýлидж дал развод, детективы...*— Кулидж — см. примечание к стих. «Свидетельствую». Детективы — сыщики. Для развода в США требуется доказать «измену» одного из супругов, для чего прибегают к услугам частных сыскных агентов.

Порядочный гражданин (стр. 70). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 49, 26 февраля; журн. «Новый мир», М. 1926, № 3, март; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года.

В афише одного из литературных вечеров Маяковского стихотворение было названо «Статуя свободы».

В журнале опубликовано с примечаниями Маяковского, которые воспроизводятся ниже (см. примечания к строкам 24, 32, 51, 69, 89 и 91).

Строка 24. *Бусы* — автобусы.

Строка 32. *Элевейтер* — воздушная железная дорога.

Строка 51. *Кýни-Àйланд* — остров увеселений.

Строка 52. *Луна-парк* — сад с развлекательными аттракционами.

Строка 64. *Отель Плàза* — одна из роскошнейших гостиниц Нью-Йорка.

Строка 69. *Сенк'ю* — благодарствую.

Строки 76—80. *...барабаны «армий спасения» вашу в мир трубят добродетель.* — «Армия спасения» — реакционная религиозно-филантропическая организация, имеющая ответвления во многих странах. Финансируется крупными капиталистами. «Армия» организована по военному образцу и устраивает своеобразные демонстрации, сопровождаемые барабанным боем.

Строка 88. *Ризница* — помещение при храме для церковной утвари.

Строка 89. *Мéнаджер* — представитель, организатор.

Строка 90. *Поп Платон* — митрополит Платон Рождественский, был в то время главой православной церкви в США.

Строка 91. *Клоб* — палка полицейского.

Строка 95. *Кулидж* — см. примечание к стих. «Свидетельствую». (стр. 481).

Строки 103—107. *...пялит руку ваша свобода над тюрьмою Элис-Айланд.*— Имеется в виду гигантская статуя женщины с факелом в поднятой руке, олицетворяющая свободу. Статуя стоит на небольшом островке Бедлоу при въезде в ньюйоркский порт. Рядом, на острове Элис-Айланд, находится пункт проверки лиц, въезжающих

в США. Своим режимом этот пункт напоминает тюрьму, и Элис-Айланд известен под названием «Острова слез».

Вызов (стр. 73). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 36, 14 февраля; газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 45, 22 февраля; «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 130, 4 июня; журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 26, 3 июля.

Печатается по тексту «Красной газеты».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года. Имеются основания предполагать, что стихотворение написано еще в августе, поскольку в нем говорится: «Сплюнул я, не доев и месяца вашу доблесть, законы, вкус». Из этих строк явствует, что к моменту их написания поэт пробыл в США менее месяца. (Дата въезда в США — 27 июля.)

Известны варианты заглавия стихотворения «Вызов»: «Злоба» и «Первое предостережение».

Публиковалось в журнале с примечаниями Маяковского — см. примечания к строкам 10, 70, 74, 96.

Строка 10. *Риверсайд* — богатая часть города (Нью-Йорка).

Строки 16—17. *...впереди американский флот.*— Риверсайд (букв. речная сторона) расположен на берегу реки Гудзон.

Строки 20—22. *Ники Картеры мою не доглядели визу.*— Ник Картер — персонаж детективной литературы, ловкий сыщик.

Строка 68. *Прогибишен* — запрещение (англ.); здесь — закон о запрещении торговли вином.

Строка 70. *«Белая лошадь»* — марка водки-виски.

Строка 74. *Депортация* — высылка.

Строки 86—88. *Вандерлип*, *Рокфеллер*, *Форд* — американские миллиардеры.

Строка 96. *Порфира* — см. примечание к стих. «Атлантический океан» (стр. 471).

Строка 96. *Бродвей* — ярчайшая улица Нью-Йорка.

100 % (стр. 76). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Новый мир», М. 1926, № 1, январь; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября.

Впервые прочитано под названием «Ол райт» во время выступления Маяковского в Нью-Йорке 4 октября 1925 года. В газетном отчете об этом выступлении поэта говорилось: «Что его особенно по-

разило в этой стране, так это флегматичное поведение наших жителей... Временами ему казалось, что американцы совсем утеряли молодой, полный сил энтузиазм тех дней, когда они были в этой стране пионерами...» («Нью-Йорк Таймс», Нью-Йорк, 1925, 11 октября.)

Строка 1. *Шеры* — акции.

Строка 15. *Ол райт* — Все правильно (прим. Маяковского в сб. «Испания...»).

Строка 86. *Кольт* — система револьвера.

Американские русские (стр. 80). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); «Новая вечерняя газета», Л. 1926, № 8, 9 января; газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОПБ» (вечерний выпуск), Одесса, 1926, № 804, 20 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года.

Известны следующие варианты заглавия: «Русский язык в Нью-Йорке», «Одесса и Нью-Йорк», «Их язык», «Одесса-отец».

Читая это стихотворение во время своих выступлений в СССР, Маяковский, по свидетельству П. И. Лавута, рассказывал:

«— Все языки в Америке перемешались. Например, английский понимают все, кроме англичан. Русские называют трамвай — стриткарой, угол — корнером, квартал — блоком... Еврей прибавляет к английскому и русскому еще некоторые слова. Иногда получаются такие переводы: «беру билет с менянием пересядки...»

Слова Каплана из стихотворения он произносил с легким акцентом, очень мягко утрируя интонацию и подчеркивая их жестами. Особенно смешно получалось у него слово «тудой»: он на несколько секунд растягивал конечное «ой» и произносил его нараспев... Он читал «сюдою», хотя в книгах стоит «сюдой».

Под конец открыто и широко в своей обычной манере:

Горланит
 по этой Америке самой
стоязыкий
 народ-оголтец,—

и затем, сразу переходя на разговорную речь в стиле самого Каплана:

уж если
 Одесса — Одесса-мама,
то Нью-Йорк —
 Одесса-отец, —

резко обрывая, как бы отбрасывая последние два слова в публику» (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», 1940, № 4-5, стр. 202—203).

Строка 26. *Дрогс микет* (американизм) — аптека.

Строка 28. *Пинта* — единица измерения жидкостей.

Строка 31. *Севен оклок* (англ.) — семь часов.

Строка 51. *Вест* — запад.

Строка 53. *Ист* — восток. [1]

Строки 54—59. *Здесь, извольте видеть, «джаб», а дома «цуп» да «цус». С насыпи язык летит на полном спуске.*— Говоря о том, что выходцы из России называют свою работу английским словом «джаб», Маяковский одновременно высмеивает чрезмерно распространившееся в то время в СССР употребление сокращенных названий учреждений (ЦУП, ЦУС и т. п.).

Стихотворение напечатано в сборнике «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» со следующими примечаниями Маяковского:

Строка 9. *Апойнтман* — свидание.

Строка 12. *Апартман* — квартира.

Строка 13. *Блок* — квартал.

Строка 17. *Стриткара* — трамвай.

Строка 20. *Трен* — поезд.

Строка 22. *Тикет* — билет.

Строка 25. *Корнер* — угол.

Строка 29. *Бутлегер* — торговец спиртом.

Строка 37. *Бордер* — квартирант.

Строка 38. *Джаб* — работа.

Строка 45. *Офис* — место службы.

Бруклинский мост (стр. 83). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (строки 141—152 записаны отдельно) (БММ); журн. «Прожектор», М. 1925, № 24, 31 декабря (с фотоснимком Бруклинского моста); «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 140 печатается по тексту сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»: «взлетали по аэро» вместо: «взлетели по аэро».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября.

Четырнадцатая строфа стихотворения («Здесь жизнь была одним — беззаботная, другим — голодный протяжный вой. Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой») записана в книжке № 33 на отдельной странице и другими чернилами. Повидимому,

поэт написал эту строфу позднее. Об этом свидетельствует и статья ньюйоркской газеты, в которой уже после отъезда Маяковского из США говорилось об одном из его выступлений: «Когда Маяковский прочел пред многочисленной рабочей аудиторией Нью-Йорка свое новое стихотворение «Бруклинский мост», в котором поэт выразил восхищение гигантской техникой человеческого гения, кто-то с балкона бросил:

— Не забудьте, товарищ Маяковский, что с этого же моста часто безработные бросаются в воду, разочарованные и измученные жизнью» (Зах. Гисенькин, Два Нью-Йорка. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, № 3680, 13 декабря, воскресное приложение).

Заглавие. *Бруклинский мост* в Нью-Йорке — в те годы один из крупнейших мостов мира (общая протяженность 2,5 км., длина пролета — 486 м.).

Строка 1. *Кулидж* — см. примечание к стих. «Свидетельствую», стр. 481.

Строки 9—11. *Юнайтед стетс оф Америка* (англ.) — Соединенные Штаты Америки.

Строка 55. *Элевейтер* — см. примечание к стих. «Бродвей», стр. 480.

Строки 64—68. *Когда ж, казалось, с под речки начатой развозит с фабрики сахар лавочник...* — В этих строках необычный порядок слов, нередко затрудняющий их понимание. Смысл строк таков: «Когда ж лавочник развозит сахар с фабрики, казалось, начатой с под речки...» (т. е. стоящей на самом берегу реки).

Строки 95—105. *...как из косточек, тоньше иголок, тучнеют в музеях стоящие ящеры, так с этим мостом столетий геолог сумел воссоздать бы дни настоящие.*— Эти и дальнейшие (106—152) строки перекликаются с высказыванием Карла Маркса: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» (К. Маркс, Капитал, кн. 1, Госполитиздат, М.—Л. 1952, стр. 187).

Строки 122—127. *...став стальной ногой на Мангéтен, к себе за губу притягивать Брýклин?* — Мангетен — остров, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка; Бруклин — один из основных районов Нью-Йорка. Бруклин отделяет от Мангетена рукав реки Гудзон — Ист-Ривер, через который и переброшен Бруклинский мост.

К е м п «Н и т г е д а й г е» (стр. 88). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5; «Мы и прадеды».

Строка 59 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «с мостища с этого» вместо: «с мостищи с этого».

Датировано в журнале «Красная новь»: «20.IX. Нью-Йорк».

В этом же журнале есть следующее примечание Маяковского: «Кемп — лагерь (англ.); «Нит гедайге» — «Не унывай» (еврейск.) — название летнего рабочего поселка, организованного под Нью-Йорком еврейской комгазетой «Фрайгайт».

Строки 6—8. *Я лежу, — палатка в Кемпе «Нит гедайге».* — Маяковский неоднократно приезжал в лагерь в конце августа—сентябре 1925 года. «Он неутомимо читал свои стихи перед внимательной рабочей аудиторией, его львиный голос часто раздавался над горами, над рекой Гудзоном», — вспоминал один из участников этих встреч (Шахно Э п ш т е й н, Встречи с Владимиром Маяковским, журн. «Червоний шлях», Харьков, 1930, № 5-6, июнь, стр. 148).

Строка 82. *Кулидж* — см. примечание к стих. «Свидетельствую», стр. 481.

Строка 99. *М.К.Х.* — Московское коммунальное хозяйство (отдел Моссовета).

Д о м о й! (стр. 92). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 1, январь; газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 43, 19 февраля; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Начато по пути из Нью-Йорка в Гавр на пароходе «Рошамбо» (28 октября — 5 ноября 1925 года) и закончено уже после возвращения поэта в Москву. Стихотворение не датировано, но время его окончания можно установить из сопоставления двух фактов. Две последних строфы стихотворения связаны с отчетным докладом Центрального Комитета на XIV съезде ВКП(б), который был сделан И. В. Сталиным 18 декабря 1925 года. 19 декабря Маяковский прочитал стихотворение «Домой!» (под заглавием «Маркита») на вечере в Политехническом музее. Исходя из этого, можно заключить, что стихотворение «Домой!» закончено 18—19 декабря 1925 года.

В журнале и газете стихотворение было опубликовано с четырнадцатой заключающей строфой, которая впоследствии была отброшена поэтом. В 1928 году Маяковский писал об этом: «Ноющее делать

легко — оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом параллельными ноющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик:

Я хочу быть понят моей страной,
А не буду понят —
что ж.
По родной стране
пройду стороной,
Как проходит
косой дождь.

Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал» (см. «Письмо Равича и к Равичу» в т. 12 наст. изд.).

Помимо заглавия «Маркита», из афиш вечеров поэта известны также два других варианта заглавия стихотворения «Домой!»: «Возвращение» и «Заданья на год».

Строки 56—62. *...слов ржавеет сталь, чернеет баса медь. Почему под иностранными дождями вымокать мне, гнить мне и ржаветь?* — Длительное заграничное путешествие вызвало у поэта чувство глубокой тоски по родине. Позднее он вспоминал в своей автобиографии «Я сам»: «...После полугода езды пулей бросился в СССР. Даже в Сан-Франциско (звали с лекцией) не поехал» (т. 1 наст. изд., стр. 27). Незадолго до отъезда из Нью-Йорка Маяковский телеграфировал Л. Ю. Брик: «Очень скучаю... Здесь отвратительно» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 449).

Строки 111—112. *...выше довоенной нормы...* — то есть выше уровня 1913 года, последнего года перед первой мировой войной.

Стихотворения (1926)

Краснодар (стр. 96). Журн. «Красная нива», М. 1926, № 24, 13 июня (под заглавием «Собачья глушь»); «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с посвящением Л. Ю. Брик.

Связано с поездкой в Краснодар 12—15 февраля 1926 года.

По словам одного из присутствовавших на вечере Маяковского в Краснодаре, «когда он признался, что пишет стихи об этом городе, с разных мест понеслось:

— Прочтите их, прочтите!

— Нет, товарищи, стихотворение только вылупляется» (журн. «30 дней», М. 1937, № 4).

Строка 38. *Этцетера* (латинск.) — и прочее.

Строго воспрещается (стр. 98). Беловой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОПБ», вечерний выпуск, Одесса, 1926, № 931, 24 июня; журн. «Красная нива», М. 1926, № 30, 25 июля; Сочинения, т. 5.

В первой публикации датировано: «Одесса 23.VI.26 г.» Однако стихотворение написано раньше. Уже в конце февраля 1926 года оно было сдано в газ. «Заря Востока» (Тбилиси); напечатано там не было (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 262—263).

В статье «А что вы пишете?» Маяковский заявляет:

«Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь. Я стараюсь сейчас писать как можно меньше, выбирая сложные, висящие в воздухе вопросы,— чиновничество, бюрократизм, скука, официальщина.

Этот ряд стихов я начал с маленького «Строго воспрещается», выходящего в «Красной ниве». Это стих о вывеске краснодарского вокзала «Задавать вопросы контролеру строго воспрещается» (см. т. 12 наст. изд.).

Сергею Есенину (стр. 100). Беловой автограф (БММ); газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, № 1152, 16 апреля; отдельное издание; газ. «Ленинградская правда», 1926, № 117, 23 мая; газ «Смена», Л. 1926, № 117, 23 мая; журн. «Новый мир», М. 1926, № 5, май; Сочинения, т. 5.

Маяковский работал над стихотворением около трех месяцев (см. статью «Как делать стихи?» в т. 12 наст. изд.). Рукопись сдана в издательство «Заккнига» 25 марта 1926 года.

Стихотворение «Сергею Есенину» Маяковский считал «наиболее действенным» из своих стихов первой половины 1926 года. «Для него,— писал поэт,— не пришлось искать ни журнала, ни издателя,— его переписывали до печати; его тайком вытащили и напечатали в провинциальной газете, чтения его требует сама аудитория, во время чтения слышны летающие мухи, после чтения люди жмут лапы, в кулуарах бесятся и восхваляют, в день выхода появилась рецензия одновременно из ругни и комплиментов» («Как делать стихи?», см. т. 12 наст. изд.).

В той же статье, представляющей собой очень ценный авторский комментарий к стихотворению, Маяковский рассказывает, «как работался этот стих».

«...Конец Есенина,— писал Маяковский,— огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески... но утром газеты принесли предсмертные строки:

В этой жизни умереть не ново,
Но и жить, конечно, не новей...

После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом.

Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно — *стих* подведет под петлю и револьвер.

И никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируешь.

С этим стихом можно и надо бороться стихом, и *только стихом*»...

«...Осматривая со всех сторон эту смерть и перетряхивая чужой материал,— я сформулировал и поставил себе задачу... обдуманно парализовать действие последних есенинских стихов, сделать есенинский конец неинтересным, выставить вместо легкой красивости смерти другую красоту, так как все силы нужны рабочему человечеству для начатой революции, и оно, несмотря на тяжесть пути, на тяжелые контрасты нэпа, требует, чтобы мы славили радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм».

В другой статье («А что вы пишете?»), рассказав о своих последних стихах, посвященных борьбе за качество поэзии, Маяковский продолжает:

«Рядом с этой работой приходится выполнять и работу, потребованную нашими днями:

Стихотворение «Сергею Есенину», имеющее целью разбить поэтическую цыганщину и пессимизм...»

Строки 1—3. *Вы ушли, как говорится, в мир в иной.*—Выдающийся советский поэт Есенин, Сергей Александрович (1895—1925), покончил с собой 27 декабря 1925 года.

Приведя в статье «Как делать стихи?» несколько вариантов первых трех строк стихотворения, Маяковский пишет: «И вот окончательная редакция: «Вы ушли, как говорится, в мир в иной». В томе 5 Сочинений осталось: «в мир иной». Здесь эта строка печатается по тексту «Как делать стихи?».

Строки 16—20. *Вижу — взрезанной рукой помешкав, собственных костей качаете мешок.* — Есенин повесился, написав предсмертное письмо кровью из вскрытой вены.

Строки 41—42. *...а главное, что смычки мало.* — Смычка — термин, выражавший в первые годы после революции идею союза рабочего класса с крестьянством («смычка города с деревней»).

Строки 45—48. *Дескать, заменить бы вам богему классом...*— «Богемой» в буржуазном обществе называют людей «свободных профессий» (писателей, художников, артистов), ведущих беспорядочный, рассеянный образ жизни. «Слово «богема» стало нарицательным для всякой художественно-обывательской бытовщины»,— писал Маяковский («Как делать стихи?»).

Строки 56—58. *Дескать, к вам приставить бы кого из напостóв...*— Напостовцы — писатели и критики, группировавшиеся вокруг журнала «На посту» (с 1925 года — «На литературном посту»), руководящего органа РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей); считали себя призванными направлять развитие всего литературного процесса в СССР и нередко применяли «методы» командования вопреки указаниям партии о необходимости проявлять тактичность по отношению к литературным группам и объединениям, близким Советской власти.

Строки 66—68. *...утомительно и длинно, как Доронин.*— Доронин, И. И. (р. 1900) — советский поэт, опубликовал в 1925 году поэму «Тракторный пахарь». В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «4000 строк Доронина поражают однообразием 16 тысяч раз виданного словесного и рифменного пейзажа».

Строка 84. «*Англетер*» — гостиница в Ленинграде, в которой покончил с собой Есенин.

Строки 111—112. *И несут стихов заупокойный лом...* — Смерть Есенина вызвала широкий отклик в литературе. «Появились стихи, воспоминания, очерки и даже драмы. По-моему, 99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь» («Как делать стихи?»).

Строки 134—135. *...ваше слово слюнявит Собинов... — Собинов*, Л. В. (1872—1934) — выдающийся русский певец; выступал 18 января 1926 года на вечере памяти Есенина в МХАТе. Объясняя свой полемический выпад, Маяковский, по словам П. И. Лавута, говорил:

«Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей, надломившейся березки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голоском запел: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы»... хотя молчалив был один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вот вся эта обстановка произвела

на меня удручающее впечатление» (журн. «Знамя», 1940, № 4-5, стр. 209—210).

Строки 138—140. *«Ни слова, о друг мой, ни вздоха».* — Романс П. И. Чайковского на слова А. Н. Плещеева.

Строки 141—144. *Эх, поговорить бы иначе с этим самым Леонидом Лоэнгринычем!* — Одной из лучших ролей Леонида Витальевича Собинова считалась роль Лоэнгрина в одноименной опере Вагнера.

Строки 160—165. *...чтобы врассыпную разбежался Коган, встреченных калеча пиками усов.* — *Коган*, П. С. (1872—1932) — советский критик и историк литературы. В статье «Как делать стихи?» Маяковский подчеркивает, что образ Когана в стихотворении является собирательным.

Строки 206—210. *В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней.* — Перефразировка последних строк предсмертного стихотворения Есенина: «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей».

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! (стр. 106). Беловой автограф (БММ); «Журналист», М. 1926, №5, май; Сочинения, т. 5.

Датировано в автографе: «19.IV.26». Судя по автографу, Маяковский предполагал предпослать стихотворению два эпиграфа:

«1. То самое затаенное, что думал Пушкин о Радищеве, о Пестеле, о декабристах и революции, но чего сказать не мог своим современникам в форме ясного бытового сюжета, он передал в картинах и образах из египетской жизни, превратив Сенатскую площадь в ложе Клеопатры, а первые смертельные поцелуи русской свободы в поцелуи любви, оплаченной смертью (Л. Войтоловский, Ист. Русск. Лит., ч. I, стр. 5).

2. Какое разнообразие животного царства проходит перед воображением читателя, когда он перелистывает страницы Ф. Гладкова! Поросенок, цапля, кошка, змея, орел, мопс, паук, сорока, голубь, индюк, ворона, теленок, цыпленок, галка, собака, медведь, вол, жеребец, ястреб, петух, кабан, лягушка, саранча, пиявка, волчица и многие другие, которых я не выписал (В. Вешнев, газ. «Известия ЦИК», 18/IV 1926 г.)».

Обе эти цитаты, предназначавшиеся, очевидно, для иллюстрации разоблачаемых в стихотворении методов вульгаризаторской критики, зачеркнуты.

Стихотворение является откликом на дискуссию «Наша критика и библиография», развернувшуюся в 1926 году на страницах журнала «Журналист».

Напечатано в разделе «Дискуссия» под рубрикой «Писатели о критике», со сноской: «см. «Журналист», №№ 1 и 4».

Редакция «Журналиста» провела в 1925—1926 годах две анкеты: 1. «Что говорят писатели о постановлении ЦК» (1925, № 8-9 и 10), 2. «Наша критика и библиография» (1926, № 1, 4).

В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года, о которой идет речь, указывалось: «Марксистская критика должна решительно изгонять из своей среды всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство... давать отпор всякой макулатуре и отсебятине в своей собственной среде».

Строки 1—4. *Штыками двух столетий стык закрепляет рабочая рать.* — В декабре 1925 года исполнилось сто лет со дня восстания декабристов.

Строки 67—69. *Целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации*; и строки 85—89. *...светила у Лермонтова ходят без ветрил, а некоторые — и без руля.*— Имеются в виду следующие строки из поэмы «Демон» (ч. I, XV):

На воздушном океане
Без руля и без ветрил —
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

В статье «А что вы пишете?» Маяковский говорит:

«Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова — о том, что у него «целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации», изрекаемые в стихе глупым критиком, писавший отчет в «Красной газете» о вечерах Маяковского приписывает мне, как мое собственное недотепистое мнение. Привожу это как образец вреда персонификации поэтических произведений» (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 84. *...милюковски юля.* — Милюков, П. Н. (1859—1943)— один из лидеров русской буржуазии, глава партии кадетов,член Временного правительства в 1917 году. Стремясь согласовать интересы буржуазии с интересами царизма, Милюков лавировал между правым и «левым» крылом своей партии.

Строка 96. *Эдем* (библейск.) — рай.

Строка 97. *Смычка* — см. примечание к стих. «Сергею Есенину» (стр. 492).

Строка 126. *Аллитерация* — повторение однородных согласных в словах, входящих в строфу или фразу, для усиления ее выразительности.

Строки 154—157. *Лежнев зарадуется — «он про Вешнева». Вешнев — «он про Лежнева».* — Лежнев, А. З. и Вешнев, В. Г.— советские критики и литературоведы.

Первомайское поздравление (стр. 111). Беловой автограф (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 100, 1 мая; «Красная газета», утренний выпуск, Л. 1926, № 100, 1 мая; Сочинения, т. 5.

В машинописной копии, «Известиях» и томе 5 напечатано без разбивки на стихотворные строки, как прозаический текст. В беловом автографе и тексте «Красной газеты» имеет обычную для Маяковского разбивку на строки «лесенкой».

На четвертой, свободной от текста, странице автографа и в машинописной копии имеется следующее примечание Маяковского: «В целях эстетики и экономии бумаги пробую стихи печатать без разделов на строчки» (зачеркнуто в машинописной копии).

Строки 6—7. *...а кругом пока —толпа беспризорных...* — В результате первой мировой войны, иностранной интервенции и голода в Поволжье в 1921—1922 годах в Советском Союзе к середине двадцатых годов насчитывалось несколько сот тысяч беспризорных (см. также стихотворение «Беспризорщина», стр. 170).

Строка 14. *Наводненье видели?* — Весной 1926 года большинство рек Европейской России вышло из берегов. Наводнение было одним из сильнейших за много лет.

Строка 15. *Режим экономии.* — В апреле 1926 года ЦК ВКП(б) принял резолюцию о режиме экономии, в которой призвал к борьбе с излишествами во всех областях социалистического строительства и советской жизни.

Строки 25—26. *...если есть свободные три дня подряд.* — В 1926 году первомайский праздник длился три дня: субботу (1 мая), воскресенье и понедельник.

Четырехэтажная халтура (стр. 112). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1926, № 101, 5 мая; Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5 тома Сочинений внесено исправление ошибки: в строке 73 вместо «под заглавьем» — «под заглавием».

Этим стихотворением начинается сотрудничество Маяковского в газете «Комсомольская правда».

В статье «А что вы пишете?», подчеркнув, что качество писательской продукции понизилось, Маяковский заявляет:

«Ответственность за халтуру и деквалификацию лежит на всех. У каждого своя роль, выведенная в моем стихе «Четырехэтажная халтура»... (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 2. *Гиз* — Государственное издательство.

Строки 13—15. *Вшивают в Маркса Аверченковы листы...*—Аверченко, А. Т. (1881—1925) — буржуазный писатель-юморист, после революции эмигрировал за границу.

Намек на подлинный случай в типографии Госиздата, когда, по небрежности брошюровщицы, в один из томов собрания Сочинений Маркса вшили несколько страниц из сборника фельетонов Аверченко, печатавшегося там же.

Строка 16. *...выписывают гонорары Цицеронам.*—Цицерон, Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — древнеримский оратор и политический деятель. В основе этой строки также лежит реальный факт. Бухгалтерия Госиздата выписала Цицерону гонорар за перевод его произведений.

Строки 40—41. *В Африки, вослед за Бенуями.* — Бенуа, Пьер (р. 1886) — французский писатель, автор ряда авантюрных романов, действие которых происходит преимущественно в экзотических странах. Произведения Бенуа усиленно переводились в то время.

Строки 44—45. *Званье —«пролетарские»—нося как эполеты...*— Неправильно понимая свою роль в литературе, часть руководства РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) противопоставляла себя, как якобы единственных выразителей пролетарской идеологии, другим советским литераторам.

Строки 70—74. *Это, в лапти нарядившись, выступают дачники под заглавием — крестьянские писатели.* — Маяковский имеет в виду стилизацию, которая была характерна для некоторых литераторов, входивших в состав существовавшего в 20-х годах Союза крестьянских писателей.

Строки 78—80. *Чего только стоит один Радимов с греко-рязанским своим гекзаметром!* — Радимов, П. А. (р. 1887) — поэт и художник, уроженец б. Рязанской губернии. В статье «Как делать стихи?», критикуя попытки «накинуть старую форму на новый факт», Маяковский пишет:

«...Форма чаще всего не по росту: или факт совсем затеряется, как блоха в брюках — например, радимовские поросята в его греческих, приспособленных для «Илиад», пентаметрах, — или факт вы-

пирает из поэтической одежи и делается смешным вместо величественного».

Говоря о «радимовских поросятах», Маяковский имеет в виду стихотворение П. А. Радимова «Свиное стадо» (сб. «Телега», М. 1926).

Строки 88—90. *...честно пишут про Октябрь попутчики.*—Попутчиками в двадцатые годы представители РАПП называли советских писателей — выходцев из непролетарской среды, сочувствовавших Советской власти, считая, что они недостаточно прониклись коммунистической идеологией.

Строки 91—92. *Раньше маленьким казался и Лесков...* — Лесков, Н. С. (1831—1895) — выдающийся русский писатель.

Строка 98. *Лидин*, В. Г. (р. 1894) — советский беллетрист.

Строки 114—116. *...всякую уху сожрет читатель — Фока.* — Фока — персонаж из басни И. А. Крылова «Демьянова уха».

Строка 125. *Казин*, В. В. (р. 1898) — советский поэт.

Строка 126. *Санников*, Г. А. (р. 1899) — советский поэт.

Английскому рабочему (стр. 116). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 104, 8 мая; Сочинения, т. 5.

Строка 63 печатается по тексту машинописной копии: «наши копейки» вместо: «наша копейка».

Написано в связи с всеобщей забастовкой английских рабочих 4—12 мая 1926 года. Напечатано в газете с примечанием:

«Вношу гонорар за это стихотворение в забастовочный фонд и вызываю товарищей поэтов. Вл. М.».

Всеобщая забастовка английских рабочих в 1926 году явилась выдающимся событием в истории английского и международного рабочего движения и вызвала горячее сочувствие в советском народе. 9 мая в Москве, в Театре Революции, состоялся вечер «Советские писатели — английским рабочим» с участием Маяковского.

Строки 3—4. *Посты полиции, заводчикам в угоду.* — Напуганное размерами забастовки, английское правительство объявило страну на чрезвычайном положении. Были мобилизованы войска и полиция.

Строка 31. *Болдуин*, Стэнли (1867—1947) — английский реакционный политический деятель; в 1924—1929 годах — премьер-министр Великобритании. Руководил подавлением всеобщей забастовки.

Строки 33—34. *...сэр Макдональд пошел церетелить.* — Макдональд, Джемс Рамсей (1866—1937) — английский политический дея-

тель, вождь лейбористов, сыграл предательскую роль во время забастовки. *Церетелить* — от фамилии Церетели И. Г. — одного из лидеров русских меньшевиков.

Разговор с фининспектором о поэзии (стр. 119). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (БММ); отдельное издание; журн. «За 7 дней», М. 1926, № 6, август (строки 228—310); журн. «Новый мир», М. 1926, № 10, октябрь; Сочинения, т. 5.

Написано во второй половине апреля 1926 года или в самом начале мая (14 мая рукопись стихотворения была сдана издательству «Заккнига»). Отдельным изданием вышло в июне 1926 года.

О мотивах, побудивших его выступить со стихотворением, Маяковский говорил:

«Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось.

Здесь были и объективные причины временного понижения, многолетняя работа последнего времени от срочного задания к срочному заданию, отсутствие времени на продумывание формальной стороны работы. Это сознательное временное приспособление слова имело и свои положительные результаты — очищение языка от туманной непонятности, сознательный выбор, поиск целевой установки.

Значительно хуже субъективные причины принижения качества. Это писательская бессовестная, разухабистая халтурщина: постоянное предпочтение фактических заказов всем социальным, циничное предположение, что неквалифицированный читатель сожрет все, и т.д.

Этому способствует, конечно, и скверная постановка литературного дела вообще: странное поведение Гиза [1], при котором исчезла связь читателя с массой, вручение критики безответственным губошлепам, непригодным ни к какому другому труду, и т. д.

Ощущению квалификации посвящено мое главное стихотворение последних недель — «Разговор с фининспектором о поэзии...». («А что вы пишете?», см. т. 12 наст. изд.).

Интересным авторским комментарием к стихотворению может служить также текст вполне реального «разговора с фининспектором» — заявление от 26 августа 1926 года, в котором Маяковский просит Мосфинотдел снизить ему ставку подоходного налога на этот

---

[1] Государственное издательство.— *Ред.*

год. «Это заявление,— пишет поэт,— не является случайным, а продумано и выведено мной из всей моей поэтической и теоретической работы...» Поэт требует, чтобы при исчислении суммы подоходного налога к нему относились, как к трудящемуся (см. т. 13 наст. изд.).

Строки 20—21. *...и двадцать пять за неподачу деклараций.*— Торговцы и лица «свободных профессий» обязаны были ежегодно подавать заявления (декларации) о своих предполагаемых доходах за год. Уклонившиеся от подачи деклараций штрафовались.

В своем заявлении в Мосфинотдел Маяковский писал:

«Неподача мною декларации объяснена отнюдь не уклонением от сообщения о своих заработках, а только тем, что в сложном поэтическом производстве почти невозможно точно учесть производственные расходы и способ их определения. Для этой только начатой работы нужны целые научные труды.

Ввиду этого я вместо подачи декларации регулярно бывал лично у фининспектора и указывал и на свои доходы и на проценты моих расходов к общей сумме заработка».

Строка 168. *Пегас* — в древнегреческой мифологии — крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

Строки 240—242. *Я в долгу перед Бродвейской лампионией...* — Бродвей — см. примечания к ст. «Вызов» (стр. 484).

Строки 243—244. *...перед вами, багдадские небеса...*— селение Багдади, ныне Маяковски, в Грузии — родина Маяковского.

Строка 246. *...перед вишнями Японии.*— Маяковский собирался в 1925 году, кроме Америки, посетить также Японию.

Строка 270. *Энкапеэс* — Народный Комиссариат путей сообщения.

Московский Китай (стр. 127). Журн. «Прожектор», М. 1926, № 9, 15 мая; Сочинения, т. 5.

Связано с событиями в Китае в 1924—1927 годах. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае начался в эти годы мощный подъем революционного и национально-освободительного движения, к которому в течение ряда лет было приковано внимание всего мира (см. также «Лучший стих», т. 8 наст. изд.).

Строки 1—2. *Чжан Цзо-лин и У Пей-фу* — реакционные китайские генералы, ставленники иностранного империализма.

Строка 19. *«Китайский труд»* — название прачечной в Москве. В двадцатых годах в крупнейших городах СССР существовало много прачечных, в которых работали исключительно китайцы.

Строка 23. *«Шибака»* — искаженное «шибко» (очень).

Строки 48—52. *А на родине мукденцы да маньчжурцы... Снимут голову — не отрастишь еще.*— Чжан Цзо-лин и У Пей-фу свирепо подавляли революционное и национально-освободительное движение на северо-востоке Китая. (Мукден — город в Маньчжурии.)

Строки 70—71. *Не лучший труд — бумажные розы.*—Часть китайцев, живших в Москве, занималась изготовлением и продажей бумажных цветов.

Строка 82. *Мандарин* — здесь: высокопоставленный чиновник в старом Китае.

Передовая передового (стр. 130). «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 122, 26 мая; журн. «На литературном посту», М. 1926, № 4, май; Сочинения, т. 5.

В статье «А что вы пишете?», подчеркнув, что «ответственность за халтуру и деквалификацию (в области литературы.— *Ред.*) лежит на всех», — Маяковский продолжает:

«С этим должны бороться все. Об этом орет мой стих «Передовая передового» (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 37—41. *Каждый рад подставить бородавки под увековечливую ахровскую кисть.*— Ахровскую — от слова АХРР (Ассоциация художников революционной России). Маяковский выступал против натуралистических тенденций свойственных некоторым художникам — членам АХРР.

Строки 67—68. *...ариями Альфреда и Травиаты?* — Альфред и Травиата (Виолетта) — герой и героиня оперы Дж. Верди «Травиата».

Взяточники (стр. 134). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 30 мая; «Тамбовская правда», 1926, № 124, 2 июня (под заглавием «Взяточник»); Сочинения, т. 5.

Строка 48. *Тантьема* — одна из форм вознаграждения высших служащих предприятия, выдававшаяся обычно из прибылей.

Строка 114. *«Абрау»* — марка шампанского.

В повестку дня (стр. 139). Газ. «Комсомольская правда», М. 1926, № 123, 30 мая; Сочинения, т. 5.

Строка 68. *Трехгорное* — марка пива.

Протекция (стр. 142). Авторизованная машинописная

копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 6 июня; Сочинения, т. 5.

Строка 7. *Квартхоз милиции* — уполномоченный милиции по квартальному хозяйству.

Строки 44—47. *А главшвейцар,—да Винчи с лица, весь в бороде,— как картина в раме...*— Леонардо да Винчи (1452—1519) изображается обычно на портретах с большой бородой.

Строки 98—100. *«И пойдут они, солнцем палимы, и застонут...»* — Маяковский соединил здесь две строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: 1) «И пошли они, солнцем палимы»; 2) «И пойдут, побираясь дорогой, И застонут...»

Любовь (стр. 146). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР), газ. «Известия ЦИК»; М. 1926, № 134, 13 июня; Сочинения, т. 5.

Послание пролетарским поэтам (стр. 151). «Комсомольская правда», М. 1926, № 134, 13 июня (в «Литературной странице»); Сочинения, т. 5.

Строки 8—10. *Безыменский*, А. И. (р. 1898), *Светлов*, М. А. (р. 1903), *Уткин*, И. П. (1903—1944) — популярные в то время молодые советские поэты.

Строки 11—12. *Мы спорим, аж глотки просят лужения...*— Ближайшим поводом для «Послания» явилась «Ода скромности» («Комсомольская правда», 1926, № 129, 6 июня), в которой А. Безыменский упрекал Маяковского в том, что последний якобы слишком много пишет «о себе». Но смысл стихотворения значительно шире этой частной полемики: Маяковский призывает к объединению всех передовых сил советской литературы для общей борьбы за дело социализма.

Строки 25—27. *...розданные Луначарским венки лавровые...*— А. В. Луначарский написал ряд предисловий к первым сборникам стихов молодых поэтов.

Строки 65—70. *Многие пользуются напостóвской тряскою, с тем чтоб себя обозвать получше.*— Напостóвской — от слова «напостовцы» (см. примечание к стих. «Сергею Есенину», стр. 492). Среди напостовцев существовало несколько направлений, враждовавших друг с другом.

Строки 135—139. *Одного называют красным Байроном, другого— самым красным Гейнем.*— В ряде статей того времени творчество

Светлова сравнивали с творчеством Гейне, в произведениях Уткина находили черты литературного сходства с Байроном.

Строка 147. *Раешник* — рифмованный монолог на злободневную тему, изобилующий шутками, прибаутками и т. д.

Фабрика бюрократов (стр. 157). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 140, 20 июня; Сочинения, т. 5.

Строки 1—2. *Его прислали для проведенья режима.* — Имеется в виду режим экономии (см. примечания к стихотворению «Первомайское поздравление», стр. 495).

Товарищу Нетте пароходу и человеку (стр. 162). Черновой автограф в записной книжке 1926 г. (июль — сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 192, 22 августа; Сочинения, т. 5.

Датировано в газете: «15 июля. Ялта».

Неоднократно читалось Маяковским на его вечерах. По свидетельству П. И. Лавута, прежде чем прочитать стихотворение, Маяковский рассказывал:

«Нетте — наш дипломатический курьер — погиб в Латвии при исполнении служебных обязанностей, отстреливаясь от нападавших на него контрразведчиков... Я хорошо знал товарища Нетте. Это был коренастый латыш, с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним много раз. Приходилось ездить с ним за границу в одном купе. Здесь встречается фамилия Якобсон, Ромка — это наш общий знакомый. В Ростове на улице я услышал — газетчики кричат: «Покушение на наших дипкурьеров Нетте и Махмастля». Остолбенел. Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась. Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш пароход покидал гавань, навстречу нам шел пароход, и на нем золотыми буквами, освещавшимися солнцем, два слова: «Теодор Нетте»,— это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом.

— «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»,— объявлял он, медленно и значительно, делая ударение на «человеку». Читая, в строке:

В коммунизм из книжки
верят средне,—

менял слово «верят» на «веришь» (журн. «Знамя», М. 1940, № 4-5, стр. 210—211).

Нетте Теодор Иванович (1896—1926) — сын сапожника, в юности сам был подмастерьем. В 1914 году вступил в партию большевиков. Во время гражданской войны командовал батальоном, был политработником.

Строки 3—5. *В порт, горящий, как расплавленное лето...*— Встреча с пароходом «Теодор Нетте» произошла 28 июня 1926 года.

Строки 31—32. *...напролет болтал о Ромке Якобсоне...*— Якобсон, Р. О. (р. 1897), ученый, филолог. Познакомил Маяковского с Нетте.

Строки 49—53. *Будто нáвек за собой из битвы коридоровой тянешь след героя, светел и кровав.*— Нетте погиб 5 февраля 1926 года в поезде, следовавшем через латвийскую территорию в Берлин, куда он вез дипломатическую почту.

Ужасающая фамильярность (стр. 165). Черновая запись отдельных строк (1—5, 10—16, 21—23 и 44—53) в записной книжке 1926 г. (июль — сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 196, 27 августа; Сочинения, т. 5.

Строка 7. *...улица Розы.* — Роза Люксембург (1871—1919), выдающаяся деятельница революционного рабочего движения в Германии и Польше.

Строка 30. *Коллонтай* — Коллонтай, А. М. (1872—1952) — известная деятельница русского и международного женского рабочего движения; с 1923 года — советский дипломат.

Строка 32. *Мейерхольд*, В. Э. (1874—1940) — выдающийся советский режиссер, Народный артист РСФСР с 1923 года. Театр имени Мейерхольда пользовался в те годы большой популярностью.

Строка 36. *Семашко*, Н. А. (1874—1949) — первый Народный комиссар здравоохранения (1918—1930).

Строки 44—53. По свидетельству Л. Ю. Брик, стихотворение первоначально «кончалось так:

Но и я
взываю к вам
от всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с нами фамильярно! —

О. М. Брик удивился:

— Ты же говоришь: «Я к великим не суюсь в почетнейшие лики,

я солдат в шеренге миллиардной». Как же тогда — «с нами»? — С великими?

Маяковский тут же переделал «с нами» на «с ними» (Л. Брик, Воспоминания о стихах Маяковского, журн. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 228).

В машинописной копии сохранились следы этой правки. Из нее видно, что, исправив «с нами» на «с ними», поэт вынужден был сделать еще одно исправление. Он зачеркнул предлог «от» и поставил вместо него «за».

Но и я
взываю к вам
за всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно!

В таком виде стихотворение было напечатано в «Известиях».

Готовя к печати 5-й том, Маяковский восстановил предлог «от», однако «с ними» осталось:

Но и я
взываю к вам
от всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно!

Канцелярские привычки (стр. 167). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 198, 29 августа; Сочинения, т. 5.

Напечатано в «Известиях» со следующей шуточной датировкой: «Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка и т. д. 1, 2, 3, 4/I, II, III, IV, V и т. д.».

Строки 1—3. *Я два месяца шатался по природе...*— С 20 июня по 20 августа Маяковский был в Крыму.

Строки 16—17. *...на пузе лошади Петра Великого...*— Имеется в виду памятник Петру I в Ленинграде.

Строки 70—73. *Эх! Поставь меня часок на место Рыкова...*— Рыков, А. И. (1881—1937) — в те годы председатель Совета Народных Комиссаров СССР.

Строка 93. *Ай-Петри*— гора в Крыму.

Беспризорщина (стр. 170). Черновая запись отдельных строк (1—8 и 56—63) в записной книжке 1926 г. (июль—сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 203, 4 сентября; Сочинения, т. 5.

Строки 12—13. ...*в дни, что волжский голод прорвал.*— Имеется в виду голод на Волге в 1921—1922 годах.

Строка 45. *Дуглас.*— Популярный американский киноартист Дуглас Фербенкс (1883—1939).

Строка 48. *Муур* — Московское управление уголовного розыска.

«М Ю Д» (стр. 173). Черновая запись строк 34—50 в записной книжке 1926 г. (июль — сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 204, 5 сентября; Сочинения, т. 5.

Написано к XII Международному коммунистическому юношескому дню. Напечатано в газете под рубрикой «За международную солидарность рабочей и крестьянской молодежи».

Две Москвы (стр. 176). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 210, 12 сентября; Сочинения, т. 5.

Печатается по тексту «Известий».

Строка 11. *Китайской стены покосившийся гриб.* «Китайской стеной» был в то время обнесен один из центральных районов Москвы, так называемый «Китай-город».

Строка 18. *Главбум* — Главное управление бумажной промышленности.

Строка 26. «*Моссельпром*» — Московское объединение предприятий по переработке продукции сельскохозяйственной промышленности.

Строки 59—60. *Великая стройка уже начата.*— После XIV съезда партии (декабрь 1925 года), определившего курс на социалистическую индустриализацию страны, началось осуществление грандиозного плана строительных работ.

Строки 63—64. ...*там почтамт...*— В 1926 году в Москве строилось здание Центрального телеграфа.

Строки 65—66. ... *здесь Ленинский институт.* — Институт Ленина при ЦК ВКП(б); теперь — часть Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (здание на Советской площади).

Строки 80—84. ...*плотники с небоскреба «Известий» плюются вниз, на Страстной монастырь.*— В 1926 году рядом с б. Страстным монастырем (позже снесенным) достраивалось здание «Известий» — одно из самых высоких среди сооружавшихся в то время в Москве.

Строки 89—92. *И кажется: центр-ядро прорвалó Садовых кольцо и Коровьих валóв.*— Центр Москвы окружен кольцом Садовых улиц; Коровий вал является частью этого кольца, большинство же прочих «валов» составляет другое кольцо, соединяющее между собой заставы.

Строки 100—101. *Завод «Зари» и «Розы».* — Имеются в виду завод «Заря коммунизма» и фабрика им. Розы Люксембург в Москве.

Строка 110. *Фордзониться.* — Речь идет о тракторах американской фирмы «Форд и сын» («Ford and son» — отсюда «фордзон»).

Строки 116—118. *...бросая со Спасской гимн боевой.*—В то время куранты-часы на Спасской башне Кремля в 12 часов ночи исполняли «Интернационал».

Хулиган (Республика наша в опасности...) (стр. 180). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 216, 19 сентября; Сочинения, т. 5.

Строка 15. *...рыло мандрилье...*— Мандрил — порода обезьян.

Хулиган (Ливень докладов...) (стр. 184). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 10, сентябрь.

Впервые прочитано 30 сентября 1926 года в Политехническом музее на диспуте о хулиганстве. Маяковский коснулся в своем выступлении «вопроса о хулиганстве» «постольку, поскольку он отражается в искусстве», и заявил:

«Нужно видеть, где хулиганство переходит в другие виды преступления. Хулиганство — именно бесцельное озорство. Не нужно выступать резкими моралистами, нужно изживать хулиганство культурными и административными мерами, развертыванием работы клубов...» («Известия ЦИК», М. 1926, № 227, 2 октября).

По свидетельству другой газеты, Маяковский призывал в своем выступлении также побольше заниматься боксом, «чтобы каждый мог дать отпор любому хулигану» («Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 231, 1 октября).

Строка 7. *«Левенбрей»* — марка пива.

В мировом масштабе (стр. 187). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 222, 26 сентября (под заглавием «Хулиганы в мировом масштабе»); Сочинения, т. 5.

О фактах, легших в основу стихотворения, Маяковский говорил также на диспуте о хулиганстве 30 сентября. (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Строки 1—2. *Пишу про хулиганов, как будто нáнятый.* — См. стихотворения «Хулиган (Республика наша в опасности...)» (стр. 180) и «Хулиган (Ливень докладов...)» (стр. 184).

Строка 14. *Северинг*, Карл (р. 1875) — социал-демократ, в то время министр внутренних дел Пруссии. По приказу Северинга 21 сентября 1926 года в Бреславле (теперь Вроцлав, Польша) была расстреляна демонстрация безработных.

Строки 24—27. *...хулиган-погромщик, нападающий на комсомол в Новосибирске!* — 5 сентября 1926 года в Новосибирске группа хулиганов напала на комсомольцев, собиравшихся принять участие в демонстрации в честь Международного юношеского дня.

Строки 28—30. *В Чемберлене тоже не заметно лени...* — Чемберлен, Остин (1863—1937) — английский реакционный политический деятель, ярый враг Советского Союза и национально-освободительного движения в Китае, в 1924—1929 годах министр иностранных дел Великобритании.

Строка 38. *Ваньсянь* — крупный речной порт в Китае. 5 сентября 1926 года английские суда варварски обстреляли Ваньсянь, в результате бомбардировки погибли сотни людей, а городу был причинен значительный ущерб.

Строки 44—45. *40 ленинградских хулиганов.* — В 1926 году в Ленинграде судили группу хулиганов, изнасиловавших девушку.

Строка 53. *Чжан Цзо-лин* — см. примечание к стих. «Московский Китай» (стр. 499).

Строки 62—64. *Маршал расшибает двери клубные...* — Осенью 1926 года по приказу Чжан Цзо-лина китайская полиция произвела в Харбине налет на здание клуба советских граждан — служащих Китайско-Восточной железной дороги.

Строка 95. *Мандаринство* — см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 500).

Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» (стр. 190). Черновой автограф в записной книжке 1926 г. (июль — сентябрь), № 37 (БММ); журн. «Новый мир», М. 1926, № 12, декабрь.

Печатается по тексту «Нового мира».

Написано в результате поездки Маяковского в Одессу в июне 1926 года; закончено не позже 20 сентября 1926 года. (В этот день было прочитано на вечере в Политехническом музее.)

Лев Толстой и Ваня Дылдин (стр. 192). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 11, сентябрь; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с двумя рисунками Маяковского, иллюстрирующими текст.

Строки 73—76. *Говорит, учтиво стоя: Убежденьями — Толстой я.* — Л. Н. Толстой проповедовал непротивление злу насилием и, как следствие этого,— отказ от военной службы.

Строка 101. *Чжанцзолиния* — см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 499).

Строка 102. *Пилсудский*, Юзеф (1867—1935) — польский реакционный политический деятель, ярый враг Советского Союза, фактический диктатор Польши в 1918—1923 и 1926—1935 годах.

Строки 104—105. *А Лондон чемберленится...*— Чемберлен — см. примечания к стихотворению «В мировом масштабе» (стр. 507). Осенью 1926 года английские реакционеры вели в парламенте ожесточенную кампанию против Советского Союза, требуя разрыва дипломатических отношений.

Мечта поэта (стр. 196). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 228, 3 октября; Сочинения, т. 5.

«Праздник урожая» (стр. 200). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 230, 6 октября; Сочинения, т. 5.

Напечатано в «Известиях» под рубрикой: «Праздник урожая — показ культурных побед деревни».

Строки 1—4. *Раньше праздновался разный Кирилл да Мефодий.* — Кирилл и Мефодий — древнеславянские просветители IX в., причислены церковью к лику святых.

Строки 18—19. *Одно из наших больших начал...*— В 1925 году было решено отмечать окончание осенних полевых работ «праздником урожая». В средней полосе России праздник был приурочен к середине октября.

Строка 58. *Фордзон* — см. примечания к стихотворению «Две Москвы» (стр. 506).

Искусственные люди (стр. 203). «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 238, 9 октября (под заглавием: «Механические люди»); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 234, 10 октября; Сочинения, т. 5.

Строка 9. *Какой нагруженный Гужон...* — Имеется в виду металлообрабатывающий завод б. Гужона в Москве (теперь «Серп и Молот»).

Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому (стр. 206). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36 (БММ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 1, январь; Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 61 вместо «чистописания ремесла» — «чистописаниев ремёсла»; в строке 73 вместо «нет и тления» — «нет и тленья» (по черновому автографу); в строках 155—158 вместо «прозаики сели пред вами на парте» — «прозаики сели пред вами на парте б» (по черновому автографу и «Новому Лефу»).

Написано в августе — сентябре 1926 года. В середине сентября Маяковский говорил на организационном собрании сотрудников «Нового Лефа», что собирается дать стихотворение в первый номер журнала.

Впервые прочитано в Киеве 18 октября 1926 года. Тематически перекликается с некоторыми положениями статьи «Читатель!», напечатанной в том же номере журнала (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 1—6. *Алексей Максимович, как помню, между нами что-то вышло вроде драки или ссоры.*— Дружеские отношения между Маяковским и Горьким, возникшие вскоре после их знакомства (1915 г.), спустя несколько лет были нарушены. Причины ссоры до сих пор остались не вполне выясненными.

Строки 10—11. *...взяли Вас международные рессоры.*— Горький уехал в 1921 году лечиться за границу.

Строки 26—29. *Думаете — с Капри, с горки Вам видней?* — В 1926 году Горький жил в Неаполе и в Сорренто. На Капри он жил до революции (1906—1913).

Строки 43—44. *Продают «Цемент» со всех лотков.*—«Цемент»— роман Ф. В. Гладкова, изданный в 1925 году. Вокруг романа развернулась полемика. В статье «Подождем обвинять поэтов» Маяковский дал отрицательную оценку роману (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 56—59. *...говорят, что Вы открыли мощи этого... Калинникова.*— Каллиников И. Ф.— автор трехтомного полупорнографического романа о монастырской жизни — «Мощи».

Строки 83—87. *А рядом молотобойцев анáпестам учит профессор Шенгели.*— Анáпест — трехсложная стопа, в которой вслед за двумя неударными слогами располагается один ударный. Шенгели, Г. А. (1894—1956) — переводчик, автор книги «Как писать стихи». Маяковский в статье «Как делать стихи?» резко критиковал его

отношение к вопросам литературной техники (см. т. 12 наст. изд., а также стих. «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» в т. 8 наст. изд.).

Строки 122—126. *Мы не ласкаем ни глаза, ни слуха. Мы — это Леф...* — Эти строки перекликаются со следующими строками в статье «Читатель!», открывающей № 1 журнала «Новый Леф» (1927, январь): «Леф — не знает ни ласкания уха, ни глаза — и искусство отображения жизни заменяет работой жизнестроения» (см. т. 12 наст. изд.).

Леф (Левый фронт искусств) — литературная группа, возникшая в 1923 году. Маяковский, возглавлявший Леф, в 1928 году вышел из этой группы. Впоследствии он говорил:

«Леф» — это эстетическая группа, которая приняла нашу борьбу как факт, как таковой, и сделала из революционной литературы замкнутое в себе новое эстетическое предприятие» (выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 года; см. т. 12 наст. изд.).

Строки 161—162. *Или жить Вам, как живет Шаляпин...* — Шаляпин, Ф. И. (1873—1938) — выдающийся русский певец; в 1918 году получил звание Народного артиста республики. Уехал в 1921 году на гастроли за границу и не вернулся (см. также стих. «Господин «народный артист» в т. 8 наст. изд.).

Строки 177, 182. «*Парящий сокол*» и «*ползущие ужи*» — аллегорические образы из «Песни о соколе» Горького.

Строки 204—208. *...разве не лучше, как Феликс Эдмундович, сердце отдать временам на разрыв.* — В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) к партии и ко всем трудящимся по поводу смерти Ф. Э. Дзержинского говорится:

«Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции... Его больное, вконец перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!» («Правда», М. 1926, 21 июля).

Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем! (стр. 213). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 241, 19 октября; «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 246, 19 октября (под заглавием «О выигрышном займе», в сокращенном виде — строки 1—16, 45—56, 67—96, 102—119, 125—130); Сочинения, т. 5.

Строки 1—4. *Смешно и нелепо заботиться поэту о счастье нэпов.* — Одной из задач займа было привлечение к финансированию нужд социалистического строительства также тех средств, которые находились в руках у частников — «нэпманов» или «нэпов».

Мои прогулки сквозь улицы и переулки (стр. 217). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 12, октябрь.

Написано по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва».

Строка 1. *На Четвертых Лихоборах.* — Имеется в виду одна из станций Московской окружной железной дороги.

Продолжение прогулок из улицы в переулок (стр. 221). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 13, октябрь.

Написано по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва». Напечатано в журнале со следующим примечанием вместо подписи: «Видели: Свой и Без подписи. Воспел: Вл. Маяковский».

В 1926 году по инициативе и при участии Маяковского по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва» было написано еще одно стихотворение: «Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод» (см. в разделе «Приложения», стр. 391).

Строки 2—4. *Ко всем к вам доходит «Рабочая Москва».* — Журнал «За 7 дней» являлся приложением к газете «Рабочая Москва».

Строки 14—15. *А на Генеральной, у Проводниковского дома...* — Имеется в виду завод «Проводник» на б. Генеральной улице (теперь — Электрозаводская).

Строки 23—26. *Зѐмли слухами полны́: Гамбург — фабрика луны.* — У Гоголя в «Записках сумасшедшего» Поприщин говорит: «Луна делается в Гамбурге...»

Строка 74. *РКИ* — Рабоче-Крестьянская инспекция (орган государственного контроля в 1920 годах).

Тип (стр. 225). Журн. «Крокодил», М. 1926, № 38, октябрь (под заглавием «Три хулигана»); Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5-го тома Сочинений внесено исправление опечатки: в строке 105 вместо «деревня» — «деревья».

Судя по заглавию в журнале и по тому, что в журнальном варианте после строки 7 следовали не вошедшие в окончательный текст строки (см. Варианты и разночтения):

> из мордоворотной плеяды их
> я выбираю троих —

повидимому, Маяковский предполагал вывести в последующих стихах еще два типа хулигана. Замысел этот остался неосуществленным.

Строки 58—62, 64, 98—106 дословно совпадают с рядом строк стихотворения «Хулиган (Ливень докладов...)», см. стр. 184).

Строка 38. *Политграмота Бердникова.*— Имеется в виду «Курс политграмоты» А. Бердникова и Ф. Светлова.

Строки 45—46. *А сбоку пишет с него Либединский.*— Либединский, Ю. Н. (р. 1898) — советский писатель.

Строки 48—49. *...стихи с него сочиняет Жаров.* — Жаров — см. примечания к стихотворению «Свидетельствую» (стр. 481).

Строка 57. *Левенбрей* — см. примечания к стихотворению «Хулиган» (стр. 506).

Строка 75. *Карпантье и Демпси* — чемпионы бокса.

Строки 95, 97. *Корнеев* и *Горшанов* — пивоваренная фирма в дореволюционной Москве.

Долг Украине (стр. 229). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 252, 31 октября; Сочинения, т. 5.

Строки 1—4. *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!* — Цитата из «Майской ночи» Н. В. Гоголя.

Строка 29. *Чаплин* — имеется в виду выдающийся современный киноактер и режиссер Чарли Чаплин (р. 1889).

Строка 33. *Дуглас* — см. примечания к стихотворению «Беспризорщина» (стр. 505).

Строка 62. *Мова* (украинск.) — речь.

Строки 73—74. *«Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав»...*— Первые строки припева «Интернационала» на украинском языке.

Октябрь 1917—1926 (стр. 232). Журн. «Красная панорама», Л. 1926, № 45, 5 ноября (под заглавием: «Октябрь 25/X — 7/XI»); журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 11, ноябрь; «Мы и прадеды»; Сочинения, т. 5.

Не юбилейте! (стр. 235). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 258, 7 ноября; Сочинения, т. 5.

Строка 99. *...почище японских землетрясений.*— Имеется в виду ряд катастрофических землетрясений в Японии в 1923—1925 годах.

Строка 103. *Англия бастующих шахт.*— В Англии происходила в 1926 году забастовка шахтеров.

Строка 108. *Кантон* — портовый город в Китае, крупнейший центр революционного и национально-освободительного движения.

Стоящим на посту (стр. 240). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 262, 12 ноября; Сочинения, т. 5.

Написано в связи с девятилетием советской милиции.

Еврей (стр. 244). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 265, 16 ноября.

Печатается по тексту «Известий».

Впервые прочитано 17 ноября 1926 года в Колонном зале Дома союзов на вечере «Писатели народов СССР — Озету» (Озет — Общество содействия землеустройству евреев-трудящихся).

По свидетельству Л. Ю. Брик, Маяковский «помог Озету устроить гигантский писательский вечер, сбор с которого пошел целиком на еврейские колонии. Для этого вечера он написал стихотворение «Еврей» и прочел его там с огромным успехом» («Знамя», М. 1941, № 4, стр. 231).

Строка 7. *Ильинка* — улица в Москве (теперь — улица Куйбышева). До революции на Ильинке находилась биржа.

Строка 9. *Караты.*— Карат — единица веса драгоценных камней.

Строки 13—15. *А тут им дают Крым!* — С целью содействия евреям, решившим заняться сельским хозяйством, было создано несколько земледельческих колоний в степных районах Крыма.

Строки 26—29. *И до сегодня над Западным краем слышатся отзвуки стонов и рёва.*— Западным краем в царской России называли несколько губерний Украины, Литвы, Белоруссии и Польши. К востоку от этих губерний проходила так называемая «черта оседлости» — евреи не имели права жить за пределами Западного края.

Строки 38—40. *И липнет пух из перин Белостока...* — Белосток — город в царской России (теперь в Польше). 1—3 июня 1906 года царское правительство спровоцировало там еврейский погром, во время которого было убито 70 и ранено 80 человек.

Строка 48. *Война* — имеется в виду первая мировая война (1914—1918).

Строки 53—54. *Потом демократы во весь свой мах...* — Большинство контрреволюционных группировок на Украине именовало себя «демократическими».

Строка 56. *Петлюра*, С. В. (1877—1926) — один из главарей

буржуазно-националистической контрреволюции на Украине в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Строка 58. *Махновщина* — от фамилии Махно, Н. И. (1884—1934) — главаря контрреволюционной кулацкой армии на Украине.

Строки 63—66. *И было в ихних Мюр-Мерилизах гнилых сельдей на неполный рубль.* — Мюр и Мерилиз — англичане, владельцы крупнейшего до революции универсального магазина в Москве (теперь в этом и соседнем зданиях помещается универмаг Мосторга).

О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки (стр. 248). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 294, 19 декабря (под заглавием «Как некоторые втирают очки имеющим циковские значки»).

Печатается по тексту «Известий».

Строка 76. *Сухарева башня* — старинное здание на б. Сухаревской (теперь Колхозной) площади в Москве. Впоследствии снесено.

Наш паровоз, стрелой лети... (стр. 252). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 296, 22 декабря.

Печатается по тексту «Известий».

Название стихотворения — слегка видоизмененная первая строка припева песни «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка» (слова Ф. Канатова).

Строки 69—74. *Должно, с Ленинграда картинный музей везут заодно с библиотекой Публичною.*— Речь идет об Эрмитаже и Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — крупнейших хранилищах произведений искусств и литературы в нашей стране.

Рождественские пожелания и подарки (стр. 255). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 309, 24 декабря (в сокращенном виде — строки 30—39, 51—76 и 83—105); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 299, 25 декабря.

Печатается по тексту «Известий».

Строки 36—38. *Рабочим — миллионы стойких Куков...* — Кук, Артур Джемс (1884—1931) — генеральный секретарь Федерации английских горнорабочих, в 1926 году возглавил мужественную забастовку горняков, продолжавшуюся несколько месяцев. В конце 1926

года посетил Советский Союз. Однако впоследствии выступал за примирение классовых интересов.

Строка 47. *14 кантонцев.*— Кантон — см. примечания к стихотворению «Не юбилейте!» (стр. 513). Осенью 1926 года власти английской концессии в Тяньцзине арестовали 14 кантонских революционеров, скрывавшихся от полиции на территории концессий.

Строка 50. *Чжан Цзо-лин* — см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 499).

Строка 56. *Бриан*, Аристид (1862—1932) — реакционный французский государственный деятель, в 1925—1932 годах — министр иностранных дел Франции.

Строка 58. *Чемберлен* — см. примечание к стих. «В мировом масштабе» (стр. 507).

Встреча Чемберлена с Брианом произошла 3 декабря 1926 года в Париже. В ущерб национальным интересам Франции Англия добилась во время этой встречи согласия французского правительства на вооружение Германии.

Строки 60—61. *Каждой республике — три Волховстроя.*— 19 декабря 1926 года состоялось торжественное открытие одного из первенцев советской электрификации — гидростанции на реке Волхов, под Ленинградом. Двумя неделями раньше советское правительство приняло решение о строительстве Днепрогэса.

Наше новогодие (стр. 258). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1927, № 1, 1 января. Печатается по тексту «Известий».

Строки 5—9. *А для нас новогодие — подступ к празднованию Октября.*— В 1927 году исполнялось десятилетие со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Строки 60—65. *У крестьян уже готовы хлебá всем, кто переписью переписан?*— 17 декабря 1926 года в Советском Союзе происходила первая после революции перепись населения.

Реклама

Что делать? (стр. 261). Журн. «Знание — сила», М. 1926, № 12 (в приложении к номеру).

ОЧЕРКИ

Мое открытие Америки (стр. 265). Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь (первая часть книги «Мексика»); газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 21, 23 января (очерк «Детройт»);

газ. «Киевский пролетарий», Киев, 1926, № 24, 31 января (очерк «Чикаго»); журн. «Новый мир», М. 1926, № 2, февраль (вторая часть книги «Нью-Йорк»); журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль (третья часть книги «Америка»); журн. «Красная нива», М. 1926, № 6, 7 февраля (очерк «Моя встреча с Диего де Ривера»); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 43, 19 февраля (очерк «Я люблю Нью-Йорк»); отдельное издание; Сочинения, т. 5.

Очерк «Моя встреча с Диего де Ривера» был опубликован в журнале вместе со статьей Я. Т. (Тугендхольда) «Диего де Ривера, художник мексиканского пролетариата» и иллюстрирован репродукциями с фресок, выполненных де Ривера на здании Министерства просвещения Мексики: 1. Литье. 2. Завод. 3. Похороны рабочего. 4. Сбор плодов. 5. Вождь мексиканского аграрного движения, убитый в 1916 году. Репродукции были подарены художником Маяковскому во время пребывания поэта в Мехико.

Отдельное издание было иллюстрировано фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики: 1. В кактусах. 2. Диего Ривера — Обучение под охраной вооруженного народа (репродукция). 3. Памятник Сервантесу в Мехико. 4. Товарищ Морено. 5. Пейзаж Мексики. 6. Бок Нью-Йорка. 7. Бок Питсбурга. 8. Угол бойни. 9. Чикаго. Общий вид Арморовских боен.

Стр. 281. Строки 15—16 печатаются по тексту отдельного издания: «соборы, вроде брата Нотр-Дама — кафедраля на площади Сокола, до маленькой церковки...» вместо: «соборы, вроде брата Нотр-Дама, от кафедраля на площади Сокола до маленькой церковки...»

Стр. 292. Строка 16 печатается по тексту отдельного издания: «иммиграционным полицейским» вместо: «эмиграционным полицейским».

Стр. 294. Строка 23 печатается по тексту журн. «Новый мир»: «до середины довезут» вместо «до середины доведут».

Стр. 295. Строка 3 печатается по тексту журн. «Новый мир»: «облекшись в башмаки» вместо «облечшись в башмаки».

Стр. 297. Строка 35 печатается по тексту отдельного издания: «неэкономимое электричество» вместо «неэкономное электричество».

Стр. 300. Строки 34—35 печатаются по тексту газ. «Бакинский рабочий»: «бубликоделательная машина» вместо «булкоделательная машина».

Стр. 300. Строки 38—39 печатаются по тексту журн. «Новый мир»: «непрерывно белые» вместо «непрерывно белый».

Стр. 304. Строка 1 печатается по тексту отдельного издания:

«машинный и человечий поток» вместо «машинный и человеческий поток».

Стр. 312. Строки 16—17 печатается по тексту отдельного издания: «я вынул из кармана доллара на три центов» вместо «я вынул из кармана мелочь на три цента».

Стр. 331. Строка 9 и далее печатается по тексту журн. «Огонек» (М. 1926, № 11, 14 марта): «Сандбург» вместо «Самбор».

Стр. 332. Строка 14 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «Что это за город Чикаго?» вместо «Чем же это город Чикаго?»

Стр. 333. Строки 9—10 печатаются по тексту газ. «Киевский пролетарий»: «мухи с луж и жидкой грязи» вместо «мухи с луга и жидкой грязи».

Стр. 340. Строка 1 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «краны сажают кузов» вместо «краны сажают в кузов».

Стр. 340. Строки 26—27 печатаются по тексту газ. «Коммунист»: «если плеваться надо вам — покупайте плевательницы сами» вместо «если плеваться — надо вам покупать плевательницы самим».

Стр. 342. Строки 17—18 печатаются по тексту журн. «Красная новь»: «закончились с пристанью Соутонфери» вместо «закончились пристанью».

Стр. 343. Строки 31—32 печатаются по тексту отдельного издания: «заплывшей деревней психики» вместо «заплывшей древней психики».

На основе последней части книги Маяковский позднее написал два самостоятельных очерка: «Американское кое-что» и «Свинобой мира», которые публикуются отдельно в данном томе (стр. 349, 353).

Книга очерков «Мое открытие Америки» была начата и, повидимому, в значительной мере написана непосредственно во время путешествия Маяковского. Так, в интервью с поэтом, опубликованном 10 июля 1925 года в мексиканской газете «Эксцельсиор», читаем: «Маяковский предполагает написать книгу о Мексике. Он сказал, что уже приступил к работе» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 234).

Интересный материал, свидетельствующий о том, что уже в начале пребывания в США у поэта вызревали основные идеи книги, содержится в записи беседы Маяковского с американским писателем Майклом Голдом, опубликованной 9 августа 1925 года в ньюйоркской газете «Уорлд» (см. т. 13 наст. изд.).

Возвратившись 22 ноября 1925 года в Москву, поэт 5 декабря заключил договор с Госиздатом об издании книги «Поездка в Мексику и Америку», обязавшись представить рукопись через месяц,

5 января 1926 года. Позднее Маяковский обратился в издательство с просьбой об отсрочке, и рукопись была сдана 25 января 1926 года.

Таким образом, 24 января 1926 года можно считать датой завершения работы над книгой «Мое открытие Америки». (Первая часть книги — «Мексика» — была закончена, по всей вероятности, еще в декабре 1925 года, поскольку она появилась в январском номере журнала «Красная новь» за 1926 год.)

В творческой истории книги «Мое открытие Америки» имела место своеобразная «устная стадия». На нескольких своих литературных вечерах Маяковский делал доклады о поездке. Из сохранившихся афиш можно заключить, что в этих докладах поэт раскрывал перед слушателями идеи и темы своей будущей книги.

Приводим выдержку из афиши вечера Маяковского, состоявшегося 6 декабря 1925 года в Политехническом музее (Москва):

1. Доклад: «Мое открытие Америки».— Испания, Атлантический океан, Гавана, Вера-Круц, Мексика, Нью-Йорк, Чикаго, Париж. Темы: Американцы ли американцы? Гавана, виски, сахар и сигары. Индейцы, гачупины и гринго. Тропический лес. Урожай фуража и президентов. Бой быков. Странные министры. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ 33! Москва в Польше. Первое звездное знамя от Ларедо до Нью-Йорка. По земле, под землей и по небу. Мораль и удочерение. Иллюстрация к Марксу. Одесса-отец. Змеиные яйца в Москве. Негры, джаз и чарльстон. Басни о Форде, Чикаго, 150 000 000 и бойни».

Другие факты и образы из создаваемой поэтом книги отразились в докладе, сделанном им в том же Политехническом музее 19 декабря 1925 года. В афише указаны следующие «темы» этого доклада, названного поэтом «Дирижер трех Америк (США)»:

«Бог доллар — доллар дух святой. Кино — Чаплин, золотая горячка, горничная в 15 тысяч в неделю. Ньюйоркский поэтический Конотоп. Фотомонтаж князя Бориса. Принцесса Сирилл. Змеиные яйца в Москве. Неподкупность продажных газет. Форд, как он есть. Американские рабкоры о Форде. Приключения мистера Браунинга. Какая Америка интересней — моя или всамделишная. Горький и Короленко об Америке и США».

Подобные доклады Маяковский делал до завершения своей книги не менее пяти раз, и они, без сомнения, явились для него определенной формой творческой работы над очерками. Характерно, например, что некоторые «темы», указанные в приведенных выше выдержках из афиш, не нашли отражения в книге.

Стр. 265. *Моя последняя дорога.*— См. примечания к стихотворениям (стр. 466).

Стр. 265. *...под тобой, быть может, Атлантида.*— Существует предположение, что в Атлантическом океане некогда был громадный остров «Атлантида», исчезнувший в результате геологических изменений.

Стр. 266. *...великие люди: Балиев да Шаляпин.*—Балиев, Н. Ф.— руководитель и конферансье театра-кабаре «Летучая мышь» в Москве. В 1920-х годах эмигрировал за границу, гастролировал по Америке. Шаляпин — см. примечание к стих. «Письмо писателя...» (стр. 510).

Стр. 266. *«В Марокко все спокойно.»* — Маяковский иронизирует над лживой информацией о восстании против испано-французских колонизаторов, происходившем в 1925 году в Марокко.

Стр. 267. *Коммивояжер* — разъездной представитель торговой фирмы; *ремингтон* — система пишущей машинки.

Стр. 267. *Покер* — карточная игра; *маджонг* — китайская игра, напоминающая домино.

Стр. 267. *Тотализатор* — игра на деньги на конских состязаниях.

Стр. 267. *Плевна* (Плевен) — город в Болгарии; во время войны 1877—1878 годов русские войска под Плевной взяли в плен турецкую армию.

Стр. 268. *Гавана* — см. примечание к стих. «Блек энд уайт».

Стр. 269. *Трезвые Соединенные Штаты.* — В США в то время была запрещена торговля спиртными напитками.

Стр. 270. *Лимитед* (англ.) — разновидность капиталистического треста.

Стр. 270. *Десятиэтажный Форд, Клей и Бок* — речь идет о представительствах крупных капиталистических фирм США в Гаване.

Стр. 270. *Прадо, Ведадо, коларио, фламинго* — см. примечания к стих. «Блек энд уайт».

Стр. 270. *...кладбище бесчисленных Гомецов и Лопецов.* — Гомец и Лопец — широко распространенные в Мексике фамилии.

Стр. 271. «*Ду ю спик инглиш?*» (англ.) — «Говорите ли вы по-английски?»; «*Парлата эспаньола?*» — искаженная испанская фраза «Говорите ли вы по-испански?» («Абла эспаньол?»); «*Парле ву франсе?*» (франц.) — «Говорите ли вы по-французски?»

Стр. 271. «*Ай эм рѐша!*» (по-английски — правильно: «Ай эм рашен») — «Я русский!»

Стр. 271. *Флорида* — полуостров на юго-востоке США.

Стр. 273. *Кин сав* — неточно переданное испанское выражение «Quien sabe» (Кто знает).

Стр. 273. *Махновщина* — здесь в смысле «анархия», «беспорядок» (см. примечание к стих. «Еврей»).

Стр. 274. *Диего де Ривейра встретил меня на вокзале.*— Диего де Ривера (1886 — 1957) — выдающийся мексиканский художник-монументалист. По поводу приезда Маяковского в Мехико журнал «Анторча» писал: «Утром, когда он приехал из Вера-Круц в Мехико-сити, его встречали на вокзале известный мексиканский художник Диего де Ривера со своей помощницей — Анайей. Еще в порту ему посоветовали купить билет в международный вагон. Он купил. Анайя, от наблюдательного взгляда которой ничто не может укрыться, воскликнула, когда Маяковский вышел из вагона:

— Смотрите, дон Диего, смотрите! У него билет в международный вагон, а он выходит из вагона второго класса...

Художник сказал: «Если Маяковский будет путешествовать по Мексике, то он поедет только во втором классе, чтобы увидеть нас такими, какие мы есть» (В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 233).

Стр. 275. *Хулио Хуренито* — герой романа И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито...» (1922) — лицо вымышленное.

Стр. 275. *Ацтеки* — см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 478).

Стр. 275. *Корабли генерала Эрнандо Кортеса* — см. очерк Маяковского «Мексика» (стр. 347).

Стр. 276. *Кайес, Плутарко Эльяс*— президент Мексики в 1924—1928 годах.

Стр. 276. *Гвадалахара* — город на юго-востоке Мексики.

Стр. 277. *...делегат Крестинтерна товарищ Гальван.*— Крестинтерн — сокращенное название Крестьянского Интернационала — международной организации того времени. Гальва́н, Мануэль Эрнандо был делегатом Мексики на первом конгрессе Крестинтерна в Москве (октябрь 1923 года).

Стр. 277. *Вапповцы* (от слова ВАПП) и *мапповцы* (от слова МАПП) — члены Всесоюзной и Московской ассоциаций пролетарских писателей.

Стр. 277. *Вержѐ* — дорогой сорт бумаги.

Стр. 277. *Павлова*, Анна Павловна (1881—1931) — выдающаяся русская балерина. С 1914 года жила за границей.

Стр. 278. «*Батаклан*» (франц.) — здесь: низкосортное варьете, кафе.

Стр. 278. *Торо* (исп.) — бык.

Стр. 278. *Ройльс* (точнее: «Ройль-Ройльс») — английская марка дорогого автомобиля.

Стр. 279. *Торо* (исп.) — здесь: в смысле арена для боя быков.

Стр. 280. *...король Альфонс испанский.*— Альфонс XIII, царствовавший в 1886—1931 годах.

Стр. 280. *Диэц* (точнее, Диас), Порфирьо — президент Мексики в 1877—1880 и 1884—1911 годах.

Стр. 281. *Недолгого царя Итурбиды.* — Итурбиде, Агустин (1783—1824), реакционный политический деятель Мексики. В 1822 году объявил себя императором; спустя год был свергнут и вскоре расстрелян.

Стр. 281. *Нотр-Дам* — Собор Парижской богоматери.

Стр. 281. *Площадь Сокола* — см. примечание к стих. «Богомольное» (стр. 479).

Стр. 281. *Гиды* — экскурсоводы; *Куки* — здесь справочники знаменитой туристической конторы Кука.

Стр. 282. *Сухаревка* — Сухаревский рынок, существовавший в Москве.

Стр. 282. *12 сантимов* — см. примечание к стих. «Мексика».

Стр. 282. *Генерал Боливар*, Симон (1783—1830) — один из героев национально-освободительного движения в Южной Америке.

Стр. 282. *Ястребиный Коготь* — см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477), *скальп* — см. примечание к стих. «Свидетельствую» (стр. 481).

Стр. 283. *...нашего грузового полка.*— Полок — телега для перевозки громоздких предметов.

Стр. 284. *...праздник 14 июля* — французский национальный праздник — день взятия народом тюрьмы Бастилии в 1789 году.

Стр. 286. *Гомперс*, Сэмюэль — реакционный профсоюзный деятель США, был с 1882 по 1924 год председателем Американской федерации труда.

Стр. 287. *Лассо* — см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477).

Стр. 288. *Ларедо* — см. примечание к стих. «Мексика — Нью-Йорк» (стр. 479).

Стр. 291. *Хайкис* — генеральный секретарь советского полномочного представительства в Мексике в то время.

Стр. 291. *Визу дали.*— Хайкис впоследствии вспоминал: «Маяковскому удалось получить визу в САСШ, убедив консульство в том, что он просто рекламный работник Моссельпрома и «Резинотреста» (см. «Литературная газета», М. 1934, № 26, 4 марта).

Стр. 293. *Бон гарсон* (франц.) — хороший парень.

Стр. 293. *Одоль* — марка зубного порошка.

Стр. 296. *Пульмановский вагон* — особый тип вагона, получивший название от фамилии Пульмана — владельца крупных вагоностроительных заводов в США.

Стр. 296. *Сан-Антонио* — город на юге США.

Стр. 297. *Шенандоу* — крупный американский дирижабль, потерпевший катастрофу 3 сентября 1925 года во время урагана.

Стр. 299. *...гоморный и содомный Нью-Йорк.*— Выражение «Содом и Гоморра» (от названий мифических библейских городов) стало нарицательным для обозначения крайнего беспорядка, разврата, суматохи и т. д.

Стр. 299. *Русская Канада* — в Канаде много выходцев из России.

Стр. 300. *В одном из фельетонов «Правды»...*— Имеются в виду путевые заметки И. Поморского «Как мы приехали в Нью-Йорк» («Правда», М. 1925, № 206, 10 сентября).

Стр. 302. *Никель* (американизм) — пятицентовая монета.

Стр. 303. *С войны за освобождение.*— Имеется в виду война за независимость США от Англии (1775—1783).

Стр. 305. *Элевейтер*—см. примечание к стих. «Бродвей» (стр. 480).

Стр. 306. *Ай-добль-добль ю* (по-английски I. W. W.) — сокращенное название профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» (Industrial Workers of the World).

Стр. 306. *Генерала — усмирителя Ирландии.*— В 1916 году в Ирландии вспыхнуло восстание, жестоко подавленное английскими войсками.

Стр. 306. *Голдапы* — от амер. «hold up» — грабить.

Стр. 307. *Айскрим* (англ.) — мороженое.

Стр. 307. *Чарлстон* — модный в 1920-х годах салонный танец.

Стр. 307. *Собвей* (англ.) — метро.

Стр. 308. *Генерал Грант,* Улисс Симпсон (1822—1885) — национальный герой США. Командовал войсками северян во время гражданской войны 1861—1865 годов; позднее — президент США.

Стр. 309. *Голиаф* — легендарный библейский великан.

Стр. 309. *Файф-о-клок* (англ.) — чаепитие в 5 часов вечера.

Стр. 310. *Плебс* (лат.) — простонародье.

Стр. 310. *Рахманинов*, С. В. (1873—1943) — выдающийся русский композитор и пианист, последний период жизни провел в США.

Стр. 310. *Канализационные акции*—то есть акции компаний, владеющих канализационной сетью.

Стр. 310. *Демос* (греч.) — здесь — то же, что плебс.

Стр. 311. *Вандербильд* — один из крупнейших миллиардеров США.

Стр. 312. *Аттабой* — от английского выражения «That's a boy» («Вот это парень!»).

Стр. 313. *Ковбой* (американизм) — конный пастух.

Стр. 313. *Мустанг*—см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477).

Стр. 313. *Бычок* — здесь: изображение на долларе.

Стр. 313. *Линкольн*, Авраам (1809—1865) — выдающийся государственный деятель США.

Стр. 316. *Пакен и Анан* — владельцы роскошных ателье одежды и обуви в Париже.

Стр. 316. *Обезьяний процесс.*— Это название получил сфабрикованный в 1925 году реакционерами судебный процесс против американского учителя Скопса, который пытался ввести преподавание основ дарвинизма в школе.

Стр. 316. *Монмартр* — район в Париже, где сосредоточено много увеселительных заведений.

Стр. 317. *Бутлегер* — см. примечание к стих. «Американские русские» (стр. 486).

Стр. 319. *...ночи осени 1920—1921 года.* — В это время промышленность США переживала полосу острого кризиса.

Стр. 319. *При мне революционные портные... повели... борьбу...*— По свидетельству одного из участников описываемых здесь событий, Маяковский «интересовался каждой деталью этой борьбы. Он часто ходил на собрания рабочих, ...выступал перед ними с докладами на литературные темы и читал свои стихи. Во время исторической демонстрации дамских портных ...он целый день провел на улице» (Шахно Эпштейн, Встречи с Владимиром Маяковским, журн. «Червоний шлях», Харьков, 1930, № 5-6, стр. 149).

Стр. 320. Саклатвала, Шапурджи (1874—1936) — индиец, член ЦК Английской коммунистической партии, депутат парламента.

Стр. 322. *Мне необходимо было срочно после лекции в Чикаго выехать ночью на лекцию в Филадельфию.* — Маяковский выступал с лекциями в Чикаго 2 и 20 октября, а в Филадельфии — 5 и 23

октября. Здесь речь идет о лекции в Филадельфии 23 октября 1925 года.

Стр. 325. *Тридцать лет назад В. Г. Короленко...* — Короленко посетил США в 1893 году. Маяковский по памяти передает здесь описание Нью-Йорка из повести «Без языка».

Стр. 325. *Лет пятнадцать назад Максим Горький...* — М. Горький был в США в 1906 году. Здесь имеется в виду его памфлет «Город Желтого Дьявола».

Стр. 326. *Дело Ванцетти.* — Ванцетти, Бартоломео и Сакко, Никкола — американские революционные рабочие, приговоренные в 1920 году к смертной казни по ложному обвинению в убийстве. Несмотря на протесты мировой общественности, они были казнены в 1927 году после длительного тюремного заключения.

Стр. 326. *Ку-Клукс-Клан* — организация американских фашистов (примечание Маяковского в отдельном издании).

Стр. 326. *Велько*м (англ.) — добро пожаловать.

Стр. 326. *Сто тысяч масонов...* — Масонство — религиозно-этическое движение, распространенное во многих капиталистических странах.

Стр. 327. *Шавли* (Шауляй) — местечко в б. Ковенской губ. (ныне — город в Литовской ССР).

Стр. 328. *Язык Вавилонского столпотворения.* — По библейской легенде, бог, разгневанный дерзким замыслом вавилонян возвести башню (столп) высотой до неба, «смешал языки», и строители перестали понимать друг друга.

Стр. 328. *Ник Картер*—см. примечание к стих. «Вызов» (стр.484).

Стр. 328. *Клетчатые ковбои киностудии Кулешова* — киноартисты, учившиеся у советского кинорежиссера Л. В. Кулешова (р. 1899) и носившие модные в то время клетчатые «ковбойские» рубашки.

Стр. 329. *...премию... имени величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина.* — Прадед Пушкина принадлежал к черной расе.

Стр. 330. *Карнеги*, Эндрью (1836—1919) — американский миллиардер. «Институт Карнеги», находящийся в Питсбурге (США) — научно-учебное учреждение на базе обширнсго музея.

Стр. 331. *Карл Сандбург* (или Сэндберг) — выдающийся демократический поэт США (р. 1878). Маяковский почти полностью приводит его стихотворение «Чикаго».

Стр. 334. *...его однофамилец Вудро.*—Речь идет о Вудро Вильсоне, президенте США в 1913—1921 годах.

Стр. 335. *...в Чикаго идут к могильной плите первых повешенных*

революционеров.— «Во время своего пребывания в Чикаго тов. Маяковский посетил самое святое место в Чикаго — могилу повешенных в 1887 году рабочих лидеров» (газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, 29 октября).

Стр. 336. *Мичиган* — озеро, на берегу которого расположен г. Чикаго.

Стр. 336. *Детройт.*— Маяковский выступал в Детройте 30 сентября и 18 октября.

Стр. 337. *Пресловутая Кирилица* — жена Кирилла Романова — одного из «претендентов» на русский престол после казни Николая II. *«Принц» Борис* — брат Кирилла.

Стр. 337. *Родченко*, А. М. (1891—1956) — советский художник, выдающийся мастер фотомонтажа; друг и соратник Маяковского.

Стр. 338. *Его книга, изданная в Ленинграде.*— Г. Форд, Моя работа и жизнь, П., 1923.

Стр. 341. *Френчлайн* (англ.) — французская (пароходная) линия.

Стр. 342. *Замахнулась... американская баба-свобода...* — См. примечание к стих. «Порядочный гражданин» (стр. 483).

Стр. 343. *Регардэ* (франц.) — смотрите.

Стр. 343. *Фордзоны* — см. примечание к стих. «Две Москвы» (стр. 506). *Амторг* — акционерное общество, осуществлявшее в то время торговые операции между СССР и США.

Стр. 344. *Бусы* — автобусы.

Стр. 344. *Депортация* — высылка из страны. Широко применяется в США для борьбы с прогрессивными деятелями.

Стр. 345. *Хороший, типа Уэллса, роман «Борьба двух светов».*— Речь идет о знаменитом научно-фантастическом романе Герберта Уэллса, в котором изображено нападение марсиан на землю.

Мексика (стр. 347). Журн. «Огонек», М. 1926, № 1, 3 января.

Напечатано в качестве предисловия к стихотворению «Мексика», опубликованному в этом же номере журнала. Иллюстрировано фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики: 1) Американский флаг, вывешиваемый в Мексике на доме неплательщика за квартиру («американский», очевидно, напечатано ошибочно — см. текст очерка); 2) Бой быков в Мехико; 3) Мексиканский коммунист Морено с Вл. Маяковским; 4) Тов. Карио, мексиканский коммунист; 5) Мексиканский пейзаж; 6) Памятник Сервантесу в Чапультапеке (Мехико).

Ряд пояснений к этому очерку см. в тексте очерков «Мое открытие Америки» и в примечаниях к ним.

А м е р и к а н с к о е к о е - ч т о (стр. 349). Журн. «Красная нива», М. 1926, № 10, 7 марта.

Напечатано вместе с фотографией: «Вл. Маяковский на одной из улиц Нью-Йорка».

Очерк во многом совпадает с началом третьей части книги «Мое открытие Америки» (см. стр. 320).

С в и н о б о й м и р а (стр. 353). Журн. «Огонек», М. 1926, № 11, 14 марта.

Очерк представляет переработку очерка «Чикаго» из книги «Мое открытие Америки» (см. стр. 330).

А м е р и к а в Б а к у (стр. 357). Журн. «Огонек», М. 1926, № 15, 11 апреля.

Написано в результате поездки в Баку во второй половине февраля 1926 года.

Было напечатано в журнале с тремя фотографиями из альбома, подаренного Маяковскому в Баку: 1) Вид черного города; 2) Групповой прибор, заменяющий 20 нефтяных вышек с желонками; 3) Раманынский рабочий поселок в Баку. Надпись на альбоме: «Пролетарскому поэту В. Маяковскому от признательных нефтеработников и Азнефти 22 февраля 1926 г.» (БММ).

О поездке в Баку 1926 года Маяковский вспоминает также в статье «Рожденные столицы» (см. т. 12 наст. изд.). Впечатления от поездки отразились в стих. «Баку» (т. 8) и в киносценарии «Инженер д'Арси» (т. 11 наст. изд.).

Стр. 357. *...восемнадцать лет назад. Издали.*— В 1906 году Маяковский переехал из Грузии в Москву. Вспоминая эту поездку, он пишет в своей автобиографии «Я сам»: «Дорога. Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи — нефть...» (см. т. 1 наст. изд.).

Стр. 357. *Второй раз... в 13-м.*— Маяковский выступал в Баку 29 марта 1914 года, а не в 1913 году.

К а к я е е р а с с м е ш и л (стр. 360). Журн. «Огонек», М. 1926, № 29, 18 июля.

Стр. 360. *Серсо* — игра с тонким, легким обручем, который подбрасывают и ловят специальной палочкой.

Стр. 361. *Бурлюк*, Д. Д. (р. 1882)—художник и поэт, друг Маяковского, с 1922 года живет в США.

Стр. 362. *...не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару.*— См. примечание к стих. «Краснодар» (стр. 489).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Мелкая философия на глубоких местах (стр. 367). Два беловых автографа (БММ); «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 117, 20 мая.

Представляет вторую, позднейшую редакцию одноименного стихотворения. Перерабатывая это стихотворение, Маяковский выбросил одну из строф (пятую) и добавил две новых строфы, а также примечание. Однако в томе 5 Собрания сочинений, сданном в Госиздат 12 ноября 1926 года, Маяковский оставил без изменений первую редакцию стихотворения.

Строка 24. *Обрастание.*— В середине 1920-х годов, в период нэпа, когда в советском обществе получили некоторое развитие буржуазные элементы, слово «обрастание» употреблялось по отношению к людям, стремившимся к накоплению предметов быта и роскоши.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное

Первый первомай (стр. 373). Отдельное издание. Написано Н. Н. Асеевым при участии Маяковского.

Строки 15—16. *Американская Федерация труда* (АФТ) — крупнейшее профсоюзное объединение США, существует с 1881 г.

Строки 43—48. *...рабочие снова без колебанья за павших поднялись два года спустя.*— Отмечая героизм рабочих Чикаго, Американская Федерация труда приняла в 1888 году решение устраивать ежегодно, в день 1-го мая, демонстрации и забастовки.

Строки 75—78. *В Париже за год до этого срока был созван международный конгресс.* — 14—20 июля 1889 года в Париже состоялся I конгресс II Интернационала.

Строка 104. *Лавров*, П. Л. (1823—1900) — один из идеологов народничества.

Строки 180—182. *Везде шуцмана, жандармы, констэбли...* — Шуцман (немецк.) и констэбль (англ.) — полицейский.

Строки 196—197. *В Германии — праздник сведен на нет.*— Стремясь выхолостить боевое содержание первомайского праздника, германские социал-демократы (а за ними и оппортунисты других стран) перенесли его на первое воскресенье мая — нерабочий день.

Строки 271—272. *...говор про русский действенный метод...*— Революция 1905 года в России оказала большое влияние на международное рабочее движение; первомайские забастовки и демонстрации в различных странах в 1906 году носили боевой характер.

Частушки для книгонош (стр. 386). Беловой автограф рукой С. И. Кирсанова (БММ).

Написано С. И. Кирсановым при участии Маяковского.

Впервые опубликовано: журн. «Литературное обозрение», М. 1936, № 6.

Строки 138—139. *Ять, фита, ижица* — буквы русского алфавита, упраздненные после революции.

Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод (стр. 391). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 14, январь.

Написано С. И. Кирсановым при участии Маяковского.

Напечатано в журнале со следующим примечанием: «Воспели Кирсанов и Маяковский. Видели два рабкора — 554 да 524».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ (*вторая половина 1925 и 1926*)

Стихи об Америке (1925—1926)

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

Стихотворения (1926)

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 7.

Редактор тома А. Февральский.

Редактор *К. Малышева.*
Оформление художника *Б. Воронецкого.*
Художественный редактор *Г. Клодт.*
Технический редактор *Г. Архангельская.*
Корректор *Г. Сурис.*

*

Сдано в набор 24/V 1957 г.
Подписано к печати 4/X 1957 г.
Бумага 84 × 108 1/32 — 16,75 печ. л.
27,47 усл. печ. л. 25,43 уч.-изд. л.
+ 7 вклеек = 25,78 л.
Тираж 190 000 экз. Заказ № 537.
Цена 11 р.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

